

ВИТАЛИЙ ПУЛЯКОВ

КАТЛИ
ВДОХІОБЕЖИЯ

ВИТАЛИИ ПУЛЯКОВ

КАТЛИ
ВДОХНОВЕНИЯ

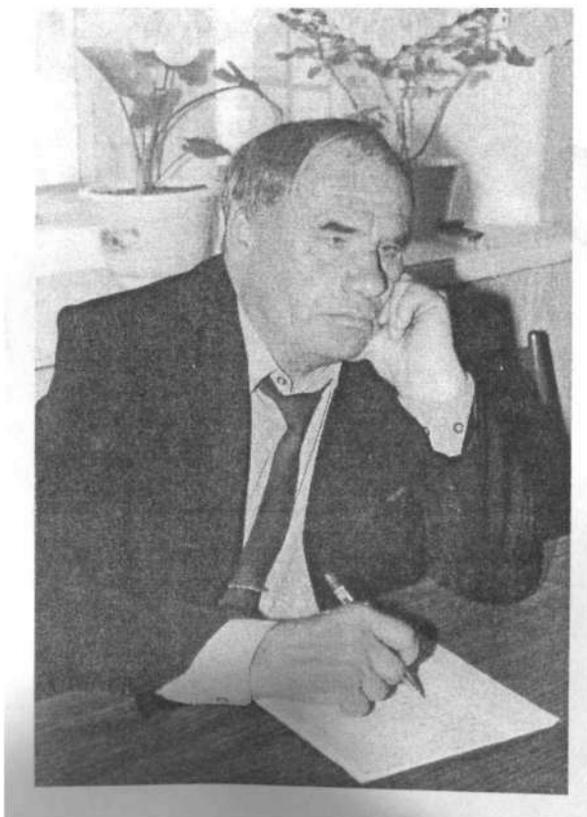
Каганда, 2007

**ББК 84(5Каз-Рус)
Т82**

Туляков Виталий

Т82 Капли вдохновения: Стихи, рассказы. - Караганда: Арко,
2007. -284 с.

ISBN 978-601-204-003-6

ББК 84(5Каз-Рус)

ISBN 978-601-204-003-6

© Туляков В., 2007 г

От автора

Почему я так назвал эту книгу? Сборник составлен из многих моих газетных публикаций за довольно-таки большой период времени, начиная где-то с начала 70-х годов по сегодняшний день. Публиковался в основном в районной газете, которая сначала называлась «Нуринский хлебороб», потом «Нуринский вестник», а теперь - «Нура». В эту книгу я не включил чисто газетный материал, т. е. информацию о севе, уборке, урожаях с цифрами и процентами, и не потому что я ее пренебрегал или пренебрегаю. Включил лишь то мною написанное, где, на мой взгляд, есть творческое начало и где просматривается лицо автора как художника, хотя и чисто газетный материал - это тоже творчество, но совсем иного плана.

Почему «Капли вдохновения»? «Капли» - это мои очерки, рассказы, стихи, юморески, а без вдохновения они просто бы не «пролились». Без этого состояния души вообще трудно садиться за письменный стол. В общем, это состояние присуще каждому из нас независимо от того, чем мы занимаемся в жизни, и у каждого оно - свое. Не помню, кто из писателей сказал: «Чтобы писать, надо сильно любить и сильно ненавидеть». А Сергей Есенин в одном своем «программном» стихотворении сказал: «Дар поэта - ласкать и карябать. Роковая на нем печать... ». С ним я согласен! На мне тоже - роковая печать. Жизнь уходит и «... кто я, что я? Только лишь мечтатель... ». Материальных благ не нажил от своего пристрастия к писательству, скорее имел больше проблем. Признание - тоже одна надежда, что хоть немного знаком читателям в масштабе района. Каждая вещь этого сборника - мой нерв. Каждое стихотворение, рассказ, очерк имеет свою «боевую» историю с редакторами газеты. И даже тогда, когда они признавали мною написанное удачным, мне публиковаться было всегда трудно: и в «застойный» период, и в перестройку, и при «демократии», я как-то «не попадаю в ногу»: то тороплюсь, то отстаю. Газета есть газета - информационный орган, а если еще это орган райкома КП или акимата района, то... Но это разговор особый.

О чем же мне еще рассказать тебе, уважаемый читатель, взявший в руки эту книгу? Может быть, о том, что некоторые стихи - конъюнктурные, чисто газетные, ибо писались к определенным праздничным датам. Грешен, каюсь: хитрил, чтобы только напечатали. Наверное, это плохо и для автора, и для художественного уровня. Но об этом судить тебе, читатель.

Книги мы читаем по-разному: кто-то сначала хочет хоть что-то узнать об авторе, а потом читает его книгу, а кто-то прочтет книгу, а потом заинтересуется биографией автора. Поэтому пишу несколько строк о себе. Родился 10 ноября 1949 года в селе Ивановка Нурина района Карагандинской области. По образованию я «незаконченный» агроном и зоотехник, ибо в свое время учился в техникумах этого профиля в Каркаралинске и в Косцах Целиноградской области. С 1973 на инвалидности по зрению. Первый раз написал в районную газету в 1966 году. Вскоре получил письмо из редакции от заведующего отделом писем Анатолия Аликина. Письмо было обстоятельное, а в конце: «У Вас есть чувство Слова. Пожалуйста, пишите нам чаще». Вот так и «заразился». Также публиковался в газетах «Индустриальная Караганда», «Азия Транзит», в журнале «Енбек таны» - «Заря труда». Несколько раз встречался и беседовал о поэзии с ныне уже покойным поэтом Михаилом Даниловичем Балыкиным. Но в основном писал и пишу для «районки». Этого мне было достаточно. Плохо это или хорошо, я еще не решил.

Виталий Туляков

Капли человечности и добра

Книга Виталия Тулякова «Капли вдохновения» непременно вызовет интерес у читателей с самыми разными наклонностями. Любители поэзии найдут в ней свою «каплю вдохновения», прозаики - свою. С немалым интересом читатели познакомятся с его рассказами «Последний бой Родиона Рощина», «Родная улица», «Своя орбита»... Рассказы интересны, убедительны, достоверны, своеобразны формой подачи, изложением материала. Знакомясь с очерками «У истока», «Воспитание музыкой» «Вехи большой жизни», читатель проникнется уважением и любовью не только к героям, но и к автору, который сумел увидеть крупницы человечности и добра.

Книгу В. Тулякова не только можно, но и нужно издать.

А.

член Союза писателей,
член-корреспондент Международной
академии информатизации

Главные герои — земляки

Считаю большим упущением то, что крайне мало издается книг о людях нашего края. Их дела и поступки должны стать хорошим примером для подражания, особенно для молодежи.

Книга Виталия Тулякова «Капли вдохновения» посвящена героям нашего времени, их имена с изданием этой книги станут известны широкому кругу читателей. Уверен, что такие очерки, как «Через Горькую линию», «У истока», «Цветы Ольги Гаун», да и многие другие, вызовут неподдельный интерес. Немало нового найдут и любители поэзии, фельетонов.

Думаю, что с изданием книги и автор, и издательство получат немало Благодарственных писем.

Убежден, что книга В. Тулякова должна быть напечатана, потому как она вызовет одобрение у читателей.

В. Мякинкин,
член Союза писателей

Стихи

Раздумье

Передо мною
 белый лист бумаги.
Чего ж не достает:
 отваги или влаги,
Но повесть «не идет»,
 а жизнь уходит.

Я трусость презирал,
 а сухость отвергаю.
С судьбою, вроде,
 тоже я в прятки не играю.

А может, Лист не чист,
 и я пишу - по строкам,
И уподобился я просто
 тем сорокам,
Которые стрекочут дружно,
 эстафетно,

Не потому, что видят,
 а просто - не запретно.
Да, явно Лист не чист
 и нужен ластик.
Ох, сколько же в мозгу моем
Знамен и Звезд, и Свастик...

А начинать бы надо не с начала,
 а с конца.
Не с манной каши,
 а с тяжелого свинца...
Тяжелого свинца,
 что на душе моей лежит.
А жизнь, а жизнь
 бежит, бежит...

Сергей Есенин

Канарейка с голоса чужого -
Жалкая, смешная побрякушка.
Миру нужно песенное слово
Петь по-свойски, даже как лягушка.
Сергей Есенин

Заката луч скользит по книжной полке,
«Горяг» Есенин, Маяковский, Блок.
Протягиваю руку и «срываю» тебя -
Рязанский Северный Цветок.
Сергей, ты на Тверской когда-то мечтал
О том, чтоб «бронзой прозвенеть».
Да! Миру надо песенное слово,
И ты сумел по-своему нам спеть.
Мне музыка души твоей созвучна.
Близки твои и «звень», и «цветень», и тоска.
А голос твоей нежной Персиянки
Доносит ветерок издалека.
«Русь уходящая» - так дорого и близко.
Грусть тихая, как воздух и вода.
Ею лечатся и утоляют жажду
Не только села, но и города.
Ах, города! Ты так боялся камня,
Железной хватки, равнодушных глаз.
Поверь, поэт, и будь спокоен:
Им не отнять поэзии у нас.
Хотя страна вновь на изломе,
Но мы посмотрим, кто кого возьмет:
Твой добродушный Прон Оглоблин
Или «салонный, вытощенный сброд».
Ты отрекался и влюблялся.
«Лицом к лицу - лица не увидать -
Большое видится на расстоянии».
И нам все это снова повторять.

Раздумье под елкой

Год за годом - Новый год.
Елок - целый хоровод:
Сорок восемь завертелось...
Отчего же мне не спелось?
А ведь вроде все в порядке:
И «желали» и «хотел»,
Только все же почему-то
Мимо счастья я летел.
Не хапугой жил, не вором
И не шастал я по «норам»,
Жить по правде норовил,
А всем ближним насолил.
Стать всегда мечтал поэтом,
Ну, а стал «Да он с приветом! ».
Все земное отменяя,
Не построить себе рая.
Елки-палки, лес густой,
Отчего же я такой?
Не хочу и не желаю -
Семь уж елок так сжигаю.
В чем причина, Дед Мороз?
От спиртного синий нос...
Вот для полного «букета»
Только не хватало слез!
Вон шестнадцатая светит!
Кто ж такую не заметит?
Море чувств и горы планов
И все ясно - нет тумана.
Здравствуй, елочка-девятка!
Ну, а этим что сказать -
Сорок два и сорок пять?
Вы - сплошные тосты, тосты.
Лицемерны, лживы, косны.
Звезды гаснут на макушке...
Счастье - в детской погрешке.

Новогоднее пожелание

С Новым годом, новым счастьем,
Счастье старое цени,
Год ушедший, провожая,
Добрым словом помяни.

Год ушедший твой - частица
Самого тебя, поверь:
Если б вдруг он возвратился,
Ты всегда откроешь дверь.

Это - счастье, то - несчастье,
Иногда - наоборот:
Новый год и то, и это
Зашифрованным несет.

В год ушедший Ее встретил,
Пусть - нескладно, пусть - прошло,
Год ушедший - все же счастье:
Было больно, хорошо.

А со временем «плохое»
Нам дороже и милей,
Новое приема счастье,
Старое в душе лелей.

А находки и потери
Будут в каждый новый год.
Важно, чтобы «не забили
Сорняки твой огород».

Новое - тебя приблизит,
От чего-то - удалит.
Только б сердце не остыло,
Пусть ликует, пусть щемит.

Год ушедший - ты без денег,
В новом - тоже их не жди.
Правда, ведь не в деньгах счастье,
Счастье - в засуху дожди.

Повесть о счастье

Снова свет отключили...
Ну, а мне хорошо:
Керосинку налажу:
В гости детство пришло.

Полистаю при лампе
Жизни Вечной Букварь,
Предпочту я всем вафлям
Стимул жизни - сухарь...

Ослепленные светом,
Одурманены теле...
Мы оглохли душою,
Все печемся о теле.

Ищем всюду мы счастье -
Разве надо искать?
Ведь куда эффективней-
С ног на голову встать!

Кто-то в городе шумном.
Кто-то ищет в глуши,
Ну, а счастье так «просто» -
Состоянье души.

За окошком метельно:
Завывает февраль.
Это повесть о счастье,
А не просто мораль.

Раздумье

О, как мне хочется устать!
Устать, как в детстве уставал.
Когда мосты, дороги, крепости
Весь день сооружал.

А что сейчас?
Сейчас весь день (и вроде не сидишь, как пень)
За это взялся - нет того,
(Теперь же нету многого),
А то, что вроде б подошло,
Да стоит очень дорого.
И ты - устал, но ты устал
Совсем не той усталостью.
И надо тут признать:
Устал ты - Взрослой Шалостью,
А от усталости такой
Тебе и не уснуть,
И сказками или «баю-баю»
Тебя не обмануть.

О, как мне хочется поспать.
Поспать, как в детстве спал.
Чтоб, как когда-то, высоко
Над домом полетать!

Почему?

Почему я разучился слушать:
Для меня и ветер не свистит,
Почему я разучился видеть:
Для меня и речка не блестит!

А ведь было все совсем иначе:
В ветре я читал свои мечты,
В зеркале реки я часто видел
Твои, Нина, милые черты.

Все вокруг о чем-то говорило:
Облака - о дальних городах,
Куда мы с тобой обязательно поедем
И побродим в парках и садах.

А теперь же ветер - просто слякоть.
А река - лишь стылая вода,
Облака... сравнить же с городами!
Надо же! Какая ерунда!

На берегу Нуры

Год за годом меняется берег,
Заводь детства замыта песком,
Место, где пескарей мы таскали,
Заросло окугой, тальником.

Пескари, пескари - рыба чистой воды,
На Нуре вы давно не прописаны,
Ртутным илом, мертвящей каймой
Берега на Нуре порасписаны.

Желтый лист в темной, стылой воде,
Небо будто бы с киселя.
И несется, несется к земле
Неразгаданный клич журавля.

Для кого-то, наверное, «Навеки прощай! »,
Для кого-то всего лишь: «До встречи! ».
Что же мне для себя уловить
В этой сбивчивой, режущей речи?

«До свиданья» сказать журавлю,
Или, может быть, с ним попрощаться?
Я устал, очень сильно устал,
Разучился встречать, удивляться.

Камыши над Нурою вздыхают: «Пройдет... ».
Что прошло - не вернется, сам знаю!
Я давно уже прошлым живу,
Не живу я, а лишь созерцаю...

Ностальгическое

Памяти Рымхана Ахметовича Жакупова

Едва проехав Карбушевку,
дышу тобой, Каркаралы.
В долинах - стайками березки
И сосен - медные стволы.

Живу в степи, но гены просят
Лесного духа, прелесть мха.
А на Нуре у нас уж очень
Земля раздета и суха.

Хочу опять на Шайтанколь я,
Где уже восемь раз бывал,
Сосновый бор хочу проведать,
Где с Жакуповым «страдал».

По улицам Каркаралинска
В вечернем сумраке пройти.
Где мы с Рымханом соображали:
Ну, где найти! Ну, где найти!

То было время Перестройки.
В опале был тогда бог Вакх,
Но указал один нам «точку»:
«Иди в Нагорный Карабах».

Жакупов - местный: знал он город.
И мы нашли тот «Карабах»,
И в санаторий возвращались,
Как говорится, на бровях.

Но это так... да просто к слову!
Не этим были мы дружны,
А тем, что мы ценили оба
Все то, чем здесь окружены.

... Я в Комиссаровку заеду,
Дом Лесника вновь обойду,
В Пещеру к первобытному залезу
Быть может, сам Себя найду.

Наедине с собой

Говорят: «Ты уже не молод...».
Согласиться мне с этим или нет?!
Ведь души не коснулся же холод,
Может быть, «проворонил» момент?

Снова осень, какая по счету
Я не буду, не буду считать.
Не умею я жить по расчету,
Надо честно об этом сказать.

Что-то все перепуталось, смялось:
Не по времени жил - по судьбе,
Как смирить в себе то, что осталось,
Не подрезать же крылья себе.

Осень, осень - любимое время.
Не люблю я тот ласковый май.
Принимаю нелегкое бремя,
Так, как хочешь, меня понимай.

Лист кружится, и мысли кружатся,
И светлеет в аллее, в саду.
Нет, не надо, не надо бояться,
Никуда от себя не уйду.

Стынет речка Нура, оголились
Тальники по ее берегам,
И наряды на людях сменились,
Неподвластны лишь чувства годам.

Ну, а если ты просто лукавишь:
Говорят же: года, как вода,
Пройдет время, ты тоже оставишь
Этот мир, чем ты жил, навсегда.

Говорят: дважды в одну и ту же речку
Никогда ты уже не войдешь.
Так на чем же оставить насечку,
Утвердиться, что жил и живешь.

Написать своей жизни поэму?
Только - кто же читает теперь!
Покачать ли кого за измену?
Что ломиться... в открытую дверь.

Лавочка

Не хочется о грустном, о печальном,
Но все же расскажу вам об одном:
Почти у самой речки на окраине
Стоял тот шумный и веселый дом.

У палисадника стояла лавочка.
На ней дед с бабкой солнце провожал.
Частенько там сидели дочки, внуки,
Тогда ого-го-го! - весь дом дрожал.

Прошли года.
Иду я снова мимо:
С глазниц оконных - сквозняки,
А лавочка стоит,

Закат горит все также откровенно,
Хотя на лавочке никто уж не сидит.

О женщине

Я женщин отличаю, как школьные предметы:
Та - физика, та - химия, а та - литература!
Я женщин разделяю, как виды искусства:
Та - музыка, та - графика, а та - скульптура!

И каждая женщина - это время года:
Та - метель белая, та - малина спелая,
Ну, а та -
 просто непогода.

Ну, а поскольку "нет плохой погоды",
И "каждая погода - благодать»,
То каждая из вас - неотразима...
Вот только бы средь вас свою узнать!

Кому-то ближе - Музыка,
Кому - Малина спелая,
Меня же вдохновляет
Метель шальная белая!

О Времени и о Тебе

Посвящается Л. С.

ЛюблЮ похолоданье в мае,
Озябшую, цветущую сирень...
Теперь я даже время исчисляю -
Тот год, то небо, тот настрой, тот день.

Вошла с букетом той озябнувшей сирени,
Сказала просто: «Я ведь знаю, ты же ждал».
Была такой ты... и была такою!
Тебя бы даже сам Господь не осуждал.

Ну и зачем и в чем тут объясняться?
Ты виновата в том лишь, что - права!
Сумела все понять, сама решила.
И мы отвергли - тусклые слова.

С волос твоих, с плаща струился холод,
А с зонтика все капала вода...
Тот майский день, тот аромат холодный
Меня согрел тогда и - навсегда.

О, как волнующе похолоданье в мае,
Пусть многие меня и не поймут,
Но я за это и не осуждаю:
Они своими датами живут.

Один -
Машиной, дачей, назначеньем,
Другой -
Пожаром, ссорой, наводненьем...

К Лиде

Весенняя проталинка, земля парила,
Ты классики чертила стеклышком на ней,
О, сколько лет прошло с тех пор, но почему же
Вот этот кадр из детства вижу все ясней?

Ты в эти классики бросала свое стеклышко.
На одной ножке прыгала ты в них.
С тобой вдвоем открыли ту проталинку,
Она была наш остров на двоих.

Потом другой был остров и с другим...
На нем так много было денег, блеска, лоска,
Встреч, ожиданий, смеха, новостей -
Так шумно, словно у газетного киоска.

И этот остров вы не отстояли.
Чужие вторглись на него.
И вы расстались, оба отчужденные.
Кто ж виноват из вас, винить кого?

Виню себя, я был сторонним наблюдателем.
Считал: теперь уже тут ничего не изменить.
Ты продолжала верить, ошибаться.
А я «спокойно» продолжал тебя любить.

Тогда на той проталинке весенней
Я был намного искренней, мудрей:
Тогда бы никому я не позволил
Занять проталинку, мешать игре твоей.

О, эти жизни правила, о, эти стоп условности,
О, как страдаем из-за них порой!
А, может, стоит жить, как живем в детстве:
Играть нам в жизнь - а жизнь считать игрой.

Ты только не считай, что ты меня обидела,
Я сам себя обидел и тебя - невольно.
Зачем же мы расстались с пожеланьем счастья,
Скрывая то, что нам обоим больно.

По следам

Вот дом Ее. Теперь в нем - магазин,
Ее окно, а в нем теперь - решетка...
К крыльцу - и плиты, и асфальт.
Тогда была лишь Ею хоженная тропка!

Я здесь с работы - на работу проходил,
Ее я видел почти ежедневно
И много раз решался подойти,
И не решился, скажу откровенно!

О чем грущу, о чем я сожалею?
Мне жаль той тропки... На асфальт плюю!
Я презираю на окне решетки!
Чего же я здесь все стою - стою?!

Я вижу розовые шторы,
Журнал «Советское кино».
Она его всегда листала,
Как старики - все в домино...

Лизе

Немного странно и, наверное, смешно:
Дом ветеранов - инвалиды, старики...
А я пишу тебе здесь эти строки
И обстоятельствам и месту вопреки.

Когда-то я читал «Дворянское гнездо»
И был влюблен в тургеневскую Лизу,
И вот я встретил из Абая Лизу,
Ну, как найти теперь мне к сердцу ее визу!

Обременен годами и утратами,
Я научился свои чувства тормозить,
Но вот тебя я встретил, Лиза!
Ты обновила все! Мне хочется любить!
Через неделю мы с тобой разведемся.
Дни потекут! Недели и года...
А время, говорят, все лечит,
Наверно, лечит, но не всех и не всегда!

Я не хочу, чтоб время излечило
Меня от чувства нежности к тебе,
Не требовал, не отрекался я, а покорялся
И Случаю, и Воле, и Судьбе.
Твой облик не рисую я словами:
К чему тут губы, плечи, ноги и глаза.
Ты - просто женщина, которую желаю,
Ты - в знойный день - вечерняя гроза.

25. 06. 2004г. г. Караганда

Откровение

Посвящается С. Ю. С.

Ты плачешь, говоришь: «Меня не понимают».
Поверь мне: я сумел тебя понять!
Ты ищешь золотую середину.
Тебе ее, увы, не отыскать.

О, Юля, Юля -
Зной июля.
Вот оттого-то в этот зной
Вдруг так испортится погода -
Повеет холодом, зимой.

А в чувствах и в любви нет этой середины,
Тут или-или и другого не дано.
И ты теряешь просто ориентиры.
Не отличить, где «крышка», а где «дно».

О чем я речь веду -о нашей брэнной жизни,
Как говорят, о карме, о судьбе.
Тебя такой вот я люблю и принимаю,
И в этом признаюсь тебе!

«Какой - такой? ». прочтя, возможно, спросишь,
«И если ты поэт, давай, скажи... ».
Когда ты рядом - хорошо с тобою.
И больше не хочу теперь ни правды и ни лжи!

Индийский фильм

О, мелодии Индии,
О, муза кино.
Как будто - вчера лишь,
А было давно:
Ты рядом сидела,
Твой профиль - ловил,
Тебя я нежнее
Героя любил...

Ты плачешь, жалея
Того, с полотна,
А я с тобой рядом -
Меж нами - стена!
Любовь та - с экрана
Тебя увлекла.
Ты - нежность, ты - чуткость,
Со мной же - скала!

Наш старенький клуб.
Тот вечерний сеанс.
Индийский тот фильм -
Он же точно о нас:
Любила по книгам,
Рыдала в кино.
Я был с нею рядом.
А ей - все равно...

Индийская музыка
Чарует и змей,
Ее как услышу,
Так вспомню о ней.

Особое звание

Посвящается первоцелинникам
Нуринаского района, прибывшим из
Калужской, Брянской, Орловской,
Владимирской областей, городов
Бежица, Дарковичи, Коврова, Муром.

Страна запела: «... едут новоселы... ».
И Николай, волнуясь, тихо подпевал.
И каждый день - волнение и смятение:
Ведь кров родной держал его, держал...

Оставить мать и двух сестреноч?! -
Отец-то с фронта не пришел...
Мать получила похоронку,
Когда ему девятый шел.

С тех пор он - старший и - хозяин.
Так говорила о нем мать.
И вот теперь настало время
Свою и их судьбу решать.

А Целина струной звенела:
Газеты, радио - она!
Как девять лет назад гудела
Война, Священная война!

Но тон не тот - иные краски...
Здесь - смех и солнце, и простор.
Ну, а в родном колхозе... Боже!
Какой разор! Какой разор...

И предколхоза правит круто:
«Ты не поедешь, Николай,
На вдов оставишь свое поле -
Предатель будешь! Таки знай... ».

Ох, как непросто! Как же трудно
Идти судьбе наперекор...

Полсотни лет с тех пор минуло,
Но трепет дней тех до сих пор.

Но вечный зов, зов созиданья,
Зов утвержденья: «Кто же я?»,
Поднял тогда он Николая,
Привел в целинные края.

Далекий год - пятьдесят пятый:
Февраль, буран, полночь - стук в окно.
Отец ввел в дом замерзшего «студента»,
Он был весь белый, словно полотно.

«Машина под Ивановкой застряла...
Иду в «Индустриальный» - Далеко?». «
«Сядь к столу: картошка, вот огурчик,
Чайку? А если хочешь, вот и молоко...».

Да, вот с тех пор и знаю дядю Колпо,
С тех пор, как он у нас заночевал.
А через годы, всходы и невзгоды -
Каким он Человеком у нас стал!

Да, у него сложилось все, как в этой песне:
Сюда, к себе, привез сестренку, мать.
А то, что ехали сюда не все с «оркестром»,
Так это тоже надо принимать.

Они подняли Целину - она их утвердила:
Дала им все, что требовали тело и душа.
Не рай, конечно, им его не надо -
Ад с раем пополам - чем жизнь и хороша.

Пятьдесят лет целинной эпопеи -
Ее герою - семь десятков лет...
Первоцелинник - это уже Звание!
И время выдало особый им билет.

Учителям и педагогам

Есть слово русское «учитель»!
Я не люблю чужое - «педагог»...
И не заменит здесь - «преподаватель»,
Не заменить же слово «больно» воплем «ох!».

Какое емкое понятие -
Не просто дока или спец...
Учитель как путеводитель
По жизни молодых сердец!

А педагог, преподаватель
Предполагает преподавать...
Не исключает: придет время -
Возможно даже и предать!

А в школе должен быть учитель,
Пусть жизнь сложна и так трудна,
Пусть говорят, мол, правд так много,
Но истина всегда одна!

Читать, считать тебя научит
Преподаватель - педагог,
Но рисовать и петь обучит
Тебя лишь он - учитель-бог!

Вот скажут: «Прикопался к слову»,
Но дело вовсе не в словах,
А в том, чтоб не было прорехи
Между словами и в делах.

Не обижайтесь, педагоги,
Ведь есть среди вас Учителя!
Вы Человеком быть учите.
Вот в чем позиция моя.

Сочинение на школьную тему

Посвящается Г. В. Зубковой,
учительнице русского языка и
литературы Ивановской
восьмилетней школы в период 1964-65 гг.

Обычно помнят свою первую учительницу,
Я же, вспоминая школу, вижу Вас:
Сейчас, сейчас вот дверь откроется,
И Вы войдете в наш бурлящий класс.

У нас тогда на практике Вы были,
А было Вам чуть больше двадцати.
Признаюсь: через годы, годы
Не раз мне приходило - Вас найти.

Найти Вас и сказать! А что сказать?...
Обычное, привычное: «Я так Вам благодарен!»?
А вот за что? Но вот за что?
Я этих слов и не найду, наверно, я бездарен.

Признаюсь: в Вас я был влюблен,
И из-за Вас я полюбил литературу.
С тех пор и до сегодняшнего дня
Я принимаю эту вот микстуру.

До встречи с Вами я прочел три с половиной книги,
А после Вас - три тысячи пятьсот.
И это только книги, только книги -
Журналы, периодика не в счет.

Я Вас повстречал лишь в восьмом.
Вы классу мои сочинения читали:
На Ваших уроках впервые тогда мы
На вольную тему писали.

Такой неконкретный предмет -
Какая свобода для творчества!
Галина Васильевна, Ваши уроки
Лишили меня одиночества.

Вы были старше нас лет на шесть или на восемь,
И это было плохо так, что даже... хорошо.
А было это - в шестьдесят четвертом.
С тех пор... о, сколько, сколько лет прошло.

Но здесь я опущу слова: «... седины»,
Для нас ведь, правда, это не беда,
Я знаю: Вы по-прежнему красивы.
Я верю: Вы душою молода.

Я в неведении - где Вы сейчас,
И как Вы жили, как живете,
И если Вы по-прежнему в Караганде -
Возможно, это откровение прочтете.

Рассказ старого шофера

Рассказ его был сбивчив и забавен,
И он все сравнивал: как было - и теперь,
Наверное, он жаждал откровенья:
Курил и приговаривал:
- Поверь!

Моя карьера - от полуторки и до «Камаза»,
Но больше чем других любил я свой «ЗИС-5».
Вот не понять - что это за машина!
«Захар», «Захар», а время - помирать...
Он говорил то про асфальт, то про коробки.
Про «майских шоферов» и про прогноз:
- А мы с Иваном при любой погоде
Снабжали всем необходимым свой колхоз...

... Иван сказал:
- Должны проехать!
Мне тоже надоела эта канитель:
Четвертый день торчим на Постоялом.
И мы рванули в ночь, в мороз, в метель.

Наверное, решиться помогла нам
«Особая московская» тогда,
Но мы же были с ним здоровые, как черти,
И посчитали: это ерунда!

Уже за Молодецким поняли с Иваном:
Уж лучше бы на Постоялом нам лежать:
Сплошной стеною снег перед капотом.
И как дорогу тут не потерять!

Два дня тогда мы били к Интумаку.
Тогда-то вот Иван и ногу потерял...
Ну, а сейчас лишь чуть задуло -
Все мертво! Все - аврал - завал.

Он снова прикурил и крякнул недовольно.
И стал последнюю по рюмкам разливать.
Но тут вошла к нам баба Шура:
- Ох, накурили! Хватит! Пора спать.

У постели мамы

На полке в шифоньере узелок.
В нем платье черное и синенький платок.
И даже тапочки туда мама поклала
И это все сама своей рукой ласкала.

Я жил.. и свыкся: мама - навсегда!
Как небо, солнце, воздух и вода...
И вот передо мною этот узелок -
На бренность жизни убедительный намек.

В последний путь сама мать собралась.
И как ее теперь мне удержать,
Сказать: «Не срок, еще не срок,
Давай развяжем, мама, этот узелок».

Вот этот узелок возьму и развяжу,
Но разве этим к жизни привяжу?!
Облегчить мама хочет нам тот день,
Когда померкнет солнце, будет только тень.

Смотри, вот платье, что так любила ты -
По голубому - алые цветы...
Тебе ж теперь милее этот узелок,
Как моднице подаренный брелок!

А во дворе цыплята: «пи, пи, пи...»
И не желают без тебя расти,
На грядках, в огороде - пустоцвет,
И без твоих чудесных рук плодов там нет.

И никогда я не смогу принять:
«... а мне пора, сынок, и помирать!».
Кем этот установлен срок?!
Ведь - навсегда же камень и песок...

Ты ж, мама - Пасха, ты и Рождество.
Ты моего бытия ведь торжество!
И как понять: ты хочешь уходить
И, значит, мне наполовину жить!

Настанет день, и солнце вновь взойдет,
И первый день здесь без тебя пройдет,
Все будет, как вчера и как всегда,
И даже мокрою останется вода...

Параллельная жизнь

Моя мама звала свою маму.
Я пытался ее убедить.
Эту старую, вечную драму
Невозможно принять, отворотить...

Что же хочет сказать мама маме:
Что устала в постели лежать?!
Часто-часто в последнее время
Мама маму к себе стала звать...

Не дозваться теперь мне уж маму,
Мама там теперь - в детстве своем.
Примеряет ей сшитое платье,
Обсуждают фасоны... вдвоем...

У окна

Мама мыла рамы...
Нет, это - не с букваря!
Двойные - мы с мамой ставили
Всегда вот так - в конце сентября.

Меж рамами вату клала,
А в чашечке ставила соль.
О, мама! Ох, мама святая -
Струющая, нежная боль.

Потом шинковала капусту -
Я чистил и ел кочаны.
О, детство! О, детство цветное -
Теперь только память и сны.

А дни все короче, короче,
А я - все взрослее, сильней.
Зачем так спешил с повзрослением?
Ведь мама - старее, слабей...

Вот нет уж меж рамами ваты,
Давно растворилась та соль.
И нет у меня уже мамы.

Осталась лишь нежная боль.
Капусту теперь не шинкую,
Готовую в банках беру.
Закат догорает за стеклами,
И листья кружат на ветру...

У обелиска

На сельском обелиске - сто двенадцать сыновей!
Читайте: Михаил, Иван, Сергей...
У каждого здесь родственник стоит -
А обелиск безмолвствует, молчит.

Молчит и знойным летом, и зимой,
Но он и не глухой, и не немой.
Для тех, кто не оглох душой,
Остановись, прислушайся, постой.

О, сколько лет приходим мы сюда,
И уже кажется нам - так было всегда...
Семьдесят пятый год, девяносто пятый
И совсем скоро - год две тысячи пятый.

У обелиска - жена твоя и мать седая,
У обелиска - сын, невестка молодая,
У обелиска внуки гимн поют,
У обелиска правнуки спуют...

А ты - лишь имя - краской по металлу.
Твой прах на Шпрее или где-то под Бреслау.
И здесь вот вдруг увидел я тебя живым:
Не в ореоле славы, а простым.

Вот мама твоя - веселая и молодая
Хлопочет, тебя в школу провожая.
А вот вернулся вечером ты с поля:
Умылся, не поев, и - на крыльцо - тебя ждет Оля.

А вот вы и втроем: ты, Оля и ваш Родик!
Ему в тот год исполнился лишь годик.
Сегодня он стоит у обелиска.
Венок тебе несет вот правнучка, Лариска!

Теперь вот о тебе слагают и поют.
И ты прости, случается, и лгут.
Вы стали на защиту Родины стеною,

А эти: «Да, победа, но какой ценою».

И по их логике - не надо бы и побеждать.
И за Баварское - за пиво Родину бы сдать.
Да есть среди нас вот и такие,
Себя зовут они - «крутые».

А впрочем, что они? И не о них сегодня речь.
Мы помним вас, мы сможем вас сберечь.
Вам годы выпали поистине крутые...
И вы остались навсегда живые.

Салюты! Песни! Слезы! И цветы!
И смех, и радость - и все это - ты!
Идут года - в них радости и беды.
В текущем этом Времени есть веха - День Победы!

Обращение к потомкам

А я из без вести пропавших!
И без регалий и наград.
Я не познавший, не выдавший
Ни наступленья, ни Парад.

Зовут меня Иван... Иваныч,
А по фамилии - Иванов...
Нас много-много там осталось,
Таких, как я вот, пацанов.

Мой первый бой - мой день последний,
Случилось это все вот как:
Спокойно, буднично, обычно,
Без наступленья и атак.

Нас - пополнение - в траншеи:
"Держать! Стоять! И не на шаг...".
Нам трудно даже и поверить:
В полтораста метрах - враг!

А через час - артподготовка,
В окоп "тяжелый" угодил,
Нас, шестерых, он аккуратно
В неизвестных и определил...

О, я не без вести пропавший,
Исправьте в списках там земных
И помните, не отрицайте
Таким параграфом Своих.

Вы их зовете - ветераны.
А кто же я? Мне двадцать пять!
Ведь я так молод, я так молод!
Мне на трибуне не стоять.

Я за спиной у ветеранов,
Я в их сединах помолчу...
Я с вами этот День Победы,
С живыми праздновать хочу.

О главной награде

Бойцу, тяжело раненному
в первом же бою.

Медалью «За отвагу!» -
И нет других наград.
И деревушка Бровки -
Совсем не Сталинград:

Здесь семь дворов стояло.
Но соль же ведь не в том.
А в том, что деревушка -
Россия! Мать! И Дом!

Здесь началась и кончилась
В его судьбе война,
А бой тот не расслышала
За грохотом страна.

Медаль ему вручали
На нарах в медсанбате
В одной из им отбитой
И уцелевшей хате.

Медалью «За Отвагу!» -
И нет других наград!
А это куда больше,
Чем - юбилейных - град.

Она куда дороже
Ему чем ордена.
Что теперь так щедро
Им вешает страна.

О дяде Коле

Не надо клясть о вечной памяти -
Вы просто посидите с ним.
Вы покурите, если курите,
И не с легендой, а живым.

Вы помолчите с ним, послушайте:
Вой мины - «вроде, перелет»
И соловья, - между разрывами -
«Вот хулиган - поет, поет! ».

Он по сей день - только махорку,
Поет в застолье «Огонек».
Себя теперь он называет:
Мол, старый, трухлый я пенек...

А я пацан пятидесятых,
Дядь Колю знал совсем иным:
Он в переводе на сегодня,
Как говорится, был крутым.

Крутым не в долларах и шике -
Крутым в труде, крутым в беде.
Он повторял: «Не в деньгах счастье -
Они - круги лишь на воде».

Он спас страну и не за деньги
Ее ж с разрухи подымал.
Не воспевая, понимал он:
Долг, честь и совесть - капитал.

Дядь Колю чтят у нас в поселке.
Особенно - под юбилей.
А в будни?
В будни - это проза:
Не может он достать гвоздей.

Дядь Коля - плотник,
Он работник и по сей день -
Горит в руках.
Он - на земле, он рядом с нами,
А не парит он в облаках.

Война-судьба - судьба-война

Памяти моего отца С. М. Тулякова посвящается

Пацаном в Десне купался,
Спеша к ней тропкою лесной.
А в сорок третьем в Нуре полоскался
Он с не сгибающейся ногой.

Нет! он уже теперь не воин,
Он комиссован - фронтовик,
На излечение приписан
В колхоз с названием: "Трудовик".

На куст повесив гимнастерку,
Он усмехнулся: "Вот так да-а-а!
Брянск. Вязьма. Старая Русса
И вот теперь - Кара-ган-да-а-а! "

Он срок войны прошел короткий,
Зато - все время - на передовой.
А там считалось: две недели
И ты - в рубашке - коль живой.

Кто - от Москвы и - до Берлина -
Он - от Сосновки - до Борков,
Но эти восемь километров
Навек запомнит Туляков:
Окоп - дворец - его и нет-то,
И он лежит в воде гнилой,
А пули и осколки хлещут
Над не укрытой головой...

Неделю целую прижаты
В болоте шквалом огневым,
И все же вырвался оттуда
И невредимым, и живым.

И эти восемь километров на запад
Он вернул Стране,
Не осуждайте: если - мало,
Но на войне - как на войне...

В сорок втором, второго мая,
Под Старой Руссой - первый бой,
А яблоневым, хрустальным августом -
Лежал с раздробленной ногой.

И госпитальные палаты
Все на Восток вели-вели,
Судьбой военной и жестокой
На берега Нуры свели!
Десна - Нура - вот как бывает:
Одна судьба - одна беда,
И две реки объединила:
Одна судьба - одна вода...

Письмо, написанное химическим карандашом

Старушка достала треугольник из-за божицы,
В нем того времени жизни крупичи.
Хочется снова письмо почитать,
Хочется просто в руках подержать.

Листики - не листки: четвертушки, осьмушки
Дрожат, оживают в руках у старушки.
Письмо это только она и прочтет.
«И Ваня - тут, рядом... И Ваня живет...

Губами вот здесь коснулся карандаша... »,
И в фиолетовом слове - живая душа:
«Пиши, как там ты, как ребятки, как мама... »,
Лишь кончил писать, наступленье и - драма:

Отрезали слева, а справа - река,
Но это чуть позже, потом, а пока:
«Удержимся, Валя! Скучаю, Валюша... »,
А с левого берега «шпарит» Катюша!

«... сидим в обороне, стоит Сталинград!
Ну, вот начинается: лезет вновь, гад... ».
Старушка читает и снова живет:
Вот Ваня с косою на луг с ней идет...

Откровение ветерана

В канун Дня Великой Победы
Вот о чем мне сказал один ветеран:
- Зачислили всех нас в герои.
А это - идейный туман.

Спасибо вам, дети, внуки, правнуки,
За то, что вы теперь так чувствуете нас.
Вы всю войну разложили по полочкам
Ее теперь вы видите и в профиль, и в анфас!

Романы пишете, кино снимаете.
Все вроде правильно, а было все не так:
Уж слишком правильно, уж слишком все возвышенно,
Я лично не видал таких атак.

Сижу, смотрю войну по телевизору,
ту, на которой сам когда-то воевал,
И удивляюсь, как сейчас все значимо,
А что тогда я видел, думал, знал?

Я думал: зря наш ротный понадеялся...
Я видел: слева с корнем взрывом выброшенную ель
И знал: гад пристрелялся все же, сделал «вилку»,
А значит, следующий - наш будет теперь.

И я не ошибся: рвануло в траншее!
И сразу темно... тишина.
Не видел, не слышал два месяца с лишним.
Такая она вот - война!

- Но вы же не трус, дядя Вася?!
- Не трус.... но боялся всегда...
А тем, кто в боях не боялся,
Не верь - это все ерунда.

И вот что хочется сказать вам в назидание:
Война - она глупее и пошлей,
А жизнь она - одна, и жить всем хочется,
Она дороже всех вот этих «эпопей».

Реформы и рынок

Реформы и рынок - беднеем, пустеем!
Реформы и рынок - жиреем, звереем!
Реформы и рынок - фальшивим и врем,
Двойною, тройною мы жизнью живем.

Реформы и рынок - кому это нужно?!
Когда все порушили жестоко и дружно.
Народ уже понял - куда привели
Под трели о счастье «свои» соловьи.

Реформа и рынок - два их постулата,
Что будет народ жить счастливо, богато -
А кто-то богатство уже приумножил,
О них все молчат - трогать их невозможно.

Реформа и рынок - в тумане живем,
Христу и царю дифирамбы поем.
Ошибкою назван семнадцатый год,
Мол, Ленин тогда одурачил народ...

Великий Октябрь! Вот где были реформы!
Сейчас же - грабеж! Болтовня и проформа.
К цели заветной шел трудовой наш народ -
Сейчас же с ним делают - наоборот.

Оговорили, раздели, разули...
И прошлое наше в позор окунули,
Без пенсий, зарплаты жить приучают.
И что с нами будет, пока мы не знаем.

1992 г.

У экрана телевизора

Сериалы, триллеры, боевики -
Намек на то, что были мы когда-то дураки:
Крутили «Тихий Дон», «Чапаева» смотрели!
О, как мы быстро все вдруг поумнели.
Все шоу, шоу, перхоть и прокладки,
И разбавляют это все лишь новости про взятки.
Танцуем на гробах отцов и дедов,
Не презираем - любим шоу-дармоедов!
Певцов ведь знали и любили мы когда-то без раскрутки,
А тут мега-звезда за час или за сутки.
А кариес, кариес, тот, что на зубах!
Да он, мне кажется, уже кое у кого в мозгах.
А было время - Алексей Покровский нам читал Есенина и
Блока,
Так нет же, нет, такая вот сейчас у телезрителя морока.
Не надо только в этом все кивать на рынок,
На левую ногу одели правый мы ботинок!
А где же на экране Человек Труда?!
Другая жатва тут, другая тут страда.
Программа «Время» - что это за время?!
Ведь сеют, сеют сорняки - не семя
И говорят, какой, мол, спрос - такое предложение,
Но это, знаете, всего лишь заблужденье.
И у здорового душой - здоровый спрос,
А вам же «идеологи» советуют лечить живот - п... с...
Я вовсе здесь не за цензуру,
Но все-таки, зачем вот так - «сырое» и все слуру?
Да, есть все это, но зачем же размножать,
И кто сказал, что станет лучше, если показать?!
Зачем советскую действительность так щедро грязью
мажете?
Что стало всем нам лучше жить, вы этим не докажете.
Какое примирение! О Боже, Боже мой!
Ведь мы же в прошлом все стоим одной ногой!
И это прошлое вам не переступить,
Не научить нас ваше «новое» любить.
Заминка вышла, нестыковка,
Да, обманула всех нас Перестройка.

Я сам за Перестройку и - обеими руками,
Но делалась та Перестройка дураками!
Пока смотрели на экране сериалы,
Страну рвали на части грязные шакалы...
И в результате получили СНГ,
Оно всего лишь так - ни бэ, ни мэ!
Смотрю и думаю: зачем мне это надо?
Нет, не загнать нас всех в свое «цивилизованное» стадо.
Такие мысли навевает мне экран,
Смотрю, как смотрит на ворота новые баран.

Встреча с земляком

Караганда, автовокзал, стою у кассы.
Народу - тьма, я - одиночек.
Вдруг слышу: «... до Ивановки, на восемь... »,
И для меня - как ночью огонек.

Звучит пароль, и сердце отозвалось:
«В Ивановку, в Ивановку! Но кто?
В затылок вижу: старенька шапка
И серое «семисезонное» пальто.

И вот он в профиль... Боже! Дядя Петя!?
Вернее, дед, а дядя это уже я!
О, сколько ж лет прошло с того 65-го,
Когда с Ивановки отъехала Аникиных семья!

От кассы отошел, сел рядом на скамейку.
Я на него смотрю: старик... совсем старик!
А очередь толкает меня в спину:
«Бери скорей! Ты что уснул, мужик?»

Он услышал, куда беру билет я,
Ко мне: «В Ивановку?! Вы кто? Ты чей?
Я называю имя и фамилию.
«Ну, как же, помню! Батько твой - Сергей!»

И вот мы рядом на сидении «Икаруса» -
Сарань, Шахан - пока «не горячо»...
Дядь Петя вспомнит, спросит и подумает,
Потом опять трясет мое плечо.

Вопросы об отце, Ивановке, Нуре,
О земляках, которых давно нет.
Сам спросит - сам же отвечает:
«Конечно, уже нет! Конечно, сорок лет... ».

А как Иван? А тополя возле старицы?
Песочек на Нуре горяч? Пескарь живет?
А тот обрыв? А та дорога?
Все помнит дядя Петя - кровь течет!

Душой он здесь, хоть и живет в России,
И эту цепь ему не разорвать.
Вот едет мой земляк Ивановку увидеть,
Сказал: «Увижу - можно умирать».

Еще сказал: «Там под Воронежом - село,
Представь, тоже Ивановка!
Но все - не то, и так нельзя,
В последний раз все обойду, увижу... ».
И по его щеке скатилась слеза.
Там, под Воронежом, дядь Пети - середина:
Дом, зрелость, старость, наконец,
Здесь - дяди Петино начало:
Крик: «Ма-ма-а-а... », первый леденец.

А вот и Интумак, и мы - в своем районе.
Земляк смакует: «Плаховка, Захаровка, Казгородок».
Да! Память не подводит дядю Петю,
Но многое дядь Пете невдомек...

А вот мы на окраине Ивановки:
Кладбище, слева снегом занесенные кресты.
И атеист дядь Петя неумело крестится.
Сняв шапку и сложив свои дрожащие персты.

Не буду я итожить эту встречу,
Да ты, читатель, все поймешь и так:
На Родину, в Ивановку, приехал
Почти через полвека мой земляк.

Слово о Казахстане

Да, есть страна, которой не было на картах,
И есть народ - сплав этносов и рас.
Ты скажешь: «Родом я из Казахстана»,
И это, как пароль - признали нас.

А это очень емкое: не просто степь ковыльная,
Не только эпопея Целина,
А это новые высоты, горизонты:
В другие контуры оформилась страна.

Визитной карточкою Казахстана -
Наша столица - город Астана,
На уровне Москвы или Парижа
Пульс жизни, времени зондирует она.

На вызов Времени готова откликаться,
Из прошлого хорошее храня.
Республика, страна и государство
Идет вперед, просторами маня.

Как хорошо, что Казахстан - ты степь ковыльная,
Как здорово - ты эпопея Целина,
А этим можно только лишь гордиться:
«Да, было так, да, были времена! ».

Ты независим, но ты к прошлому причастен.
Теперь имеешь в мире вес, свое лицо, авторитет,
Но не болеешь манией величия:
От шовинизма - у тебя иммунитет.

Повесть о сопке

Почему так зовут - Ковпакова?
Ни Ковпак, ни Колчак никогда на ней не стоял!
И эта сопка стала ориентиром
Для тех, кто в Ивановке возрастал.

Чему ж мерилом стала эта сопка
Я однозначно не могу сказать,
Но лет к семи так каждый из ивановцев
Стремится вот на Ковпаковой побывать.

Наши деды, отцы восходили,
Утверждая себя: «Я там был».
И походы туда продолжаются.
Вспомни детство, земляк, коль забыл.

Вспомни крепости взятые «красными»,
Сабли те, что с талы по Нуре.
Вспомни маузер с сука точенный
В настоящей зато кобуре!

А еще: здесь впервые курили,
Не наркотик, а конский помет!
И признаюсь я в том, что в Ивановке
Тех курильщиков много живет.

Ну, а дикий чеснок - черемша,
Вроде так мы его называли,
Ведь не ели тогда мы хурмы,
А бананов вообще не видали.

Я изъездил на лыжах все склоны ее,
Разбивал там и велик, и лоб!
Бабка вечером охала, ахала:
«Ох, найдешь там, босяк, себе гроб! ».

Ковпакова! Ну пусть Ковпакова!
Взрослым ночью стоял я на ней
И с вершины смотрел на Ивановку -
На цепочку мне близких огней.

Неказистая в общем-то сопка.
Кто же мерил ее высоту!
И не надо, наверное, мерить,
Не измерить же детство, мечту!

Смысл творчества

Сажусь писать. мне плохо и меня «достали»!
Сажусь писать - мне хорошо!
Нет, это не работа и не хобби.
А просто вдохновение пришло.

Что это - вдохновенье? Аппетит, а может жажда?
А может быть та всепоглощающая страсть:
Желанье показать, что ты все же не пылинка,
А ты хотя четвертая, но все же власть?

Я расскажу, я покажу, заставлю вас задуматься,
Заставлю волноваться, «поболеть»,
И если это у меня получится,
Я буду смело вам в глаза смотреть.

Не ради гонорара кровь моя пульсирует.
Себя с тобой, читатель, я хочу сдружить.
И если и вот это у меня получится,
Тогда есть цель и смысл, и стоит жить...

Рассказы

Последний бой Родиона Рощина

- Пропала моя рыбалка, - с досадой думает Родион, приподняв голову от подушки. - Вон как грохочет, льет, наверное, как из ведра.

Родион вскакивает и подходит к окну.

- Ох ты черт! - радуется он. - Это же артподготовка. Какой там дождь - это просто война еще. Чуть не проспал самый клев. Почему же мама меня не разбудила? - обиженно говорит Родион. - я же просил.

- Куда ты, сынок, так рано? - приоткрыв дверь, испуганно шепчет мать.

- Почему мама плачет? - недоумевает Родион. - Это, наверное, оттого, что от меня давно нет письма. И, улыбаясь, хочет отдать честь, но рука тяжелая и ее покалывает.

- Отлежал руку во сне, - обеспокоился Родион.

- Мама, ты корову уже подоила? Налей мне кружку молока, - виновато просит Родион.

Но мать отворачивается и, всхлипывая, говорит:

- Надо процедить молоко, а марли нет ни клочка. Потом быстро снимает с окна занавеску и рвет ее.

- Ты, мама, прямо как наша Олечка под Родниковой, - смеется Родион и, стараясь

успокоить и удивить мать, выхватывает из-под подушки целый санпакет. - Видишь, какой широкий бинт. Родион хочет отдать его матери, но мать выскакивает из комнаты и голосом Левитана говорит:

- Родион, побереги санпакет, скоро начнется война.

- Как начнется? Мы же уже в Берлине! - кричит Родион. - Мама, мы же с комбатом договорились сегодня вместе идти на рыбалку.

- Рошин, ты что же не слушаешься матери? - спрашивает комбат Ледков. - Никаких рыбалок. Начнешь все сначала, от самой Москвы, - приказывает комбат.

В душе у Родиона все протестует.

- Как можно? Почему? Зачем? Родион недоуменно и обиженно спрашивает комбата:

- Но мы же с Вами вчера вечером договорились. И червей накопили. Неужели Вы не помните?

- А ну-ка, где черви? Покажи, - требует капитан Ледков.

Родион достает из-под лавки жестянку. Банка почему-то пуста. И вдруг Родион все понимает и холодеет от ужаса: банка из-под

американской тушенки. Мать и комбат Дедков стоят рядом и зло смотрят то на Родиона, то на банку. В их глазах молчаливый вопрос и презрение к нему, Родиону.

- Мама! Мама! Я не виноват, банку мне подменили. - кричит, рыдая, Родион.

Он размахивается, хочет швырнуть банку, но руку на взлете словно зажало тисками. Родион напрягается и стонет...

- Товарищ лейтенант, товарищ лейтенант, проснитесь.

Родион открывает глаза, полные слез. Над ним стоит сержант Вавилов и держит его руку. Родион садится и отсутствующим взглядом смотрит на Вавилова. Тот понимающе грустно улыбается и с любовью в голосе говорит, не то спрашивая, не то утверждая:

- Что, товарищ лейтенант, вам тоже танки снятся?

- Нет, сержант, хуже. - Родион разминает в пальцах сигарету и тянется к дымящемуся окурку сержанта.

Они курят, одновременно затягиваясь, а потом сержант Вавилов грустно и виновато говорит:

- А мне часто танки снятся. Помните те, что нас под Родниковой протюжили?

Словно очнувшись, сержант вскочил, раздавил окурочок сапогом, одернул гимнастерку и доложил:

- Товарищ лейтенант, здесь был комбат, просил Вас, как отдохнете, зайти к нему. Будить не стал, сказал: «Успеет», а я вижу: Вам плохо и решил помочь.

Вдвоем с сержантом Вавиловым они отправляются на КП батальона. Они пробираются с автоматами на груди. Идут словно по лесу. То выскакивают на свет, то вступают в рваные тени, брошенные разрушенными домами. Под ногами трещит щебень, битое стекло, черепица. Вчера рота лейтенанта Родиона Рошина выковыривала вот отсюда остатки третьего рейха. Родион все еще был под впечатлением своего сна, шел молча. А сержант философствовал.

- Конец войне. Эта война будет ориентиром во времени для истории, для всей земли. И через годы будут говорить: «Он жил и творил еще до войны 1941-1945 годов». Кто-то упал в первый день войны, кто-то еще упадет в последний. Как Вы считаете, товарищ лейтенант? Вот, допустим, Вы знаете, что Вы погибнете на этой войне, но можете сами выбирать время, когда - в начале или в конце. Первому неохота потому, что неизвестен конец войны, а второму неохота потому, что уже ясно, что конец такой войне. Я считаю, что они уравнены.

- А я считаю, что уж если известно, что погибнешь, то выбирать, когда и где - это подло, - ответил Родион и приказал: - Пригнись. И давай здесь бегом.

Они завернули за угол, и за воротник гимнастерки Родиона посыпалась штукатурка - по стене, словно цепью, хлестнула пулеметная очередь.

- Живут еще, - хмуро сказал Вавилов в сторону массивного четырехэтажного здания. - Товарищ лейтенант, это сейчас не война, а самоубийство. Воюют фрицы сейчас за счет нашей смелости и благородства. Вызвать огонь тяжелой артиллерии и разнести это гнездо.

Сержант зло кивнул в сторону, откуда ударила пулеметная очередь.

- Вчера сколько наших там осталось. Жить сейчас надо нам - цена жизни у нас растет с 1941 года, а у них наоборот.

- Хватит, хватит. Помолчи, - попросил Родион.

Комбат Ледков сидел у раскрытого окна, облокотившись на подоконник, и не сразу обернулся к подошедшему лейтенанту Рошину. Потом подошел, заботливо, словно с маленького, стряхнул штукатурку с шинели Родиона, спросил:

- Что, лейтенант, не разучился брать «языков»?

- Нет, товарищ капитан. Но сейчас я брезгую даже дотронуться до них. Сейчас грош цена им в базарный день.

Капитан засмеялся и сказал:

- Да, они сейчас не в цене. Но этот «язык» особый. Он не для сегодняшнего дня. Не для войны, а для мира. Есть сведения, что в здании, что поливает свинцом наш батальон, собраны документальные киноленты. Вывезти их немцы уже не могут, а приказа об уничтожении нет - еще на что-то надеются. Ночью перехвачена шифровка. Вот она: «Маленький Адольф пока здоров, но необходима теплая одежда - идет сильный дождь и дует восточный ветер. Маленький может простынуть и закашлять».

- Мы бы уже давно их оттуда выковыряли, но боимся за «маленького Адольфа», -

сказал Ледков, - нам он тоже нужен. Ну, как, возьмешь того «языка» со своими разведчиками? Тогда давай обдумаем.

Через два часа был разработан план.

- Немецкого барахла у нас хватает, «тигр» тоже найдем, немецким языком ты владеешь хорошо, - капитан Ледков загибал пальцы. - Твои ребята, говоришь, ругаются по-ихнему отлично. Ну, что же, попробуем доставить им «теплую одежду», - подытожил капитан Ледков.

Решено было, что рота Рощина «прорвет кольцо» Ледковского батальона и вынесет «маленького Адольфа».

«Кольцо прорвали» хорошо, пулеметы, не дававшие продвинуться батальону Ледкова, молчали, но перед самым зданием ударили автоматы, полетели гранаты. Родион все понял.

- Так вот почему вчера в здании рвались гранаты и гремели выстрелы. А мы то считали, что фрицы выясняют отношения между собой.

- Ложись!

Пулеметы пока молчали. Значит, остатки роты Серова все-таки позавчера пробилась сюда и выбили немцев из первого этажа.

- Что же делать? Если смолкнут наши - заговорят немецкие пулеметы. А поняли ли наши?

Здание было совсем рядом. Темные стенные проемы напряженно молчали. Тишина гудела в ушах.

- Бросай автоматы в окна, - скомандовал Родион, - бегом вперед.

Удар в грудь остановил Родиона: он попятился и, подавшись всем телом вперед, медленно пошел к окну. Неужели это конец? - спокойно подумал Родион.

А из окна к нему тянулось несколько пар рук.

- Где-то я все это уже видел, - силится вспомнить Родион. - Точно видел. Вон и знакомые тополя. На одном должно быть воронье гнездо. Точно. Сейчас дорога повернет влево. А вон за теми кустами тихая заводь. А это кто идет по дороге? Да это же я с дедом иду рубить тал. Дед будет плести плетень. Тот, что весной унесло половодье с нашего огорода. Сейчас вот за этим поворотом я найду железку, похожую на пистолет. Это же мне снится детство, - догадывается Родион, и новые вопросы не дают ему покоя.

- Значит, я сплю. А почему тогда я хочу пить? Где я сплю? Какое сегодня число? Надо проснуться. Как же проснуться? Хоть бы мама разбудила.

Родион стучит кулаком по стене, переворачивается на живот, кричит, но проснуться не может. - Надо скатиться на край кровати, упасть на пол, тогда проснусь, - решает Родион.

- Катенька, быстрее сюда, помоги, пожалуйста.

- Кто это говорит? - Родион прислушивается к голосам.

Лейтенант Рощин в себя приходит. Помоги мне. Чуть с койки не упал.

- Значит, это меня держат. И я - лейтенант Рощин. Кто меня держит? Надо посмотреть.

Родион открывает глаза. Долго шарит взглядом. По обе стороны стоят медсестры. В углу возле раскрытых дверей стоят костыли. Возле стены две койки. На одной полулежит с забинтованной рукой и смотрит на него... лейтенант Серов.

- Неужели это тоже сон, - испугался Родион. И неуверенно произнес:

- Серов, ты?

- Я, Рошин. я. Значит, будем жить, - радостно ответил Серов.

- Все правильно, - медленно произнес Родион. И с тревогой спросил:

- Ну, как, выбили? Как мои ребята?

- Все нормально. Ящики с кинолентой были уже у нас. Мы только не знали о них. Мы же в первый день загнали фрицев наверх.

- А ты что же со своими там поселился без прописки? - улыбается Родион.

- Не успел, - засмеялся Серов.

- Какое сегодня число? - обеспокоено спросил Родион.

- Девятое. - в один голос ответили медсестры с Серовым и выжидательно посмотрели на Рошина.

- Так, значит, я пролежал семь дней, - удивился Родион.

- А ты больше ничего не хочешь спросить, лейтенант? - опять в один голос сказали медсестры и Серов.

- Хочу, хочу, хочу! - радостно повторял Родион. - Когда?

- Сегодня, девятого мая. Конец войне.

Родная улица

Уже много лет Василий Дмитриевич начинал свой день по установленному для себя сигналу. Вот и сейчас он к чему-то прислушивался. «Неужели Наташка опоздала?». Василий Дмитриевич мысленно видел свою внучку, торопливо стучащую каблучками по тротуару, рыжему от опавшей с тополей листвы, поселка Киевка. Она спешит, широко размахивая сумочкой, передергивает плечами от предутренней октябрьской стыни, то и дело посматривает на часы. Вот оттуда, за двадцать пять километров от села Ивановки, и подает она деду сигнал - «Подъем! ». «Опоздает, егоза», - тревожится он.

В динамике, висящем у изголовья Василия Дмитриевича, слышится долгожданное и успокаивающее его шипение. «Сейчас грянет». - невольно волнуется Василий Дмитриевич. И.. вот оно - чистое, честное, простое, широкое и могучее: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь. Да здравствует созданный волей народов единый, могучий Советский... ». Сколько раз каждое утро в шесть часов Василий Дмитриевич начинает свой новый день с этих слов - и сердце его не может не волноваться. «Молодец, Наташка!», - мысленно говорит Василий Дмитриевич своей внучке - дежурной районного радиоузла. Он одевается, неторопливо и основательно - один раз и на весь день, и выходит во двор. Стылый октябрьский воздух густой, как вода, в нем уже чувствуется теплое человеческое дыхание. В утреннем свете серебрится седина на штaketнике, на соломинках, на пожухлой картофельной ботве. «Сегодня снова посетил батюшка-мороз», - отмечает Василий Дмитриевич. Он любит вот так в такую пору ходить по двору и наблюдать пробуждение родной Ивановки, отмечать признаки перемен и времени, и сезона года. Уже режут воздух своим воем вакуумные насосно-доильные установки - значит, дойные стада перекочевали с летовки. По-зимнему строчат тракторные пускачи, и их пулеметная переключка идет по селу вместе с пением петухов, лаем собак. Василий Дмитриевич прогоняет за околицу села, в стадо, свою Зорьку и возвращается домой по родной улице своей Ивановки, по улице, на которой он прожил все свои 83 года. Сейчас она вытянулась перед ним почти на два километра, а он помнит ее в десять дворов и в пятнадцать. Старческий шаг нетороплив, а мысли, память сейчас трепетные, яркие и искрометные: одно дорогое, пережитое, трудное и счастливое, сменяется другим, таким же, да так, что сердце захватывает. Василий Дмитриевич идет вдоль черной цепочки из асфальта, выгруженного из

кузовов автосамосвалов (ко Дню Конституции улицу обязались полностью заасфальтировать), а видится она ему сейчас прежней. Вот здесь тогда стояла крайняя хата, и в ней жил Степка Калач. Вдоль улицы перед хатами густой темно-зеленый спорыш, здесь пасутся белолобые телята, бродят стада гусей. Они со Степкой сидят в огромной круглой яме, возле которой подсыхает сложенный в пирамиды саман, и почему-то испуганно шепотом переговариваются. Посередине их широкой улицы проходит караван, и вот они из своего укрытия смотрят на «киргиз»: «В Ташкент едут, Васька!», «Не бреши, Степка, - они к туркам едут...». Презрительно задрав головы, вышагивают верблюды, притороченные один к другому волосяной веревкой. Вокруг горбов - громадные деревянные круги, на которых лежат мешки, тюки, сидят «киргизы», громадные казаны и «головы» сахара в синей бумаге. Вдруг из Степкиного подворья, деловито хрюкая, выходит свинья с поросятами. «Прокараулил», - вскрикивает Степка и выскакивает из ямы, чтобы вернуть хавронью в хлев, и он, Васька, с колесом на таловом пруту спешит на помощь другу. Свинья с визжащими поросятами бросается под ноги верблюдам, а те с храпом прыгают в стороны, разрывая караван, падают и вскакивают. Что тут творится! Они со Степкой убегают к Нуре и до темноты отсиживаются в непролазных зарослях тальника и шиповника.

Навстречу Василию Дмитриевичу по уже закатанному участку дороги катил на «Жигулях» племянник Володька, шутиво приветствуя деда вскиннутой к лохматому белокурому виску рукой. Василий Дмитриевич рассеянно кивнул. И снова перед его мысленным взором улица, но уже вот такая.

Поздняя осень сорок девятого года, ветер гонит вдоль улицы огромные «кураи» (перекати-поле), они застревают у мокрых серых плетней огородов. Василий Дмитриевич копает напротив своей хаты яму под опору будущей электролинии (таково было постановление - хозяин сам ставит столб у своей хаты). И загудели вскоре над озябшими хатами голубые струны - провода. В один из вечеров засияла на столбе у общего двора (так в селе называли здание правления колхоза «Большевик») первая электролампочка - 60-ватка. А в пятьдесят четвертом году по этой улице, натужно пыхтя, цугом прошли два «ДТ-54», буксируя за собой кабелеукладчик, и на каждый двор выдали по одному «Северу», так назывался радиодинамик, а на том же столбе у общего двора повесили «тарелку». И теперь уже, собравшись у общего двора, дымя махоркой, слушали мужики Русланову, Утесова, Шульженко и спорили, кто из них лучший артист.

«Вот здесь, на этом самом месте и стоял общий двор», - Василий Дмитриевич приостановился у недавно выстроенного Дома культуры «Юность». «Да, юность!.. Идут, ой, как идут годы!».

Воистину это был общий двор. И как только все помешалось в этом неказистом строении с плоской азиатской крышей: правление колхоза, почта, сельсовет, сельпо, радиоузел, библиотека, а со двора еще и конюшня! Это было место сосредоточения всего, что пришло с новой властью. Общий двор был центром всего нового, всех интересов и страстей. Тут с раннего утра и до позднего вечера кипела жизнь в низеньких комнатах и коридорах, и стояло марево от махорочного дыма. Вся жизнь страны с ее радостями, заботами, ее могучая поступь концентрировались для ивановцев на общем дворе. В конюшне вешалось белое полотно - и кинозал готов. А как смотрели первые еще немые киноленты! Как спорили! Лекции, доклады, митинги - все происходило вот здесь, на этом месте.

Василий Дмитриевич вновь неспешно пошел по улице. У калитки дома его притворно сердито встретила жена Дарья: «Старый, где ты бродишь? К тебе пионеры из школы приходили, вот открытку тебе просили передать». Василий Дмитриевич уже догадался о примерном содержании этой открытки и остался притворно равнодушным, а на сердце все-таки заходило: «Уважаемый Василий Дмитриевич! Дирекция Сухомлинской средней школы, комсомольская организация и пионерская дружина имени Александра Матросова приглашают Вас на «Голубой огонек», посвященный Дню Конституции СССР». «Дались им эти «огоньки», - вздохнул Василий Дмитриевич. - Да и я тоже цапа, - досадовал он на себя, - меня приглашают, а я всегда сижу и молчу, как пень. Вот бы так просто рассказать о том, что сегодня у меня было в мыслях, но где там - мне рассказать! Но выступить, как этот болтун Федька, тоже не стоит. Вот бы кто нашелся и записал бы мои думки, только честно и... с понятием.

Лыжня

I

Однотонный бесцветный небесный свод. Ни облачка на нем, ни синеголубого развода. И даже без горизонта. Всепоглощающая и растворяющая муть. Сосушая глаза снежная белизна. Безмолвие! Безвременье! Пустота и... тоска, безмерная, безысходная тоска. Он механически переставляет палки, а снег под лыжами твердит ему: «Забыть, забыть, забыть... ». Он внезапно останавливается и обводит вокруг себя взглядом: та же местность - лыжня пролегла меж теми же вехами - пригорками, кустами, что и в тот раз, в позапрошлую зиму.

... Растаяла, сошла в Нуру вешними водами та, позапрошлогодня лыжня, но оставила в его судьбе... такой след. Возможно, эта, теперешняя лыжня, синхронно, как через копирку, наложилась на ту, растаявшую, но этим ей не повторить того, что «пела» та. Он снова отталкивается, и снег под лыжами теперь уже твердит ему: «Лы-ж-ня, лы-ж-ня, лы-ж-ня... ». Неужели все это, чем он живет эти полтора года: ОНА и его любовь, нежность, его самое сокровенное к НЕЙ и даже вот эта боль - только лыжня?

Два года назад, приезжая на выходные вот сюда, в родное село, он хватал лыжи и - в сверкающий хрустально-холодный простор. Тогда еще не было ничего: ему просто было хорошо оттого, что к нему в отдел придет работать ОНА...

Первый раз он увидел ЕЕ одиннадцатого января. И вот все это время, до ее выхода на работу, до шестого февраля, он уже считал дни. Снег тогда под ярким солнцем переливался, и он неся, отталкиваясь резко, радостно. И дышал полной грудью, оттого что снег под лыжами шептал ему ее имя: «Ин-га. Ин-га. Ин-га... ». Он уже думал, думал, думал только о НЕЙ. Но тогда еще ничего не было.

Сейчас он поймал себя на мысли: а ведь она могла вообще не «отметиться». И ему стало страшно. Он вспомнил о своем колебании и сомнениях после звонка ее покровительницы: он держал в руках ее трудовую книжку, спокойно прочел. Тогда еще ни ее имя, ни все-все, что сопутствует ее личности, для него ничего не значили. А теперь... Нет, все не случайно. Пусть даже вот так, вот с этой болью.

II

Шестого февраля разгулялась метель. Он позвонил ЕЙ, чтобы она пришла и приняла дела от своей предшественницы. Ох, эти телефонные звонки! Тогда он мог по-деловому, спокойно и запросто позвонить ей. А теперь он так страстно желает услышать ее такой неповторимый, тихий, глубокий грудной голос. Этот родной ему голос он узнал бы в миллионной толпе. Она не разрешает ему звонить по ее телефону. Сколько волнения, пока он решится набрать ее номер. И сколько обид он переносит.

Она пришла быстро: конечно же, хотела показаться исполнительной. Вошла вся запорошенная снегом, в больших валенках, в пуховом платке. ЕЕ пуховой платок! Он провисел потом на спинке ее стула целое лето. Как часто, когда ее не было в кабинете, он подходил к ее стулу и, уткнувшись лицом в этот платок, замирал: платок источал неповторимую гамму. Нет, это не просто запах духов - это ЕЕ запах... Она повесила пальто и теперь сидела в белой вязаной кофточке. Вот такой она осталась в нем первым их рабочим днем. Как он сейчас желает иметь ее фотографию. И чтобы ОНА была вот в этой кофточке. Но ОНА...

Через год с небольшим она сидела уже за другим столом и в другом учреждении. В этой же кофточке. И деловито перебирая папки, презрительно взглянув на него, отчитывала за вчерашний телефонный звонок. А он виновато стоял перед ней: он в очередной раз не сдержался и зашел сюда просто, чтобы увидеть ЕЕ. Она была в той же кофточке. И его душа кричала: «Это невозможно! Это предательство!». Но что ЕЙ было до этого крика. А он страшно завидовал тому, кто теперь запросто каждый день может видеть ЕЕ...

Зимними вечерами светятся угловые окна того здания, где теперь ее рабочее место. За этими окнами ОНА: с кем-то говорит, смеется. Он ходит взад-вперед по хрустящему снегу, и ОНА так явственно сейчас перед ним: вот она, чуть откинувшись на спинку стула и выдвинув ящик стола, достает «массажку» и с деланной досадой, вздохнув, плавными округлыми полукасаниями левой руки и правой «массажкой» взбивает прическу, вот она набросила пуховый платок и забавно придерживает его подбородком.

Впрочем, сейчас она носит уже шапку. Ему знакомы и полны смысла все ее привычки, манеры, черты. Раньше десятки раз ему приходилось бывать в том кабинете, где сейчас сидит ОНА. И никаких эмоций. А сейчас даже при виде самого этого здания на него находит непреодолимое пьянящее волнение: там ОНА, можно зайти и увидеть

ЕЕ. Но он «не имеет никакого права». И если все-таки, пьянея от волнения, он сделает по коридору эти тридцать - тридцать пять шагов, то непременно оплатит их новой болью и унижением.

А ОНА? Предательство? Нет никакого предательства. Разумом это он понимает, а сердцем нет. Но что ей до его сердца, сердец так много. И то, что для него поэзия, для нее - серая проза. И для нее это никогда ничего не значило, и не будет значить. Он понимает ЕЕ. Но легче от этого ему никогда не будет. Он сам боится этого «облегчения»: вот это уже будет предательством.

Прикалывая стенгазету, он, не глядя, отвел руку назад за очередной кнопкой: их руки соприкоснулись, через это прикосновение в него влилось что-то теплое, сильное, вечное, как сама жизнь. Он обернулся. ОНА стояла совсем рядом, заботливая, доверчивая, родная, как мать, сестра и как та единственная, которую он создал, носил в себе и ждал наяву - ОНА. Он впервые так близко увидел ЕЕ глаза. Если бы тогда ОНА почувствовала, что с ним произошло! Как с того самого момента изменилась его жизнь! Он никогда не заблуждался: для нее этот момент ничего не значил, она его не отметила. А, может быть, и отметила, но по-своему. И, наверное, в связи с этим она позже, смеясь, скажет: «Да, я замечала что-то такое».

Самыми тягостными днями для него стали выходные и праздничные дни. Эти дни он коротал: летом на велосипеде, зимой на лыжах, любил посещать знакомые с детства места. Здесь ему так хорошо вспоминалось, так хорошо думалось. А теперь, где бы он ни был, что бы ни делал, ОНА всегда была с ним. И он так хотел, так мечтал наяву быть здесь с НЕЙ. Рассказать ей обо всем, обо всем и узнать о ней все, все. И ему казалось, что уже тогда, уединяясь вот здесь, подростком он думал именно о НЕЙ.

Понедельник... Как он стал ждать каждый новый понедельник! Сидя в автобусе, он нетерпеливо считал телеграфные столбы, для него они теперь проплывали очень медленно. Всю дорогу он загадывал для себя по этим столбам: «чет-нечет», и все эти комбинации с числами были связаны только с НЕЙ. Волнуясь, он отворил дверь, она сидела спокойная, близкая и... чужая. Он стал бояться: вот так придет, а ее не будет. Сроки, твердо намеченные им, истекали один за другим. Он так хотел и так боялся этого дня, когда он ей признается. Но ему тогда еще было волнующе хорошо: все еще было впереди.

Неповторимым в его жизни останется тот его трудовой отпуск. Он уехал в село, так и не решившись сказать ЕЙ. О, эти 23 рабочих и плюс выходные! Правда, всегда можно было ему, как старшему по службе, найти правдоподобный повод для того, чтобы позвонить ей или даже

приехать и зайти к ней, что он и делал. Но чего это стоило ему! Всего пять оборотов телефонного диска и... ее неповторимый и такой родной для него голосок. Ему казалось: она все понимает, не верит этим его «деловым» указаниям и смеется над ним.

С утра, пока не было жарко, он поливал возле дома картошку, а когда уже начинало припекать, брал книгу, садился на велосипед и - на Нуру, на свое место. Весь июль купался, лежа на раскаленном песке, загорал, читал и ОНА постоянно все это время была рядом. ОНА была во всем: в белых лилиях на тихой воде, в шелесте прибрежного камыша, в переливающейся золотой дорожке на воде, в пурпуре вечернего заката...

Почему именно в этот день и что в нем сработало? Восьмого августа утром, до ЕЕ прихода, он зашифровано записал в рабочем журнале: «Выяснить отношения с И...». ОНА, подперев ладошкой подбородок, облокотясь на подоконник, задумчиво смотрела на сиротливо расцветший среди бурьяна бледно-розовым цветом куст огородной розы. Окно их лаборатории выходило во двор на теневую сторону. Форточка окна была распахнута. Хмелея от своей решительности, он вышел в каком-то полубессознательном состоянии, перемахнул через двухметровый дощатый забор, сорвал цветы и бросил в форточку на ее рабочий стол. «Ну, зачем Вы...», - донеслось из форточки. И сразу понял, почувствовал по интонации этого: «Ну, зачем Вы..... Он сам, потрясенный, вошел, сел и теперь уже словами все-таки сказал. ОНА, опустив голову, долго молчала, а потом сказала: «И все-таки мне Вас жалко». Вот эта ее фраза до сих пор звучит в его ушах. Он до сих пор верит этой интонации. Наверное, просто хочет верить - вот и все.

Год спустя, восьмого августа, он срезал с того же стебля распустившийся цветок, завернул в рулончик писчей бумаги, вложил письмо (под видом рукописи) и, зайдя в угловую комнату, положил перед ней на стол. Он видел: ей неловко перед теперешними своими подругами-сослуживицами за то, что «этот пришел к ней» и, словно оправдываясь перед подругами, она вскрыла рулон, цветок и письмо пошли по рукам. Он не уходил, желая до конца принять эту боль. Он сам желал этой боли (ОНА ведь сказала: «Не приходите - будем смеяться») и в ней хотел найти исцеление.

Цветок и письмо вновь из рук в руки вернулись к НЕЙ, и она, изорвав их, бросила в корзину для бумаг...

III

Растворяясь в этом белом безмолвии, он идет, идет, идет неведомо куда, потеряв чувство времени и пространства. И проходят перед ним чередой дни того года до мельчайшей черточки, жеста, слова. Он вяло оттолкнулся еще раз и... оказался в глубоком овраге, медленно поднялся, ища взглядом слетевшую с головы шапку. Она зависла в кустах шиповника. Он стал пробираться к ней, на снег посыпались сморщенные темно-оранжевые бусинки - плоды. Какой-то неведомый внутренний навигационный аппарат помимо его воли привел его в это место. Вот в этом, тогда еще сыром и благоухающем запахами цветущего мая, овраге он и собрал тот букет для НЕЕ, вот с этого куста шиповника, роняющего сейчас на снег сморщенные плоды прошлогоднего цвета, он тоже взял три розовых цветка в тот букет, что через два часа уже вернет ему парень, теперь работающий рядом с НЕЙ, вернет со словами: «Возьми свой веник».

Этим оврагом он вышел к «своему месту». Прибрежная кромка песка - в ледяных «блюдцах» - прошлогодние следы ног на раскаленном песке. Какая удручающая картина! Но он, стоя сейчас здесь, еще мог видеть тот летний берег: сверкающую солнечную дорожку на тихой воде, белые лилии. И во всем этом - ЕЕ...

Книгу «Сотворение мира», которую он начал читать вот здесь, а потом, не дочитав, уступил ей, он до сих пор дочитать не может: листает страницы, строки которых отражались в ЕЕ глазах - вот и все содержание.

Своя орбита

Посвящается выпускникам 1965 года Ивановской 8-летней школы

Мне как-то пришлось быть на полевом стане тракторно-полеводческой бригады. Ночью прошел сильный дождь, но день обещал быть хорошим: солнце поднималось все выше и выше, подсушивая землю. А пока механизаторы собрались в красном уголке, человек 15 пожилых и совсем молодых людей шуршали страницами «Огонька», «Крокодила», играли в шашки. И как-то вдруг завязался разговор.

- А, может быть, это полный оборот. Ну, в общем, есть такая орбита: с периодом обращения в 30 лет!

- А ты будто бы помнишь!?

- Да, помню! Очень хорошо помню, - уверял первый.

- Заливай, «Вася», - скептически присвистнул второй - в джинсах и вязаной шапочке.

- О чем спор, мужики? - поинтересовался третий, бросив на стол «Огонек».

- Да вот твой кореш новую орбиту открыл, - хохотнул парень в вязаной шапочке и, потягиваясь всем телом, продолжал говорить: - 30 лет назад уже было это утро. 1956 год, 1 сентября, среда.

- Ночью тоже прошел вот такой же дождь, и утро было тогда в точь, как сейчас, - твердо говорил первый в промасленной легкой куртке. - И ты, Сашка, должен помнить это. Заключительная фраза была сказана с нажимом. Сашка, растерявшись, спросил:

- Почему, Николай?

- Эх ты, однокашник!

Николай хлопнул Сашку своей мозолистой рукой и с мужской нежностью встряхнул плечо друга. И Сашка, конечно, вспомнил. Да и все как-то притихли, наверное, догадались об этом неопровержимом факте, подтверждающем «Николаеву орбиту».

Вскоре выяснилось из беседы, что все здесь односельчане-земляки, окончили в разное время одну и ту же школу и что среди собравшихся многие - одноклассники. У них были общие учителя. У них вообще было много общего: того, что обычно бывает в сельских школах. И это всех их так связало и переплело, что сейчас в своих воспоминаниях оно составляло что-то одно целое, неделимое, дорогое - школьные годы. Как о живом существе, говорили они о здании своей старенькой

школы, которую лет десять назад снесли и на том месте построили жилой дом. Воспоминания нахлынули на этих прокаленных солнцем, пропыленных страдной пылью людей, объединили их, как объединит через два-три часа вновь хлебное поле. «А помнишь?», «А его знаешь?», «А вот это ты не забыл?», - несло со всех сторон.

- Знаете, ребята! Когда начинают поспевать первые помидоры, каждый год во мне разливается то ощущение первого моего дня в школе. Ты помнишь, Тамара Павловна после торжественной линейки завела всех нас в школьный огород, дала всем по красному помидору, а потом повела в класс. Рассадила по двое за парты и... «Руки у учеников должны лежать вот так, если вы хотите обратиться, надо поднять правую руку, вот так...».

- Да, хлопцы, огород наш школьный я часто теперь даже во сне вижу. Чего там только не было: огурцы, помидоры, редис, морковь...

- В этом огороде мы все делали сами: даже колодец копали и чистили старшекласники.

- А по теперешнему школьному двору ветер шлак, золу да рваную бумагу гоняет.

Знаете, а я считаю: вот эти теперешние школьные производственные бригады в смысле воспитания школьников дают меньше, чем тот наш школьный огород. Хотя и техника у них сейчас и размах, и... все такое, но все это - не то. Слишком далеко, отвлеченно и неконкретно. Я это хорошо понял - сам в прошлом году был с ними. Что и говорить - гектарами и центнерами не заменишь «того огорода», - раздался вновь басовитый голос Александра.

- Да, ребята! Школы нашей нет, а палисадник ее еще живой. Правда, весь бельевыми веревками перепутан.

- Помнишь, Сашка, мы двенадцатого июня утром, перед последним экзаменом - литература устно - сидели всем классом в этом палисаднике: акация цвела...

- И мы сами как шмели, вдруг Ира Думанская как завизжит, замашет руками. Умора! А над ней целый рой пчел.

- Да, на выпускном вечере у Иры было потрясающее ухо.

- А я, ребята, в то памятное лето на бульдозере работал, - проговорил задумчиво Николай, - и вот как-то встречает меня прораб стройчасти и говорит: «Обеспечь нам на завтра фронт работ: снеси к чертовой бабушке во-о-он ту развалуху», - и рукой указывает на нашу школу: она тогда уже раскрытая стояла - бревна с крыши уже все порастащили. Подехал я, трактор заглушил и вошел в школу. Ни окон, ни дверей. Сквознячок гуляет. Полы тоже сорваны. Солнце над головой... Хожу, как во сне, из класса в класс и вспоминаю: где и что

стояло, висело, себя вспоминаю... Не помню, сколько ходил. А когда вышел, сел за фрикционы и стал опускать нож - хотите верьте, хотите нет - лопнул маслопроводный шланг гидравлики. Вот так и подвел я в этот день строителей.

- А со мной, хлопцы, лет десять назад (школа наша еще жила) вот что было. Был я на юбилейном вечере у нашего Вовки. И не то, чтобы уж слишком, но за его 25-летие, конечно... тогда еще на это смотрел проще. Вышел от него, а ночь - хоть выколи глаза. Ну, а зрение у меня, сами знаете, на первой парте всегда сидел. Так вот шел скорее по привычке, да к тому же размечтался. И остановился: «Что-то уж слишком долго иду. Где я? А, может, еще не дошел». Кругом огни, а сориентироваться не могу. Что, где, куда, чей дом? Туда-сюда: ничего не пойму - тупик, плетни, заборы. Огни слепят. Один, другой забор перелез, упал и совсем запутался: где юг, где север? Дело в июле было. Тепло. Лежу, всматриваюсь: снизу виднее - огни не так слепят. Ощупываю, соображаю: «Картошка - значит, в чьем-то огороде. В чьем? ». Улавливаю что-то знакомое в дощатом заборе: острофигурные верхушки досок, в десяти метрах вырисовывает теремком сруб колодца, а за ним что-то нагромождено в виде баррикады, ею оказались поставленные одна на другую парты (видать, в классе покрасили полы и парты вынесли сюда). Ну теперь мои координаты выяснены: дорога домой известна. А не иду. Поставил аккуратно на землю одну парту, сел за нее, замечаю: уже луна взошла, и поверхность парты блестит. Прощупываю ее бугристую поверхность и задыхаюсь от нахлынувших воспоминаний, и вижу все так явственно: вот Иринка стоит у доски с указкой и на цыпочках тянется к Исландии. Рассказал я вам, ребята, этот эпизод и сам чувствую: не смог высказать того, что так хотел. А теперь, когда я бываю в школе на родительских собраниях и сажусь за стол (партой эту мебель я назвать не могу), мне всегда кажется: школа потеряла что-то дорогое и существенное для нее, а не просто заменила мебель. Мне кажется, что ученик, сидя за этим прямым столиком на ерзающем стуле, не сможет ощутить того, что мы чувствовали за партой.

- Наверное, ты, Серега, прав. Я как-то своего Вовку спрашиваю: «Ты на каком этаже учишься? ». Он не понял и переспросил: «Как это? ». «На каком этаже твой класс? » Он смеется: «На всех: у нас, батя, кабинетная система. Например, история и литература на втором, а физика и химия - на третьем и т. д. Понял? ». Разумом то я понял, чего уж тут - сам в техникуме по этажам из аудитории в аудиторию - а вот сердцем не понимаю. Наш класс был окнами на юг. Солнечный зайчик

на втором уроке скользил высоко под потолком по портрету Ломоносова, а потом уже блеснул на черной школьной доске.

- Мы каждое лето все сами делали: и глину с учителем месили, крышу мазали и белили, красили. Каждый гвоздь, вбитый в школьный забор, каждый столбик - это урок и ученик. Вы, наверное, нашего физика, Николая Петровича уже не захватили... Вот это был учитель! Какие мы с ним механизмы для подъема глины делали! Вот у кого теория не расходилась с практикой.

- Верно, наш Борис Николаевич никогда не уходил в «отпуск». Он всегда оставался учителем там, где были ученики. Помнишь, Сергей, тот случай на Нуре... А сейчас педагог Геннадий Сергеевич на бильярде и «не видит» учеников, а те, естественно, «не замечают» своего учителя. Удобно! Каждый сам по себе. Нейтралитет. И Славка мой с Мишкой восхищенно говорят: «Геннадий Сергеевич - во! Человек свой! ». И не смеются. Этот Геннадий Сергеевич для всех хочет быть «своим». Он и с Иваном Карасем «свой», особенно, когда тот зарплату получит. Кайфуют с Иваном и пятиклассника Лешку Карасева попеременно наставляют: «Ничего, ничего, не стесняйся. Ну и что ж, что я педагог? Сейчас мы дома». Вот такие дела.

- А я так мыслю: настоящий человек всегда учитель. И ученики фальшь чувствуют лучше взрослых. У нас был такой «учитель». Мы тогда уже, кажется, в седьмом учились, когда к нам пришел этот Александр Никитич. Как-то вышло, что к середине учебного года мы остались без математика. А этого Александра Никитича, брата жены директора, досрочно из армии комиссовали, а профессии у него никакой. Вот директор и принял его. Сколько в нем было равнодушия и презрения к нам! В первую очередь разделил нас по группам - сортам. Вспомнив о нем, я вот о чем думаю: вот ГАИ лишает нерадивых шоферов права на вождение. ГАИ как бы выражает тому или иному водителю протест или сомнение в его профессиональной пригодности. Бойтся, как бы он не навредил людям. Вот бы такое ГАИ на педагогов. Ведь не секрет, есть в наших школах специалисты с дипломами, которым не дано быть учителем. И если они в школах - это большое зло.

- Помнишь, Витька, нас с тобой Людмила Александровна послала в учительскую принести в класс «Звездное полушарие». В учительской никого не было, и мы, уходя, спрятали звонок в цветочный горшок. Вот ЧП было! Пропажа века!

- Да, помню, а как же. Десять лишних минут урок шел. И Славка Корнев из-за этого «погорел»: «Смотрю на свои часы - две минуты

осталось. Ну, думаю, все, пронесло. Стою у доски, а звонка с урока все нет».

- Все изменилось, нет того звонка-колокольчика - электрический сейчас трещит.

Голос бригадира прозвучал неожиданно, по-боцмански:

- Хлопцы, пора!

И через минуту красный уголок первой тракторно-полеводческой бригады был пуст. И все дальше стал удаляться гул комбайнов, становясь глуше и глуше.

Барабанщик

«А куда мне сейчас спешить? И так уже до пенсии dospешился». Алексей Прокофьевич смотрел на солнечную дорожку, бегущую по воде к противоположному берегу, и был погружен в невеселые думы. «Спешу - не спешу, желай - не желай, а все приходит само собой, в свое время. Нет! Врешь, не все само собой! Иначе и зачем это, самое главное - жизнь? Даже если и не спешить, и не желать, все равно не обманешь, не выиграешь в этом главном ничуть».

Алексей Прокофьевич, жмурясь от ярких бликов, образованных уже заходящим солнцем, сейчас мысленно шел по своей жизни от вехи к вехе, от этапа к этапу. «Детство. Все, кажется, просто, неизбежно, как и должно быть. Школа, служба, война, Катя, работа - разве не желал и не спешил? Другой вопрос - чего желать и к чему спешить... Выходит, что я спешил и к этому новому этапу? Теперь у меня семь выходных в неделю, но они намного тяжелее тех моих понедельников». - невесело думал Алексей Прокофьевич.

Здесь, в затишь, под таловым кустом, нависшим над водой, Алексея Прокофьевича начинала все сильнее донимать мошкара.

«Ну, еще раз заброшу и если не выгашу - буду сматывать удочки», - решил он и вдруг услышал, что со стороны села доносится непонятный шум. Над водой плыли отрывистые, гортанные звуки и глуховатый клекот. «Дикие гуси, что ли?». Шум шел волнами, нарастая с порывом ветерка и приближаясь. То были звуки пионерского горна и дробь барабана. Алексей Прокофьевич застыл, а затем расслабленно сел на траву. Его лицо, глаза и весь он сам был уже не тот, что минуту назад. Алексей Прокофьевич, замирая, смотрел на тот берег, где меж кустов мелькала бело-красная цепочка. Да, пионерская дружина имени Владимира Корнева Александровской средней школы сейчас располагалась на том же месте, где он с Володей Корневым и всей дружиной пятьдесят лет назад собирались на свой традиционный пионерский костер, посвященный Дню рождения пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина. Володя Корнев был лучшим горнистом в школе, а он, Алеша Красин - лучшим барабанщиком. Они с Володей всегда были вместе. Вместе были и там, под Ржевом...

С другого берега звонкие, взволнованные голоса отдавали рапорта. «Все, как у нас». Алексей Прокофьевич то погружался в воспоминания, то возвращался в сегодня. Над прибрежными кустами взметнулось пламя костра. «Может, и не было этих пятидесяти лет? Нет, были». И в

сполохах пионерского костра вдруг чудился то охваченный огнем колхозный амбар, то горящие подмосковные деревни.

«Взвейтесь кострами, синие ночи...», - все тише пели на берегу. То ли его слух еще улавливал звуки горна и барабана, то ли их воспроизводил его возбужденный мозг. Взяв удочки и полиэтиленовый мешок с десятком окуней, Алексей Прокофьевич направился к тому месту, где еще недавно пылал костер. «Где-то здесь есть место и наших костров», - тревожно защемило сердце. В темноте еще светилась струйка дыма. Алексей Прокофьевич сел на прогретую землю и, удилищем расшевелив остатки костра, бросил пучок сухой прошлогодней травы. Она вспыхнула ярко, бездымно, осветив поляну, окаймленную с трех сторон зарослями тальника и шиповника.

«Сколько за эти годы здесь побывало красногалстучной пионерии. Вот бы сюда их всех в один день вместе», - думал старый барабанщик. Затем вытащил из кармана жестяную банку из-под леденцов, в которой хранились рыболовные крючки, аккуратно потыкал их в подкладку фуражки, а банку наполнил еще теплым пеплом. «Отдам Вере и Светлане. Они в школе музей затевают. Может, возьмут. А потом, лет этак через двадцать, будут вспоминать», - мечтал старик.

- Дед, а эту песню ты знаешь? Вы ее тоже пели? - наседали внуки. - А эту? Они удивленно переглядывались, получая утвердительный ответ.

- Ты нам никогда ничего не рассказывал, - тихо сказала Вера. А Светлана, с завистью глядя на деда, воскликнула:

- Как же у вас тогда все было интересно, наверное! Как в книжках! Не то что у нас...

- Глупенькие вы у меня еще. Нашли чему завидовать. Хотя, не скрою, нам было интересно. А теперь - марш спать. Поздно уже.

Только взяв с деда «честное пионерское», что он завтра расскажет им обо всем - обо всем, девочки ушли спать. Вскоре из другой комнаты послышалась их сладкое посапывание. Они уже не слышали, как вздыхал старый барабанщик, вспоминая свое нелегкое детство, как скрипела кровать под его израненным телом.

Храбрый Олег

Окно в палисадник распахнуто. Свежий ветерок полощет тюлевые занавески, заполняя комнату цветущим маем. Солнце поднимается все выше, и золотой квадрат окна скользит по ковру, лаская теплом кудрявого оленя. Сползает на белоснежную подушку, где покоится вихрастая, белокурая Олежкина головка. Наверное, и во сне решает эту сложную не по годам проблему: кем же все-таки быть - солдатом или моряком?

Еще совсем недавно он был уверен и спокоен: моряк, конечно, моряк. Даже ложась спать, не расставался с бескозыркой и снятыми с дяди Колиного кителя якорями. А теперь дядя Коля Олежке не авторитет. Еще этот дед Роман: «Вон, твой моряк плывет», - не пропустит, чтобы не поддеть мальчишку, когда бывший флотиец возвращается домой на «К-700». Олег обижается на деда и жалеет дядю Колю. Но тот почему-то доволен и сам смеется. А на глаза Олега наворачиваются слезы.

Но вот позавчера пришел в отпуск дядя Саша - тоже сын дедовский. Он сержант. Служит далеко. Олег смотрел даже его альбом и видел фотокарточку: стоит огромный солдат с мечом и одной рукой держит девочку, похожую на Маринку соседскую. А внизу у памятника солдаты и третий с края - дядя Саша. Такую картинку Олег видел и в Маринкиной книжке, только без солдат и дяди Саши.

Вчера Олег решил потребовать от деда прямого ответа и, подражая интонации бабы Кати, сказал: «Ох, старый! Не хитри! Как на духу скажи: кто сильнее - моряк или солдат? ». Дед улыбнулся и, также хитро сощутив глаза, ответил: «Слепой сказал - посмотрим, глухой сказал - услышим». А вечером, когда дядя Коля «приплыл» домой на своем «касёмсоте», дед повел Олежку на сеновал и в который раз устроил борьбу между дядьками. На этот раз победил моряк. Так и уснул вчера Олежка, не решив для себя этой задачи: кто сильнее? Кем быть?

Ветер гулял по комнате. Сползло одеяльце. На переносье и за ушами у мальчишки красные пятна. Это следы от пылезащитных очков дяди Коли. Ведь кроме прочего, Олег еще и космонавт, а как тут обойтись без таких предметов.

На ноге, выше колена, синяк. Это гусак ущипнул космонавта, когда тот «приземлился», чтобы дать гуськам воды. На простынке, под боком, лежит «медаль» Олега. Ложась спать, он на всякий случай снял ее с куртки и положил рядом. Медаль - значок «Воин-спортсмен» подарил Олежке дядя Саша.

На кухне бабушка Катя уже успела налепить два листа вареников с творогом. Залила в сепаратор молоко, но не включает его: «Пусть поспит малец, а то, небось, опять ему почудится вой реактивного самолета». Она тихонечко приоткрывает дверь и с любовью смотрит на своего храброго внука - моряка и солдата, космонавта и чапаевца.

Бабушка на цыпочках приближается к постели, поднимает сползшее одеяло. Губы внука в улыбке. «Снится что-то», - думает бабушка.

- Ах ты, какая хитрая! - звонко смеется Олег и садится на постели.

Итак, день начался! Вот уже Олег умытый, одетый и при «медали» сидит за столом и ест вареники. Бабушка, чтобы внук не забрызгал курточку сметаной, заправляет ему за воротник полотенце.

- Ба, ты только медаль не закрывай, - просит Олег.

А во дворе - столько всего! Надо обязательно помирить Пирата и Никиту. Они оба хорошие. В дедовом доме живут. А не ладят. Вредный пес Пират все время мешает коту Никите. Надо поиграть с Маринкой, ведь у нее нет ни кота, ни собаки. И мирить некого.

Так за «заботами» и пролетает день. А потом - за окном темень.

- Старый, ты закрыл калитку? - доносится голос бабы Кати. - Потопчет скотина грядки.

Дед молчит. Не хочется ему вставать с теплой постели. «А, может быть, ему страшно, - думает Олег. - Ведь темно».

- Дед, если боишься, возьми мою медаль. С ней не страшно. Только потом положи на место.

Хорошо перед сном думается. Почему, скажем, так получается? Ехал сюда, к бабушке с дедом, долго-долго. Приехал. А звезды на небе точно такие же оказались, как дома. Вон та, например, большая. Только там она светит над домом, а здесь над сараем, в котором сидит кот Никита. Дядя Саша говорит, что земля вертится и все - вместе с ней. А что, если... если подпрыгнуть. Вот это да! Попробую... Завтра... Завтра! Вот это да!

Ленькины вопросы

«Ах, ты опять на подоконник с ногами забрался! ». Таня линейкой хлестнула Леньку, но на этот раз он уже не заревел, он уже «давно не плачет, а особенно от девчонок». А они, Таня и Ира, здесь, прямо под Ленькой, у письменного стола рисуют, красят, клеят - «мы готовимся к Новому году! ». А для Леньки непонятно: как это - готовиться и зачем встречать этот Новый год. Вот как встречать отца, возвращающегося с рейса, Ленька знает и не готовится, а тайком убегает на развилку за селом: Ленька боится: мать на дорогу не пустит. И вот так он частенько поджидает отцовский «КАМАЗ», но это - летом, а сейчас зима, и Ленька сидит «под арестом». Вот и теперь он сидит на подоконнике и, склоняя голову то на левое, то на правое плечо, жмурится от ослепляюще искрящегося всеми цветами радуги замерзшего оконного стекла. Солнце все еще лежит на крыше Витькиного дома, а вот летом в это время оно уже висело на высоченном тополе у Сашкиного дома - на той стороне улицы живут Ленькины друзья - Витька и Сашка. Как-то Ленька пожаловался Тане на это непостоянство солнца, на что сестра сказала: «Так Земля же вертится! ». Ленька спросил: «Почему? ». Таня растерянно посмотрела на него, а потом выпалила: «По кочану! » и быстро стала перелистывать свою книгу. Она всегда так говорила, когда сама не знала. Это Ленька уже давно заметил. А чуть позже Таня, смеясь, сказала: «А ты вот подожди здесь, на подоконнике, и увидишь: летом солнце опять вернется к твоему Витьке».

Не поймет Ленька этих взрослых: то они хотят, чтобы он без ног влезал на подоконник, а как это сделать? То говорят, что Земля вертится, или опять же: все готовятся встречать Новый год. «И зачем он им нужен? » - думает сейчас Ленька и вспоминает: вот той зимой тоже все ждали Новый год. Вечером к ним пришли дядя Коля с женой, тетей Галей, и сказали, что пришли встречать Новый год. Ленька сторгал от удивления и, не стерпев, спросил: «А почему его надо встречать у нас, он, может быть, к нам и не придет». Да и странно они его встречали: просто сидели в зале за столом и даже на крыльцо ни разу не вышли. Ленька так хотел увидеть Новый год, но, так ничего и не увидев, уснул. А утром, чуть свет, вскочил и - к отцу. Отец с мамой сидели на кухне и о чем-то шептались. Ленька встал на пороге и тер кулаками глаза, он решил, что Новый год обиделся на них и не пришел, но отец, смеясь, успокоил Леньку: «Приходил! ».

Еще Ленька помнит, как Таня брала его с собой на новогодний утренник. Она вела его за руку по длинному школьному коридору. На стене таким же длинным рядом висели портреты «каких-то дядек», и Ленька без конца дергал Таню за палец, останавливался и спрашивал: «Тань, а это кто? » Таня поясняла: «Менделеев, Достоевский, Ушинский... ». И в очередной раз сказала: «Пушкин! ». Ленька обиделся: «Опять дразнится! ». Нет, не таким представлял Ленька Пушкина! Они прошли по коридору еще несколько шагов, и Ленька остановился у портрета дядьки, заросшего бородой, у которого видны были лишь глаза и нос: «А это Дед Мороз», - радостно и уверенно закричал он на весь коридор, а Таня сердито крутнула его за палец и потащила дальше, испуганно шепча: «Да замолчи ты! Это Толстой», а Ленька упирался и оглядывался: «А ты почему знаешь, что он толстый? Там же одна только голова... », - протестовал он. «Ты меня позоришь», - говорила сестра. - Больше я тебя с собой никуда не возьму».

Ира, а кто у нас в этом году будет Дедом Морозом? ». - спросила подругу Таня, и Ленька стал прислушиваться к разговору за столом. «Дедом Морозом - физрук, Василий Иванович, а Снегурочкой - Наташа Корнеева из 8 «а», - отвечала Ира, примеривая на голове корону. Ленька задумался: он то крепко смеживал веки, то широко раскрывал глаза, и ему вдруг что-то приоткрывалось, как будто от него что-то уходило, а что-то новое заполняло его детскую душу. «Заканчивается Год Зайца и наступит Год... », - Ира вопросительно посмотрела на Таню. «И наступит Год Дракона», - вдруг выпалил Ленька. Подруги изумленно смотрели на него, а он продолжал важно вещать: «А потом - Год Бабы Яги, а потом - Кошечья Бессмертного, а потом - Год Страшилы! ». Наконец, девочки опомнились и в один голос спросили: «Да кто тебе это сказал? ». «Пушкин! », - выкрикнул Ленька, прыгая с подоконника прямо на стол и разбрасывая бумажные гирлянды и прочую мишуру, сорвал с головы сестры корону и, хохоча, стрелой понесся по комнатам. Таня преследовала его с линейкой в руке и с угрозой: «Я сейчас тебе покажу, где раки зимуют! », но и эта магическая фраза уже не занимала Леньку, ведь он стал взрослее на год.

Подарок Виктора Тростникова

Уже ощущалось то особое оживление, что сопутствует приходу этого дня. Как нигде остро, это чувствовалось в магазинах. Людно стало и в ювелирном отделе. Три дня подряд Виктор заходил в универмаг и, обходя отделы, тоже несколько раз останавливался здесь. В глаза и уши назойливо лезло: сверкающее, заносчивое, заискивающее, сюсюкающее, фальшивое и холодное: «А мой сказал: «Вот тебе тридцать тысяч и бери сама, что хочешь. Ведь ты, дорогая, дороже этих висюлек... ». Расстроенный и подавленный Виктор отходил. «Бряцанье золотом не для нас». Доказывать матери, что он у нее щедрый, Виктор не мог и не хотел. Мать знает, какой он у нее «дурачок»... Конечно, она же помнит тот его «номер», когда перед 8 Марта на несколько дней он пропал из дома. Слетал на юг и вернулся к Иринке с корзинкой алых роз. А мать за это время обзвонила всех его друзей и знакомых, разыскивая его, а на третий день, именно 8 Марта, ее увезла «скорая». Вспомнив это, Виктор, наверное, наяву застонал, потому что, выйдя из оцепенения, он увидел, что люди из очереди с удивлением и любопытством смотрят на него.

И в этот вечер Виктор вернулся домой из магазина, так и не выбрав подарка матери. Вся жизнь у него была вот такой: многого хотел и ничего не имел. Или, может быть, так хотел?

Ночью он не мог уснуть. Где-то на грани его «помню», на самом донышке самосознания вдруг четко высветилось: он уже выкупанный, во весь рост стоит в корыте у самой печки. Мама ополаскивает, поливает его из ковшика. Ему горячо и щекотно, и он, смеясь, визжит, мама тоже смеется и командует: «Руки по швам! ». А он размахивает руками, хватается за голову, и вода стекает не в корыто, а на пол.

Сколько же ему тогда было? Три-четыре. А уже сорок. Потом мама его стрижет (она сама стригла его до шестого класса). Машинка иногда «буксовала» в его густых и жестких волосах, и тогда мама прижимала его голову к своей груди, приговаривая: «Ну, потерпи, потерпи, сынок, ты же у меня солдат». У него на глазах выступали слезы, но он смеялся. Его короткий волос набивался маме в кофту и она, отряхиваясь, смеялась и приговаривала: «Ой, ой, какой же ты у меня колочий». Сейчас, мучаясь бессонницей, Виктор горько усмехнулся: «Мама, мама, уже нет у меня на голове той шевелюры, но и теперь мне уже чужие люди говорят: «колочий». Мама, мама, ты, только ты знаешь, что я не жестокий, не «колочий».

Нахлынувшие чувства сжигали Виктора. То он видел маму растерянной и смятенной: это она впервые увидела его пьяным, но он и в том состоянии расслышал и запомнил еле слышное, сорвавшееся с ее губ: «Какой ты у меня слабенеккий..... А он всю жизнь доказывает кому-то, что он сильный. То вновь и вновь приходил ему на память тот вечер. Он приехал на выходные домой, приехал к маме. Он сидела у стола и лепила вареники (его любимые - с капустой). Волосы подобраны косыночкой, стянуты узелком на затылке. Он с глубоко упрямой в себе болью и нежностью наблюдал за нею. Мама была задумчива и молчалива, и чувствовалось, что она никак не решится что-то сказать ему. Потом вдруг проронила: «Витя, она вернула твой подарок, переслала мне и сопроводила письмом. Витенька, оставь ее в покое. Она не для тебя, она совсем не та. Ты ее просто придумал. Я же знаю, ты у меня фантазер».

Вспомнилось и совсем недавнее. Уже было довольно поздно, двенадцатый час. Виктор сидел у себя и читал. Через приоткрытую дверь он увидел, как мать, готовясь ко сну, достала свое растирание и теперь, держа его в руке, сидит на постели, наверное, ждет соседку, тетю Любу, та в последнее время приходила растирать на ночь матери больной позвоночник. Время шло, а соседка почему-то не приходила, и мама явно, Виктор это чувствовал, не решалась лечь, не растеревшись. А Виктора тоже что-то удерживало: он боялся, стеснялся этого признания перед мамой - признания в своей доброте, чуткости, сыновней нежности. Боже мой! Ну что я за человек? Надо встать, подойти. Сейчас, сейчас. Наконец он подошел к маме и с виновато-смущенным видом грубовато сказал: «Мама, ну что же ты не скажешь. Я же тоже могу. Давай, я тебя не хуже тети Любы разотру, а ты ждешь... ». И больше он не сказал ни слова, мама тоже молчала, но когда он уходил, взгляд матери заставил его оглянуться.

Мама, мама, ты одна понимаешь меня. Виктора охватило то лихорадочное состояние, которое и мучило его и одновременно наполняло его жизнь смыслом. Писать, писать. Написать ей! Написать о ней. Я знаю, ты веришь в меня.

Сереекин подарок

Сереека лежит и, напрягая зрение, старается уловить движение солнечного прямоугольника, образованного окном у его изголовья. Но удается ему это не всегда: прямоугольник движется каждый час и каждый день справа налево, а любое движение Серееки отдается в груди тупой болью. Иногда прямоугольника совсем нет, и он догадывается, что день сегодня пасмурный. Он лежит и думает о доме, о своем третьем классе, где уже не был почти три недели. Все это, и дом, и школа, кажутся ему такими желанными и такими далекими.

Палата, в которой лежит Сереека, расположена напротив сестринской. Через открытую дверь он видит, как то и дело заходят в нее, а потом выходят обратно тети в белых халатах. Сегодня они на удивление возбуждены и веселы. Одна даже была с цветами, с альбами гвоздиками, так не вяжущимися со стерильной белизной вокруг. «Почему цветы, почему так все радостны?», - спросил он у медсестры, пришедшей делать ему укол. «Потому что весна, 8 Марта», - ответила всегда ласковая тетя Вера. Лежа на спине, он думал сейчас о том, что скоро придет его мама. Как всегда, будет взбивать подушку, поправлять одеяло, убирать в тумбочке и, как всегда, неправдоподобно весело рассказывать о проделках дворняги Пирата, о занятиях брата Вовки, пожурит Серееку за то, что продукты в тумбочке опять остались нетронутыми. Он знал, что будет виновато смотреть на свою маму, ведь сегодня ее праздник, а он не приготовил подарок.

«Не нравится мне сердце вашего сына. Будем лечить». А потом голос матери, в котором чувствовались слезы: «Мне ничего не надо, только бы с Сереекой было все хорошо». Этот разговор он случайно подслушал еще тогда, в поликлинике, куда его привела мать. Сереекина детская память хранила его как-то бессознательно. А теперь он отчетливо вдруг представил его снова. Вмиг пришло решение. «Все будет хорошо. Я сделаю все для этого, обязательно, и это будет моим подарком маме», - почти вслух думал он, а затем своим тоненьким голосом стал звать тетю Веру, наклонившуюся в углу над Витькой.

Впервые за это время он сидел не на койке, обложенный подушками, а на стуле, одетый в детскую пижаму и причесанный. Голова немного кружилась, но он, не отрываясь, смотрел в окно. На уже почерневшем от мартовского солнца снегу прыгали воробьи, клевали что-то и, кажется, им было весело. Хорошо было и на сердце у Серееки. Вдруг он почувствовал, что за спиной кто-то стоит. Обернувшись и увидев в дверях свою маму, он позвал ее своим еще слабым, но радостным голосом: «Мама, иди сюда. Я хочу тебе что-то сказать...».

Женская сила

Вот «прикопались» к классику, к Николаю Алексеевичу Некрасову! Цепко ухватились за его строки о женщине: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет...». Считают, что, сказав вот так, классик как бы принизил красоту, женственность, очарование русской женщины. Лично считаю, что это не так, и более того, считаю, что оттого сейчас такое больное общество, что перевелись у нас такие женщины. Но зато вырос новый тип женщины. Наши женщины в буквальном смысле этого слова помогают мужчине прозреть. И я хочу рассказать об одном таком случае и уверяю читателя в том, что это не вымысел, а подлинный факт. Подлинного имени своего героя я не называю по той причине, дабы не смущать его жену и детей, а героиня вообще осталась блоковской Незнакомкой, поскольку мой герой не удосужился с ней познакомиться. Его я буду называть Николаем, а ее - Незнакомкой. Итак, начинаю свой рассказ.

Одно время я работал в системе Казахского общества слепых, сокращенно - КОС, председателем бюро Нуринской первичной организации КОС. В это же время в одном из районов нашей области работал председателем подобной первички и Николай. В общем, мы с ним были коллеги и по работе и, как говорится, по несчастью. У Николая была тоже первая группа, но без остатка зрения. Сколько лет он не видел вообще, я сказать точно не могу, но знаю: лет пятнадцать - это точно. Естественно, мы с ним частенько встречались на областных конференциях, семинарах, конкурсах и на банкетах тоже. Короче, мы были дружны, нас многое объединяло. У него был диагноз: кровоизлияние в глазное дно и частичное отслоение сетчатки. В случае операции офтальмологи не гарантировали возврата зрения, но кое-кто из этих эскулапов допускал, что со временем и при определенных обстоятельствах рубцы на глазном дне могут рассосаться и, как следствие, возможно частичное восстановление зрения. Одним словом, он с этим свыкся и жил.

Понятно, что во всех его поездках его сопровождал кто-нибудь, а в то время, о котором я повествую, Николая сопровождал Александр Б..... кий. И вот однажды мы съехались в облправление КОС на очередную конференцию. Поселили нас в гостинице «Караганда». До вечера я с Николаем не виделся и уже собирался идти к администраторше, чтобы узнать, в каком номере он поселился, как в моем номере зазвонил телефон: «Здорово! Узнаешь? Я в 126-ом, заходи! Посидим!». И я, как говорится, не заставил себя долго ждать.

Едва я вошел в его номер, как Николай вскочил с кровати и, протянув обе руки для приветствия, поспешил мне навстречу со словами: «А я тебя мысленно таким и представлял». И добавил: «Вот только не предвидел, что ты носишь бороду». А я действительно месяца два начал отращивать «шотландку». Трудно передать словами мою реакцию при виде подобного действия со стороны Николая. Скажу коротко и просто: к нему частично вернулось зрение. И вернулось вот при каких обстоятельствах. Привожу немного отредактированный рассказ самого Николая:

- В июле мы с Сашкой приехали сюда, в Караганду, по своим делам. Сашка усадил меня на скамейку в зале ожидания автовокзала, а сам ушел взять что-нибудь перекусить. Сижу, опустив голову, жду. Автовокзал как пчелиный улей гудит, на скамейку один садится, другой уходит. Вот слева пахнуло табаком и перегаром, отмечаю: мужик присел, сокрушенно повздыхал и ушел. А вот обоняю: ароматы Парижа. Франции. Я мысленно пытаюсь представить облик соседки по скамейке и вдруг явственно вижу на полу слева белую босоножку и в ней, поигрывая, шевелятся пальчики. Ну, думаю, начинается! Знаешь, когда не видишь, то частенько возникают галлюцинации. И всегда такие цветные, и тут надо уметь справиться с ними. Но на этот раз что-то не то. Слишком конкретно и к месту. Поднимаю голову выше - матово загорелые икры ног, округлые колени. Еще выше поднимаю голову - темно-синяя юбка, розовая блузка, по плечам - выющиеся каштановые локоны, вздернутый носик. На плече - широкий ремень спортивной голубой сумки, в правой руке, оттопырив мизинчик, девушка держит стаканчик мороженого. Ну, думаю, такой картинке у меня еще не было! А это что за стенка, что за шкафы? Фу, да это же камеры хранения. Тут к скамейке подходит мужик и прямо ко мне. В руках у него бутылка минералки и стопка пирожков, сорочка на груди расстегнута и видна волосатая грудь, длинный конец брючного ремня висит с левого бока, как сабля у городского, сам весь взъерошенный и Сашкиным голосом говорит: «Ну и жарница! А там очередь такая! Ты не уснул? ». Тут соседка моя встает и уходит к кассам, а Сашка садится на ее место и сует мне в руки пирожок. Я молчу потрясенный. «Ты че, ты че? - вопрошает Сашка, - еще не проснулся? Я отвечаю: «Я то проснулся, а ты застегни рубашку и заправь ремень, обормот этакий! Мне за тебя стыдно перед девушкой! ». Сашка вскакивает со скамейки, хватается то за сорочку, то за ремень и, ероша другой рукой свои черные кудри, ошалело смотрит то на меня, то на девушку, пристроившуюся в хвосте очереди у кассы.

Вот так, Виталий, я теперь зрячий. Не знаю, надолго ли. И не знаю, кому молиться: Богу или той девушке, - подытожил свой рассказ Николай.

Вот такая история. Интересно, что скажут на этот счет офтальмологи и вообще медицина. Я же считаю, что женщина прогрессирует: если в девятнадцатом веке она на скаку коня останавливала, то в наше время - она уже способствует прозрению мужчин, и, конечно, главная составляющая силы современной женщины - это ее ноги!

Юморески

Два берега у одной реки

Сколько помню себя, я не видел их вместе. А когда-то эти два человека, как утверждают наши ивановские старожилы, были «не разлей вода». Оба они заядлые рыбаки, но даже это их сегодня не объединяет. Петр Кузьмич - приверженец утреннего клева и рыбачит только с правого берега Нуры, а Василий Фомич отдает предпочтение вечернему клеву и левому берегу Нуры. А причиной тому послужили две фронтовые истории, якобы рассказанные в лицах друг о друге самими же героями от первого лица. И вот уже много лет истории эти, конечно, изрядно обработанные доморошенными юмористами, стали местной классикой и частенько исполняются нашими отнюдь не бездарными Райкиными. С той поры и пробежала «черная кошка» между закадычными друзьями. Возможно, я никогда бы не поведал тебе, читатель, об этом, если бы не моя последняя встреча с ними, но об этом позже, а сначала:

История первая о Петре Кузьмиче

- Кое-как добрался до Акмолинска. Слез с поезда, стою на перроне: жарница, пылища - дышать нечем. Ордена на груди сверкают, а куда идти - не знаю. А тут еще эти чемоданы: в одном замки не держат, и из него дорогие портьеры змеей по пыли волокутся, а в другом, что паковал в этом... ну, в этом... ну, где наш Митька коров у баура доил... Во-во, в Бреслау, у того ручка оторвалась. А в нем не семечки, не прянички - сепаратор и швейная машинка! А ты думал! Достал. Ты же меня знаешь: если я в своем колхозе в родной Ивановке до войны все мог достать, то в Германии после войны не достану? Ну, ты даешь! А причем тут мародерство? За бутылку шнапса достал. А иначе к моей Аньке с пустыми руками даже с войны не подходи. Она же и в январе в сенях на тюфячке ночевать оставит. А скажи, такой встречи я почти шесть лет ждал? Я Румынию, Венгрию, Польшу прошел, Одер форсировал, вернулся домой живой, здоровый к Аньке и... вздыхаю ночью в одиночестве в сенях на тюфяке!!! Нет, мой милый, я достал! Все чин чинном. В общем, иду по Акмолинску и вдруг, поверь, навстречу родная сестра. Она, оказывается, в то время в ФЗО училась. Я ей: «Сестренка, ради бога, найди какой-нибудь транспорт, а то я подарки не могу оставить». Она, правда, шустро побежала и через полчаса подводит ко мне... ишака! Ты можешь представить себе: у

меня же на груди ордена, а она - ишака! Я же Ордер форсировал. И на тебе! Ишака. Умирать буду, а ей этого не прощу...

История вторая о Василии Фомиче

- Вот ты, Витька, ученый, все знаешь. Сколько стопок может выпить слон и оставаться на своих двоих, сколько затяжек потребуется моему Буланому, чтобы он копыта набок и хвост в сторону? А вот, скажи-ка ты мне, сколько лет живет щука? Мне надо все о ней знать, например, когда она богу душу отдает, всплывает на поверхность или нет. Хотя та, стерва, вряд ли всплывет: загрузилась золотом тварь-рыба! Ты спрашиваешь: для чего мне это надо? А ты песню «... славный корабль - омулевая бочка...» слышал? Так это почти обо мне.

В сорок третьем к Днепру подошли и сразу, с ходу, в воду, кто на чем. Мне под руку попала бочка, запомни, я на ней Днепр форсировал. Плыву, значит, а ганс лупит по воде тяжелыми, столбами воду ставит, бочка моя меж ними, как поплавок клевет. Уже на середине Днепра был, курить хочется - спасу нет. Скособочился, полез в карман за кисетом и пошел ко дну. Ты же знаешь, у нас на Нуре я первый моряк был. Но это ж на Нуре, да и без штанов, а тут одних орденов и медалей на гимнастерке - пуд. Отвинтить ордена одной левой не могу, а в правой руке кисет, вышитый моей Любашей. Иду под водой, как подлодка, гребу так, что аж весь от пота мокрый. А вокруг меня, как у нас на Нуре, чебачки, окуньки выютя. Так хорошо, а воздух кончается. «Врешь, не возьмешь», - говорю сам себе и уже почти до берега дошел, но вдруг во-о-от такая щука за медаль, как за блесну, хап и прет меня в камыши, а я уже пузыри пускаю. Что делать? И вдруг меня осенило: «Жизнь дороже часов». Выхватываю из кармана свои именные и швыряю. Она, стерва, выпустила медаль и хап часы, а я тем временем на берег. А ты думал! Соображать надо! Вот так и остался в живых и живу... Но часов тех год от года жалче! А ты думал! Сам командующий лично вручал за мужество и сообразительность...

С тех пор каждое лето езжу на Днепр рыбачить. Сколько я их заблеснил и на живца брал, а та так и не попала.

Вот эти истории поссорили друзей, моих земляков, поссорили навсегда, так думал и я до недавнего времени.

Стужались июльские сумерки, я смотал удочки, привязал их к раме велосипеда и шел вдоль берега, наслаждаясь вечерней прохладой и тишиной. Вдруг впереди меж кустов тальника замаячил костер, донесли голоса. Я прислушался: «Труднее всего было под Старой

Руссой: окопа не выкопаешь, два штыка копнешь и вода... ». «А мы на Баксане на скалах, как горные козлы... ». Я не верил своим ушам. Но это были они: Петр Кузьмич и Василий Фомич, они были вместе, были вдвоем. Я не знал, как лучше поступить, «не заметить» их и пройти или подойти к ним. Потом, бросив велосипед, сбежал к ним. Увидев меня, они смущенно переглянулись и замолчали.

Сдувая пену с кипящей ухи, Василий Фомич спросил: «Что, не ожидал нас встретить вместе? Эх вы, артисты. Но ты об этом пока ни слова в селе». «Почему?» - вырвалось невольно у меня. Они вдруг разом заразительно засмеялись. Чуть погодя сквозь смех Василий Фомич сказал: «Это пока военная тайна».

Теория и практика

- Деда, ты скоро будешь картошку копать?

Иван Савельевич вздрагивает и пристально смотрит на внука Женю: «Вопрос это или...? ». Но взгляд внука ангельский, и дед успокаивается: «Нет, не знает, не выдала старая». Точно такое же состояние испытывает Иван Савельевич, когда, бывает, Женя выбегает во двор и зовет его:

- Дед, иди скорее: Русланова поет!

Так уж случилось, что в этих двух фразах содержится очень многое для бывшего преподавателя физики Ивановской восьмилетки. А причиной этому является его бывший ученик и сосед Колька Карасев.

Было это лет тридцать назад. Правда, лет пять после этого случая Иван Савельевич был спокоен: говорил, как по писанному, на своих уроках о вольтах и омах, чем подкупал свою Кирилловну. Авторитет его тогда был непререкаем. Золотое время! Это было, когда в Ивановке появились первые радиоприемники. Помните? - «Родина», батарейный. По обе стороны хаты тогда ставили высокие шесты, а меж ними, как бельевая веревка, протягивалась проволока - антенна. Да, время... и техника. А песни: «... валенки да валенки», «Чубчик кучерявый»... Ах, голоса! - Утесов, Русланова. А Штепсель и Тарапунько... Сейчас, когда Иван Савельевич изредка слышит их голоса, непроизвольно и властно в его сознание влазит этот Колька Карасев. «Лучше бы он никогда не признавался, лучше б уж молчал».

Клены у плетня уже в позолоте. Сентябрь, но на редкость жарко. Второй день Иван Савельевич копает картошку, не свою, а соседа Кольки Карасева, своего бывшего ученика, которому в свое время частенько ставил двойки по физике. А Колька, этот бывший ученик, уж второй день сидит в прохладной комнате у Ивана Савельевича. Сидит в тишине и полной темноте, склонившись над «Родиной», накрывшись с головой, как фотограф, пледом. У них с Иваном Савельевичем трудовое соглашение.

А заключили они его так. Неделю крепился Иван Савельевич, но долго не слышать Русланову ему было не под силу: он вышел во двор и через плетень крикнул Кольке (этот бывший отстающий по физике прослыл к тому времени знатоком по части установки радиоантенн, заземлений и... вообще радиомастером).

- Николай, зашел бы, взглянул - уже вторую неделю молчит...

И Колька зашел, «взглянул» и глубокомысленно засвистел:

- М-да... Денька два придется попотеть тут...

Если бы тогда знать Ивану Савельевичу, что попотеть два дня придется не «тут», а там, на Колькином огороде. И попотеть не Кольке, а ему.

- А у меня картошка недокопанная, а погода уже шепчет, - думал вслух Колька.

Тогда Иван Савельевич посочувствовал и поспешно сказал:

- Ты уж, Коля, пожалуйста, давай химичь. А за картошку не переживай, помогу.

И Колька начал «химичить». Он попросил хозяев дать ему огромный плед и, накрывшись им, ухмыльнулся над «Родиной», ибо из всех поломок и дефектов он знал и мог устранить только один - замену предохранителя.

Скоро Кольке стало скучно сидеть в темноте. И он задумался, а затем озабоченный, шурясь от знойного солнца, вышел во двор и прошел к своему дому. Иван Савельевич, устало опершись на лопату, стоял на Колькином огороде и, вытирая пот, вопросительно и с надеждой смотрел на парня.

- Лампа - шесть пэ, четырнадцать цэ, - многозначительно бросил в ответ Колька. - Ничего, одолеем...

Он прошел к себе домой, взял новый предохранитель и... книгу Марка Твена, вернулся с ними под плед. Трудно было в огороде Ивану Савельевичу. Пот застилал глаза, но он так хотел поскорее услышать: «Утомленное солнце нежно с морем прощалось...» или «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина...». Трудно приходилось под пледом и Кольке: батареи питания у «Родины» оказались слабоватыми, и трехватка горела тускло. Читать было нелегко, к тому же глаза часто застилала непрошенная слеза от сдерживаемого смеха. Но Колька так верил в упорство и трудолюбие Ивана Савельевича...

Только спустя пять лет после этой «трудовой вахты», в горячем споре о теории и практике Колька в запале разоблачился. Сейчас в Ивановке никто об этом не помнит кроме Кирилловны. А она этим частенько шантажирует Ивана Савельевича.

- Дед, а дед, ну когда начнешь картошку копать? - переспрашивает внук Женя.

- Не выдавала, - успокаивается тот и отвечает: - Числа тринадцатого начнем.

Дочитался...

- Т-та-ак! - Иван Сычев отодвинул от себя пустую посуду. - По закону Архимеда - закурить после обеда.

Так как Иван строго придерживался упомянутого закона, с расстановкой и значительностью продул беломорину, с наслаждением втянул в себя дым. Но еще чего-то ему не хватало, и это вмиг отразилось на его добродушной физиономии. - Так, как... Ах, да! - спохватился он. - Маша, а что газеты сегодня еще не приносили? - окликнул он жену, блуждая взглядом по комнате.

- Как же, принесли, да только там ничего нет. Вечером посмотришь. - ответила она, продолжая мыть на кухне посуду.

Но Ивану сейчас без газет беломорина казалось пресной соломиной.

- Давай, давай! Время еще есть, успею.

Иван не заметил, с каким выражением лица жена подала ему «районку». Газету он мог читать всеми ходами шахматных фигур, в зависимости от времени и настроения. Но чаще читал «конем»: заголовок статьи, ее середину и подпись.

- А ну-ка! Что тут есть? Где тут наши?

Наши - значит, о людях ему знакомых, или авторы, чаще других встречающиеся на страницах газеты. Просмотр, как правило, сопровождался озвучиванием; выводами и заключениями.

- Да! Вот это точно! Ага! Заливай, милый! Пис -сака!..

Протирая на кухне посуду, жена еле сдерживала себя, чтобы не взорваться смехом, наблюдая в открытую дверь, как Иван блаженствовал за газетой. Времени у него было в обрез - обед ведь. Он читал «конем». Как типичный читатель, он сейчас был непримирим ко всякого рода недостаткам и пьянству в первую очередь. Немаловажную роль тут сыграла его последняя встреча «за круглым столом» с Сергеем Карасем, в результате которой его «несемейный» бюджет сократился ровно наполовину. Этот Карась клялся и божился поделить расходы поровну, а сегодня утром прошмыгнул мимо как ни в чем не бывало. Карман его брюк нахально оттопыривала бутылка белой.

- Своих сегодня, кажется, нет, - вслух посетовал Иван. Из кухни донесся задавленный стон-смех. Но Ивану уже было не до чуткости: на четвертой странице его взгляд - «конь» выхватил нечто неожиданное.

- Свой, не свой - на дороге не стой. Смотри-ка, фельетоном загудели. Эм-м Сычева. Кто такая, почему не знаю? - вопрос повис в воздухе. Иван углубился, ушел в фельетон.

- Во дает! Ай да баба! Скажи ты, всю нашу мужскую подноготную знает! Как у нас с Карасем, - смаковал Иван. - Да что же это? - сердце его забилося учащенно, как у парашютиста, у которого еще не раскрылся парашют. Он поперхнулся дымом, перечитывая знакомые фразы. - Откуда она все это знает? - завопил он, дочитывая последний абзац.

- Да вы, черти, всю ночь мне спать не давали, - вернула Ивана на землю жена. И уже потеплевшим голосом немного смущенно спросила:

- Ну, как, Ваня? Это моя первая ласточка...

- О-о-о! Здорово! - росло в его груди, но голоса не было. Папироса выпала из его дрожащих губ, газета горела у Ивана в руках...

«Обновление»

Все они: кто на своей тропе, кто на своем суку или шестке, а кто и в своей норке, берлоге - с нетерпением ждали Нового года. Ибо каждый из них мечтал о своем, сокровенном, видел себя уже таким, каким хотел быть. Вот пусть только настанет Новый год!

- И я не стану лапу сосать, - сладко потягиваясь в своей теплой берлоге, сквозь дремоту бормотал Топтыгин. - Хватит! И так все надо мною смеются. Пора за ум взяться: что я хуже зайца? А ведь и тот свой след на снегу оставляет. Проторю и я свою тропу в снежных сугробах!

- Хватит мне петушиться! Пора скромнее быть: года мои уже немалые, - уговаривал себя Петька и в знак принятого решения уже хотел издать свое неизменное: «Кука-реку-у-у», но вовремя спохватился и остался доволен собой: устоял!

- Не буду с Нового года больше хитрить и вилять хвостом, - давала себе зарок Патрикеевна, - стану прямой и открытой, как... сорока.

- А верно, много болтаю, - признавалась сама себе сорока, - себе самой во вред, да и своих детей только позорю. Нет, хватит уж: с Нового года стану нема, как... акула.

- Конечно, правильно надо мною смеются, нельзя быть такой жадной, - сокрушалась акула. - Я же готова все проглотить. С Нового года стану доброй, как слон, - решила она.

- Смешно в наш век оставаться таким добродушным увальнем, - покачал хоботом слон.

- Мною все пользуются, а за спиной потешаются, и жена вот за это меня и разлюбила. Вот пусть только пробьют часы 12, стану резким, как... волк!

- Нет! Это не жизнь, - зарычал волк. - Сам создал себе репутацию «свирепый», а я ведь нежный, песни русские, раздольные люблю - «степь да степь кругом». В наступающем году буду самим собой, не стану напускать на себя блажь.

Дед Мороз шагнул так неосторожно, что под его поступью звонко треснула огромная сосна. Сорока сорвалась со своего сука и понесла: «Идет, идет! Новый год идет! Пришел, пришел...». Она на лету спохватилась: «За старое в новом году принялась». Но тут же успокоила себя: «Нет, нет, в прошлом году я не на те слоги делала ударения в словах, да и дикция у меня хромала. Ура - исправилась. Пришел, пришел...».

Медведь навострил уши. Он не заметил «обновления» в трескотне сороки.

- Пришел, пришел, - передразнил он сороку. - Ей ни забот, ни проблем, а мне вот надо выходить из теплой берлоги на мороз, печатать свой след на снегу голыми лапами, обувки никакой. Надо бы лыка на лапти надрать, да

где ж оно: эти треклятые зайцы всю кору обглодали. Ладно, еще год пососу лапу, а на следующий уж год... и он блаженно причмокнул.

С высоты своего шестка петух одним глазом косил на заволновавшихся гусей. Вытянув шею, гусак нежно прошипел гусине в самое ушко: «С наступающим тебя, дорогая». Петух вспыхнул: «Обо мне треплется! Хочет спровоцировать! Ну, что ж, посмотрим». И он скосил глаз на своих подруг: «Вынуждает. Не стерплю». В груди Пети что-то росло и ширилось: «К-к-ку-да прешь! ». «Успокойся, не надо, Петенька». - заволновались куры. Лиса, заслышав кудахтанье кур, замерла, виляя хвостом, на цыпочках сошла со своей тропы. «Ох, уж эти курочки-дурочки, выберу себе одну... на роль Снегурочки». - умилялась Патрикеевна.

Серый встречал Новый год в одиночестве: его душила обида, и он был зол на весь свет. «С кем водить хоровод? Попрятались все: один как... волк», - рычал он, уныло труся вокруг ели, как вдруг за кустом заметил зайца. «Лицемер! - рассвирепел волк, - мы же с тобой как договаривались отпраздновать? ». И косой дал стрекача. «Ну, для кого мне быть нежным? », - тоскливо завыл волк.

На корабле «Святой Грешник» пробили последние склянки уходящего года и вскоре за борт, в воды Бермудского треугольника, полетели пустые бутылки. «Стекло! », - предостерегающе крикнула акуле камбала со дна морского. «Зато заграничное». - ликовала душа акулы: ее очаровали импортные этикетки, и она глотала, глотала...

На самом экваторе стоял одинокий баобаб, привалясь к нему, слон встречал Новый год. Внимание великана привлек муравей, терпеливо огибавший ногу слона и тащивший к своему новогоднему столу кокосовый орех. «Опоздает, бедняга», - подумал слон.

- Помог бы, истукан, - сказал слону попугай. - В Индии бревна ворочал, а тут стоишь - хобот в карман, эмигрант проклятый.

Слон покраснел от смущения до кончика хобота и поспешил на помощь муравью. «Берегись! », - закричал муравью попугай, но было уже поздно: кокосовый орех раскололся, и муравей, отдуваясь, поплыл в море кокосового молока.

- И в этом году не повезло с границей. Как неуклюже начал новый год, - сокрушался слон.

И тут-то попугай изрек глубокомысленное, свое выстраданное: «Каждому - свое». Но его никто не принял всерьез. И это очень хорошо, иначе не было бы такого прекрасного мгновенья, как Новый год.

Давай, но только без политики!

- Здравствуй, Шарик, здравствуй, собака ты черная. как я рад тебя видеть живым и здоровым!

- Здорово, здорово. Дед Мороз, красный твой нос! Явился наконец, не запыхавшись со своим мешком.

- Не вижу радости! Ты что же вахту не хочешь сдавать, ай натворил чего? А ну давай, отчитывайся черный пес!

- Тебе бы только пофорсить. Дед Мороз! Мешок свой за плечо и пошел. А явился ты как всегда неожиданно: котельные в районе не все готовы, угля нет, теплотрассы не утеплены, да и не все закрыто. Денег на уголь и горючее нет, вот и берут уголек в счет зарплаты медиков и учителей! Одна беда другую подгоняет, а ты с мешком!

- Постой, постой, пес ты этакий! Как это понимать: почему я явился будто бы неожиданно? И потом давай оставим политику, от нее звери и те устали.

- Ты, Дед Мороз, извини, пожалуйста, но еще в сентябре на заседании коллегии при главе райадминистрации говорили серьезно о том, что ты опять как всегда явишься неожиданно и...

- Вот видишь! Вот оно и то, что неважная ты, Шарик, собака. Ну да ладно, расскажи, как ты жил этот год?

- А что я! Я, как мой хозяин... Я, как собака, вернее, как мой хозяин, так и я... Фу, совсем запутался, но ты меня понял, Дед Мороз, красный нос? Живу я хорошо, голодный, как всякая собака. Сам знаешь, мясо дорогое, хлеб дорогой, а если хозяин и бросит косточку, то это очень редко. Сейчас ведь каждый норовит мясо без костей взять, так как оно дорогое, а это сам понимаешь... Нет, ты не думай, мой хозяин - мировой мужик, просто он безработный сейчас, бедолага! А тут хлеб подорожал, поставил свой «КамАЗ» хозяин на «прикол», а теперь старается устроиться сторожем на какой-то приватизированный объект. Там мы вместе и будем служить, может, и не пропадем.

- Мы договорились с тобой, Шарик, не трогать политику и оставить ее в стороне!

- А я о политике ни слова, я о жизни нашей говорю. Мерзну, как собака, потому что будку мою стащил на растопку хозяин моей подружки Жучки. А мне с Жучкой ссориться неудобно, а то бы мы с хозяином разборку с ними учинили. Воруют людишки, воруют...

- Ну, Дед Мороз, а в твоих владениях как? Какой климат преобладает?

- Ох-хо-хо! Многого понять я не мог. Многого повидал на своем веку: и бояр, и дворян, и господ, и холопов, но таких «господ», как сейчас, не видел еще.

- Недаром в народе говорят: «Не дай Бог, чтобы из хама пан получился».

- Ну, ну, мы же договорились о политике не говорить, а ты туда же свой красный нос суешь.

- Ты же спросил о климате, я отвечаю: преобладает климат наживы и захвата. Заяц выкупил медвежью берлогу. Серый взял в аренду белкино дупло, с молотка пошло бобровое царство. И на весь лес несется клич: «Гусь свинье не товарищ» - это ведь программа сегодняшнего дня.

- Опять политика? Ты что же, уже не любишь веселить ребят и зверят?

- Это кто тебе сказал? Опять сорока на хвосте принесла?

- Я сам так решил, поскольку ты подарки зажал и прячешь их!

- Подарки будут, вот они. Правда, достал я их с помощью своего коллеги - Санта Клауса. Неловко мне, стыдно перед нашими детьми. Но это, наверное, в последний раз. Больше такого не будет: должны же, наконец, в моих владениях за ум взрослые люди взяться и жить по-другому.

С Дедом Морозом трудно не согласиться.

А вы как думаете?

Производственная травма

- Ну, Пегас, на взлет! - прохрипел Васька Непохмеленный, супоня огромный хомут на тощей шее коня ржавой «тюковой» проволокой. Пегас вздыхал и пошатывался то ли от немилосердных рычков супонившего, то ли от сивушного перегара своего «шефа». Коллега Васьки, Петька Похмелкин, дрожащими руками торопливо прилаживал веревочные постромки к телеге, на которой уже лежал мешок комбикорма.

- Петька, - стартер! - выдохнул Васька, примостясь на мешке, и Петька с готовностью вложил ему в руки вилы. Шпыгнув ими Пегаса, Васька направил подводу в пролом забора фермы.

В предутренних сумерках зашуршал комбикорм, что лишь во сне видят бычки базы № 2, стартовал на подворье тетки Одарки. Сделав виток-ходку, Петька и Васька с бутылкой «фирменной» приземлились за яслями базы № 2. С таких «взлетов» начиналось почти каждое рабочее утро номенклатурных скотников базы № 2.

Сегодня тоже подготовка к «взлету» у друзей шла по нормативу, но в последний момент в проломе забора появились зоотехник, бригадир, экономист и доярка.

- Народный контроль! Горим, Петька! - оценил ситуацию Васька.

- Куда бы его? - страдальчески вопрошал Петька, держа мешок на животе. Может, в солому, за ясли?

- Банально! - бросил Васька, - засекут! Он мучительно соображал, запрокинув голову, и вдруг его осенило.

- Вожжи! - скомандовал он, и в считанные секунды мешок завис под темным, сырым сводом скотопомещения, где одиноко мерцала крохотная электролампочка. Контролерам было далеко до Васькиного вдохновения, и они прошли мимо.

Друзья, сдерживая смех, раскуривали сигареты и вдруг разлетелись в разные стороны - Васька со свернутой шеей, а Петька с выбитым плечом.

Обернувшись на шум, члены народного контроля увидели загадочную картину: скотники барахтались в навозе, а меж ними лежал мешок комбикорма.

Глядя в потолок, члены народного контроля, как свидетели, подписали Ваське Непохмеленному и Петьке Похмелкину акт о производственной травме.

Оптимальный вариант или выстраданная практичность

Он переходил из отдела в отдел универмага, и его постепенно охватывала паника: шел он уже по третьему кругу, но тот, единственный, выбор сделать не мог. Выбор, достойный ЕЕ, выбор, созвучный его чувствам. Он бродил, отрешенный от внешнего мира: в нем происходила напряженная работа. Все материальное, на что наткнулся сейчас его взгляд, он преобразовывал в духовное: примеряя, сопоставляя с НЕЙ, с ее грудным смехом, с ее взглядом, улыбкой. Восседавшая у входа на высоком «троне», продавщица уже следила за ним подозрительным взглядом, но он не замечал этого.

Во всем, что сейчас окружало: висело на плечиках, стояло и лежало на полках и под стеклом - отражалось в зеркалах, лучилось, источало аромат, он видел только ЕЕ, и это все было недостойно одного ее движения, улыбки, взгляда. Ничего не стоило по сравнению с ней и к тому ж стоило... прилично. Какая несправедливость! Она так заполняла его, что было бы мало всего ассортимента этого универмага для выражения чувства. А в его кармане - всего 25 рублей.

К тому же ему надо решить вот это уравнение со всеми неизвестными: кто он для нее? То, что не муж и не жених, понятно. И вообще... Она всегда смеется своим грудным смехом над его непрактичностью. Этот подарок должен быть... нет, рублями его не охарактеризуешь. А чем? Это должен быть тот подарок... Только ЕЙ...

Вновь в поле его зрения - духи «Милой женщине». Валерка своей их каждый год носит. Он вспомнил тот неповторимый аромат, исходящий от ЕЕ волос, от всего ЕЕ существа и прошел мимо противных ЕЕ существу запахов. Вот спортивная сумка. Что она может выразить? Почему-то перед его мысленным взором сразу возникла особа: долговязая в джинсах с этой вот сумкой через плечо, жующая на ходу пирожок с картошкой, и этот образ оттолкнул его от этого подарка в проекте.

Опять его взгляд уперся в грубую чеканку, и он так явственно увидел мужика кавказского типа с папиросой в углу рта, выбивающего вот этого «орла», что тут же прошел мимо. «Ну, где она, и что за та единственная вещь», - кричала молча его душа, и пот застилал ему глаза. Он боялся зацепиться, споткнуться и упасть на это хрупкое, сверкающее и никчемное окружение.

Как и вчера, он вышел из универмага с пустыми руками. Перешел через улицу и оказался в окружении... чашек, кастрюль, черпаков,

сервизов. Стоило ему остановиться на сервизе, и перед его взором зависла картина «Чаепитие в Мытищах». Он увидел ЕЕ, сидящую в кругу этих мешан. она держала в руке чашку, оттопырив мизинец, и ему стало больно: он увел ЕЕ из этой компании, его передернуло от этой мешанской идиллии.

Кому-то из клиентов продавщица зло бросила: «Сам не знает, чего ищет». И его словно молнией пронзило: «А, действительно, чего я ищу? » Его душа, исстрадавшись, молча кричала: «Мне нужен подарок... к 8 Марта». Он часто-часто стал повторять про себя: подарок, подарок, подарок и перестал вдруг понимать смысл этого слова. Оно для него уже ничего не говорило, как для иностранца.

И снова, как и вчера, он оказался в книжном магазине: Сергей Есенин, нет, это ЕЙ не подходит, а в глубине души, не признаваясь себе, он ревновал ЕЕ к Есенину.

Тургенев - она похожа на всех тургеневских женщин вместе взятых, и эту книгу он отвергает.

«Зайду еще завтра», - решает он и тут же меняет решение: «Завтра уже поздно». Отступить дальше уже некуда. «Книгу, только книгу», - крепнет вдруг в нем решение. Он с облегчением проходит в угол к следующей полке и выхватывает из плотного солидного ряда - «Капитал». Карл Маркс. И только теперь он до конца понимает: вот этим он скажет ЕЙ все-все. И ОНА поймет его. Она очень хорошая и способна оценить его подарок. Счастливо улыбаясь, он идет домой, мечтая о встрече с НЕЙ.

Новогодняя сказка

Сама Юность, Чистота и Доверчивость на пару с Мудростью и Добродушием снова спешили к Темному Лесу. Любил Дед Мороз до недавних пор бывать в этом Дремучем Царстве: здесь всегда была Сказка, поджидала Тайна. Но на этот раз на душе у Деда Мороза «лежал» камень, а за спиной, в мешке, только сникерсы, поэтому плечо у Деда Мороза сильно подтаяло и ломило от толстого, толстого слоя... рекламы. «Запорошу, запорошу», - восторженно бежала впереди своего спутника Снегурочка. Дед Мороз крепился и бубнил себе в бороду традиционное: «Ох, уж поморожу! Ну и приморожу...».

Как ни крепился Дед Мороз, как ни хотелось ему не портить настроение Снегурочке, все же он забылся и в сердцах проронил: «Поистине, чем дальше в Лес, тем больше Дров». «Что ты сказал, дедушка?» - обернулась Снегурочка. «Одни Дрова остались от Темного Дремучего Леса! Нет Тайны! Нет Лесной Сказки! Вконец попутал лесных обитателей Леший. А началось все с того, что Михаил Потапыч повесил на самой высокой сосне прожектор и заасфальтировал подъезд к своей берлоге, а все муравейники бетоном залил».

«Ух, какой хулиган! А мы ему, дедушка, всегда самый большой подарок дарили».

«А вот теперь мы ему тоже подарим... и толстый, толстый слой... а, может быть, ему вискас, как Котофеичу? А, внученька?» «А кто лесенку к дуплу Белочки приставил? И теперь у нее воришки лакомятся сушеными грибами». «Сама она, добрая, доверчивая душа, приставила эту лесенку, глядя на нововведения своего соседа - медведя. Ну, конечно, как всегда, и сорока ей «помогла»: сядет на сосну и заводит свое: «Пора перестраиваться, пора перестраиваться».

А вот когда исчезли в Темном Дремучем Лесу трудяги муравьи и бедняжка сова совсем ослепла от Мишкиного прожектора, лесные обитатели уже явно почувствовали что-то неладное в своем Царстве, и стали звери почти ежедневно собираться на собрания и предъявлять к друг другу претензии. «Ты уже давно не лев, - говорил о царе зверей Косолапый. - Хоть ты еще и пользуешься страхом лесных обитателей, но рев твой все же слабее майской грозы. К тому же разборчив стал: малиной и медом пренебрегаешь, а все оттого, что неравнодушен к Заблудшей Овце...».

«Видела, Снегурочка, куда понесло Топтыгина? Но это еще что! А вот как высыпал Серый Разбойник своему постоянному партнеру: «В Лесу петляет с незапамятных времен, а задние лапы у него так и

остались длиннее передних, а все это потому, что у Косого по-прежнему длинные уши. Не пора ли их ему укоротить? ».

«Ой, куда хватил, разбойник. Дедушка, я так боюсь за зайку! ».

«Не жалея его. Снегурочка, он тоже «завыступался», вот как говорил о Михаиле Потапыче: «Знаю его! Лежит в своей берлоге не одну зиму и все это время со знанием дела сосет лапу, и в цирке его вроде бы уважают: цветами даже забросали один раз. Но это одна видимость. Лапу и ту он сосать, как следует, не научился, и это вы легко можете заметить по его шкуре». «Видела, куда хватил Косой? Вот так и превратили звери свой Сказочный Дремучий Темный Лес в Обыкновенные Дрова. Ну, вот мы почти и пришли, Снегурочка. Теперь хорошенько смотри себе под ноги, да пониже пригибайся, хотя ты и невеличка».

«Ой, ой, дедушка, я платье, кажется, порвала! Что здесь такое? ». «Это гра-ни-цы! Снегурочка, запомни: теперь каждый зверь живет только на своей территории. Вот это - Волчья Падь. Здорово, Серый! С Наступающим тебя! Вот держи свой сникерс. Ах, ты Красную Шапочку хочешь. А она, Серый, теперь у бабушки, а бабушка за границей. Ага! А вот и Медвежий Яр. С Новым годом тебя, Косолапый! Вот и тебе сникерс. Ах, ты велосипед хочешь? Я могу достать руль и сиденье, а колеса у зайца возьмешь, если в цене сойдетесь! Так что бери, как и все, сникерс. Так, так, а это уже мы в Заячьей Пустоши. Точно Пустошь, совсем пусто. Ах, ты вот где, Косой: под кустиком дрожишь! А мы с внученькой тебя сразу и не заметили! Угощайся сникерсом из Цивилизованного Леса. Ах, тебе по душе сочный кочан капусты! Хвалю за постоянство, но беда в том, что растет капуста в Суверенном Лесу Ежовые Рукавицы, а ежик на тебя иголки точит. И Белочке, и Патрикеевне тоже по сникерсу. Ну, не надо плакать! Мы вам верим, что это все Леший натворил. Может, все переменится в скором будущем, если все сообща за дело возьмемся. Если за дело возьмемся. А если нет? ».

Новогодний диалог

- А мой папа работает Дедом Морозом, - сказал Вова, развинчивая Эйфелеву башню (конечно, не настоящую - пластмассовую).

- Подумаешь, важность какая, - возразила ему Олеся, снимая платье с Кармен и замачивая ее в ванночке. - Моя мама раньше тоже работала Снегурочкой, а потом ее перевели в торговлю и теперь ей лафа, как говорит дядя Саша. Понимаешь, лафа - это хорошо, а папа почему-то не понимает этого и ссорится с ней.

- А мой папа раньше работал начальником комхоза, он там сумел отличиться. Папка заморозил весь поселок, вот поэтому его и рекомендовали работать Дедом Морозом, так дядя Вася сказал.

- Работать Дедом Морозом и Снегурочкой плохо, - безапелляционно заявила Олеся. - Когда по молодости лет моя мама работала Снегурочкой, она ничего не имела, только умела кружиться вокруг елки и петь. А сейчас, говорит дядя Саша, мамка сидит на дефиците и вокруг нее вертятся все, и все ее уважают и зависят от нее, даже Дед Мороз.

Вова запротестовал:

- Нет, Дед Мороз главнее! Он все может и у него разные подарки.

- А вот и нет, и не разные. А только те, что лежат у мамки на складе. И если хочешь знать, мама захочет, запросто может оставить Деда Мороза без шубы, палки и даже бороды.

- Если так, то ты все врешь: твоя мама никогда не работала Снегурочкой. Снегурочки не работают в торговле. Просто твоя мама давно растаяла, наверное, а это вовсе не твоя.

На глаза Олеся навернулись слезы. Она с удивлением смотрела на Вову: «Откуда он узнал? Ведь папа, действительно, когда ссорился с мамой, сказал: «Когда я познакомился с тобой, ты была настоящей. А теперь...»».

Олеся расплакалась. Вова вдруг тоже заплакал. Он вспомнил растерянное лицо отца, говорившего маме:

- Понимаешь, подрядчики подвели - напортачили при монтаже. Это из-за них я заморозил поселок...

Дети взялись за руки и, помогая друг другу, взобрались на подоконник. Минуту спустя они зачарованно глядели на узоры, нарисованные морозом на оконном стекле, на розовато-голубые сугробы за окном, подсвеченные лучами раннего декабрьского заката, и на их лицах светились чистые, мечтательные улыбки. Они верили в настоящих Деда Мороза и Снегурочку.

Почти по сценарию

Аркадий высчитывал в уме: на какой день приходится 31 декабря. Подсчет его разочаровал: 31 - среда, а это значит, что мыться ему в совхозной бане придется в субботу, 27 декабря, и то только до трех, а после трех - уже женская. Таково уж расписание. Обдумывалось все это непроста, а под впечатлением воспоминаний о классическом, предновогоднем фильме «Ирония судьбы, или с легким паром». Помните?

- Проза жизни! Рутиня! - подавленно думал Аркадий, а ему порой так хотелось, чтобы в его сонную, прозаическую судьбу ворвалась поэзия.

- Она. От нечего делать Аркадий вновь начал подсчитывать: через сколько лет суббота выпадает на 31 декабря. Ждать этой поэзии приходилось еще три или четыре года: такая неопределенность в подсчете происходила из-за путаницы с високосным годом: Аркадий не знал, прибавлять ему или отнимать 29-й день февраля. В любом случае этот подсчет разочаровывал и не устраивал Аркадия.

В уходящем году ему приходилось довольствоваться прозой: он решил идти в баню в воскресенье, 28 декабря, то есть до трех. И вот это день настал.

- Не клади ты мне этой рубашки, трико мне не надо, терпеть не могу штопаных носков, - недовольно выговаривал он своей жене Любаше, готовившей ему белье. «Разве так собирался тогда в баню этот... ну, Андрей Мягков?». Невольные параллели и сопоставления, связанные с тем телефильмом, не оставляли в покое Аркадия.

- Будет или не будет сегодня парок? - гадал Аркадий. - Кочегар Толик в последнее время всю свою лень списывает за счет барлинского угля. Если бы он в топку вливал все то, что он вливает в себя, котел бы давно расплавился.

Эти мысли были прерваны характерным гулом паяльных ламп: Аркадий проходил мимо двора Леньки - там намечалась свежина. Его окликнул сам Ленька:

- Зайди, сосед.

И, чуток поколебавшись, Аркадий зашел, невольно отмечая: «Не надо бы». В комнате был полумрак. Аркадий повесил свою сумку на вешалку, где уже висела сумка, и подсел к столу. А когда уходил, ему бы в свое время отметить, что белье в сумке стало килограмма на 3 тяжелее. Но Аркадий отметил другое: «Умеет Ленька достать».

В бане никого не было. Аркадий заглянул в кочегарку: Толик читал «Крокодил». На вопрос, будет ли пар, попросил посидеть с полчаса.

- Я там подожду, - сказал Аркадий. Он спешно разделся и, желая взять мочалку, мыло и шампунь, раскрыл сумку и стал шарить... Рука натолкнулась на что-то холодное и сыпучее. «Сахар - сахар-песок, - словно током ударило Аркадия. - Клавка Ленкина вместе со мною зашла в дом. Конечно же, пришла из магазина. Возвращаться за бельем - это дурная примета. Сам Суворов на эту тему что-то говорил. Мыло у кого-нибудь одолжу». И Аркадий, взяв тазик, вошел в парную. Он без особой надежды взялся за кран и чуть не упал с полки: кран выдал не пар, а вольтову дугу. «Опять пробивает! Электрики до сих пор не могут устранить». В ожидании пара Аркадий блаженно вытянулся на полке, прислушиваясь к шуму за стенкой, в котельной: вой вентилятора, бульканье воды в батареях.

... Обливаясь потом, Аркадий ставит огромную елку у себя в огороде, прямо меж грядок огурцов, лука, редиски. Солнце - к полдню. И, усевшись в тени елки, Аркадий закуривает. Вдруг слышит звон ведер: «Надя идет поливать помидоры. - думает Аркадий. - Надо подыматься, а то опять скажет: расселся... ». Внезапно в ушах Аркадия что-то лопнуло, как мыльный пузырь, он вздрогнул: в молочно-светлом проеме раскрытой парной с тазиком в руках стояла... Она.

Спешно, кое-как набросив на себя одежду и прихватив сумку с сахаром, Аркадий выскочил из раздевалки, увешанной пуховыми платками и уставленной сапожками. «Не вписался в расписание. До трех, после трех, - негодовал Аркадий. - Ирония судьбы! ». Действительно, ирония: до сих пор не могут расширить баню.

И сказка на каждом шагу

Это сейчас мы научились говорить «приватизация», «инвестиция», «инфляция». Чуете, какая волшебная сила заключена в этих словах? А то, сами понимаете. были слова «экспроприация», «национализация», «кооперация», «коллективизация», «электрификация», «механизация» и, наконец, «химизация» и это все, как в сказке. А пели слова какие: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...». Правда, разутую и раздетую страну, прошедшую через две тяжелые войны, разруху и голодовки, сумели одеть, обусть, накормить. Начали мечтать о том, да и многим это и было по плечу, в домах отдыха отдыхать, в санаториях, икру черную ели, шампанское тоже пили. А сказки так и не было, а может, мы не заметили, как сказочное время проскочили? И заскучали, понимаете, от этого, ведь так хотелось сказки, а ее нет и нет. И в перестройку, как в бассейн с горячей полки, бросились, наверное, от ожидания той же сказки. И пошло, и поехало, тут и новое мышление поперло, процесс пошел, ну так пошел, что и не остановить! А там и консенсус появился, только многие не поняли, с чем его едят? Начали летать сахарницы и хлебницы, помните это время, когда вдруг появилась «живая» вода и исчезла водка, а слово «бог» мы все вдруг стали писать с большой буквы. Стали с экранов телевизоров все креститься и каяться. А процесс все дальше шел и шел... к «цивилизационному бугру». И вот появилась новая «ция». Ну и пошли мы всем миром быть превращать в сказку. А вот что главное-то во всех этих «циях»? И это оказалась приватизация, а с ней можно сотворить все, что захочешь. Стоило ее начать, и наша жизнь превратилась в сказку. Здорово, не правда ли? А за примером, как говорится, далеко ходить не надо.

В райцентре есть райЗАГС, и вот он попал в нашу сказку... «Была у зайца избушка лубяная, а у лисы ледяная...» - помните? Так вот, в положении зайца оказался райЗАГС, а зал бракосочетания у него заняли сотрудники Сбербанка, которые заняты ПИКами. С тех пор «заяц»- райЗАГС проводит регистрацию на пороге своей избушки, а работники Сбербанка вольготно расположились в просторном зале. И, главное, уходить не хотят. Во многие инстанции обращалась заведующая райЗАГСом Л. Ф. Ткачева, да нет такой силы, чтобы лису выгнать из избы. Нынешний, вернее, 1994 год, решением ЮНЕСКО объявлен Годом семьи, а отношение к нарождающейся семье вот такое. «В конце концов, - говорит Л. Ф. Ткачева, - ведь инвентарь и аппаратура в зале числятся на мне, как материальном лице, а я своему месту не

хозяйка». Не слышит пока «Приватизация» «зайца». Где же тот петух с косою на плечах...

Это только один сценарий из сказки, воплощенный в нашу реальную действительность, а таких сценариев в нашей жизни сколько угодно!

Три дня не мог уехать из райцентра к родным в село, хоть и езды-то тут на полчаса. А кто виноват? Сам, конечно, потому что от жизни отстал. По старинке пошел на автостанцию, а автобусы-то не ходят. Бензина нет! Скукота! Новое мышление на всех нашло. Наверное, ковер-самолет или скатерть-самобранку надо. Ковра нет, а вот скатерть есть! Пойдите, посмотрите около бывшей «Чайной» сколько стоят? У ваших ног и водка, и шампунь, мыло и печенье, кофе и колготки, чай и зубная паста, носки и одеколон и, конечно, жевачки. Всего не перечесать. Хозяйкой-повелительницей одной скатерти была моя хорошая знакомая баба Шура. Помните, в «застойные времена» она иногда скромно выкладывала перед собой на прилавок морковь, лук, огурцы со своего огорода? Теперь же на ее скатерти-самобранке вы увидите бразильский кофе, французские духи, гавайские сигареты и много, много импортной мелочевки. Тут я действительно уразумел то, что процесс, запущенный в перестройку, ушел уже далеко и его не остановить. Напомнил я бабе Шура эпизод с цыганкой, которая, еще до перестройки, зимой, в метель, забрела к бабе Шура домой и предложила купить свитер за 60 рублей, которому цена в магазине 50 рублей. На это баба Шура рекламно улыбнулась, подмигнув мне, и вдруг с английским акцентом изрекла: «Рынок есть рынок». Сейчас она, улыбувшись на мои воспоминания, сказала: «Устаю я очень. Утром была в Рио-де-Жанейро - вот кофе, в обед уже побывала на острове Свободы... ». Зато в «Салтанате» у нас, как в музее, тихо и спокойно. Вчера захожу - ни души. Что делать? Я даже растерялся, а потом как закричу: «Где вы, работники прилавка? А из уголовного отдела машут рукой: здесь мы. Подхожу, а они «бедные» в карты играют, в дурачка. «Как же так, рабочее время ведь? » А мне в ответ: «Покупателей нет, а нам нечего делать! ».

Ходят слухи, что наш «Салтанат» выкупает какой-то родственник самого Хомени, но только туркмен по национальности, и скоро в «Салтанате» будет конюшня для скакунов ахалтекинской породы. А то, говорят, они чуть не исчезли. Спасать породу надо. А потребители - это такая порода, что их и истребить не жалко: потребляют, потребляют, толку от них...

Когда-то великий советский актер Аркадий Райкин призывал нас: «Ребята, давайте жить весело. Давайте снизим потребность, и всем сразу станет смешно... ». Это, помните: клиенту в ателье рукав не туда

пришли? Мы смеялись до слез, ведь тогда еще наши потребности росли и удовлетворялись. Сейчас мы смеемся, но сквозь слезы. Интересно, что шьют сейчас в ателье?

Да, ситуация... Чернышевский бы спросил: «Что делать? », Грибоедов бы сказал: «Горе от ума». А мы в Библию ударились. Евангелие штурмуем и от Фомы, и от Луки, а то и от Лукавого...

«А там дают...»

Нет! Что ни говорите, а жить стало интересно, хоть и трудно, ну и что же, что трудно - зато интересно! Вот судите сами. Третий день не можем отпечатать протокол. Позавчера только начал диктовать секретарше, вошла ее подруга Вера и выдохнула: «А там дают...». Лариса победоносно взглянула на меня, взбила массажкой прическу, подкрасила губки и ушла в хозмаг за... канистрами. А что я мог поделывать! Это в андроповские времена «засекали» в рабочее время в магазинах, в очередях, а сейчас попробуй, у таких, как моя Лариса, все алиби и улики: гласность, демократия и неотоваренные талоны на руках. Я же не деспот, не консерватор. Сидел, думал! О чем? Об инфляции, приватизации. О том, что у нас почему-то не продают, а дают, о том, что в очередях за водкой и сигаретами почему-то стоят даже непьющие и некурящие. А шампунем начали пользоваться даже совершенно лысые. Берут все и вся.

Вот неделю назад продавали, то бишь давали, сбрую, т. е. упряжь: хомуты, седла, уздечки, черезседельники и т. д. Так представляете: Лариса и тут не сплеховала - взбила массажкой прическу, подкрасила губки и через час вошла в кабинет с хомутом на правой и дугой на левой руке, и колокольчик под дугой позванивал в такт ее легким шагам. Это ли не информация к размышлению! Да, инфляция и рынок сильны, если заставили Ларису уподобиться кучеру. Чего только не берут? Вчера сам видел, как из отдела спорттоваров бабуля вынесла две гантели по 20 кг и двухпудовую гирию. Я за нею из спортивного интереса шел до улицы Абая, и представляете: она ни разу не передохнула! И это ли не информация к размышлению!

Вчера начал диктовать секретарше и только дошли до «Исходя из вышесказанного, постановили» как вошла Света (тоже подруга Ларисы) и выдохнула классическое: «А там дают...». Лариса, взглянула на меня победоносно, взбила массажкой прическу, подкрасила губки и ушла, а через два часа... вкатывает в кабинет бочонок килькипряного посола.

А сегодня только настроился на работу, зазвенел телефон, я даже не потянулся к трубке, интуитивно чувствуя, что это Ларисе с очередной сенсацией: «А там дают...». И не ошибся. Взглянула на меня победоносно, взбила прическу, подкрасила губки и ушла. За чем бы вы думали? За топором! Да, да! Сегодня там топоры дают. А я вот сижу, жду и думаю: с топорницами топоры дают или без. Возникать мне или промолчать: с топором ведь войдет в кабинет. А, может быть, уже каменные топоры дают? А что? Я в наше трудное, но интересное время ничему не удивляюсь.

Роковая ошибка непризнанного гения

К писательскому труду Саня Рогаткин готовился тщательно. Почти полгода он подготавливал свое рабочее место - свой кабинет. Ходил по мебельным магазинам и букинистическим лавкам, и вот настал день, когда уже можно было «засесть». В его рабочем кабинете сверкал полировкой огромный письменный стол из красного дерева, рядом стояло кресло, которому мог позавидовать сам Людовик Четырнадцатый. На столе - письменный прибор с набором ручек и авторучек «всех времен и народов». С трех сторон ослепляли стеклом и позолотой книжные шкафы из карельской березы, заполненные сотнями томов, а по стенам - портреты классиков отечественной и зарубежной литературы. Теперь уже ничто не мешало Александру Рогаткину осуществить писательский подвиг. Правда, Саню, как истинно творческое лицо, занимала одна дилемма: как работать, т. е. творить, ни дня - без строки или писать только тогда, когда придет Муза? Мнения великих на этот счет расходились. Бальзак, например, вкалывал ежедневно, по шестнадцать часов в сутки, а Пушкин брался за перо только, когда к нему являлась Муза, он даже среди ночи сбрасывал одеяло, зажигал свечу и брался за перо. Александру Рогаткину, конечно же, ближе был метод Пушкина. «Буду - как Александр Сергеевич, - решил Рогаткин. - Не зря же мы с ним - тезки! Да и фамилии у нас с ним схожие: стреляют... Правда, рогатка - не пушка, но на этом "поле" мы можем сравниться», - подумал Саня.

Однажды, уже засыпая, Саня почувал, что она, т. е. Муза, рядом. Он дрыгнул ногой так, что одеяло, как ковер-самолет, перелетело с дивана на шифоньер, протопал босиком по холодному полу к рабочему столу, нащупал включатель настольной лампы и... скрипнул зубами: «Вот и т-во-ри в наше время! Опять отключили электроэнергию». Но тут же его гнев сменился блаженством: «При свече, как тезка Александр Сергеевич! Завтра же надо купить», - решил Рогаткин и улегся в остывающую постель. И Муза оставила Саню в покое. Месяц Рогаткин творил по методу Пушкина, т. е. явление Музы плюс свеча, и в результате создал трагедию: «Борька Ходунов». С ней он два месяца ходил по редакциям и издательствам, и везде ему говорили: «Нам не подходит». И еще: «Вам надо больше читать наших классиков, например, Пушкина. Полезно - больше читать и... меньше писать...».

Конечно же, с рецензиями редакторов на его шедевр Рогаткин не согласился, но кое о чем все же задумался. Он вдруг при дневном свете критически осмотрел вновь свой шикарно обставленный рабочий

кабинет. Он смотрел на это сотворенное гнездо современного писателя: на пишущую машинку, диктофон - на весь этот блеск, и к нему приходило прозрение: "Ну что можно родить в такой вот обстановке. Все это надо - к че-р-то-во-о-й ма-те-ри! Успех - в простоте! Не зря же мне в редакции говорили: доходчивее, проще надо». И, закатав рукава, Рогаткин взялся за дело. Он сам сколотил себе письменный стол из необструганного "горбыля", а вместо кресла в стиле Людовика Четырнадцатого поставил сучковатый березовый чурбак, снял со стены портреты классиков, а вместо них (для вдохновения) повесил в красном углу икону Божьей матери, которую он выменял на кресло у бабки Авдотьи. Набор ручек "всех времен и народов" раздал племянникам - школьникам, а вместо них в стакан поставил дюжину собственноручно очиненных гусиных перьев, которые он сам собрал на речке, где, купаясь, птица теряет перья.

И вот в такой новой обстановке вдохновение не заставило себя долго ждать. Оно не покидало Рогаткина ни днем, ни ночью. Саня вообще записался в доску! Он был счастлив, творя, и не замечал даже дюжину заноз, впившихся ему в пальцы и локти рук от необструганных досок. Саня только блаженно улыбался, потирая кровотокающие руки и ерзая на березовом чурбаке, он по-пушкински восклицал. "Ай да, Рогаткин! Ай да, сукин сын!" А в результате этого был создан роман в стихах: "Женька Янегин". Но к недоумению автора и это произведение отвергалось всеми редакциями и издательствами. Отзывы редакторов были невняты и витиеваты. А сам автор долго и мучительно искал причину своей новой неудачи и не мог найти. А помог ему в этом, так сказать, случай - дед Кузьма, который зашел к Рогаткину... закурить "твоих козырных". Писатель в это время как раз чинил перочинным ножом очередное гусиное перо. Дед бесцеремонно перебирал в стакане перья и вдруг посоветовал: «А ты бы лучше гусиных насобирал. Они крепче, упругее». «А это - чьи», - вдруг, холодея, спросил Рогаткин. «Это - утка!» - со знанием дела, безапелляционно заявил дед Кузьма, даже не подозревая, что он открыл для писателя. Непризнанный гений как-то даже и не подумал о том, что линять и терять перо на речке могут не только гуси. И до Рогаткина только теперь дошел смысл слов одного из редакторов: "Надо изучать жизнь! А вы все бережком, бережком, а надо в нее окунуться...".

Уважаемый читатель! Ты, пожалуйста, не ищи книг Рогаткина, их пока нет. И будь счастлив, читая Александра Сергеевича Пушкина.

Итоги года Ивана Невезухина

Тяжелым был ушедший год для Ивана: сплошные ЧП, потери и неприятности. И начались они уже на третий день наступившего 2003 года, когда Иван потерял свою норковую шапку. А 7 января, на православное Рождество, Ивана неожиданно укусил его же пес Верный. В апреле, в первый раз выгоняя свою буренку на пастбище, Ивану пришлось вступить в бой с чьим-то быком, в результате чего Иван на потеху сельчанам оказался сидящим на бетонной приставке электрического столба. После этого случая земляки стали звать Ивана «Иван-тореадор». А на День рыбака на берегу озера рыбинспекция конфисковала у Ивана сети и резиновую лодку. И, разумеется, ему была выписана «премия». Да и с июля по декабрь у Ивана было еще много черных дней, что и подтверждает народное поверье: как встретишь новый год, так его и проживешь. А встретил Иван 2003 год в погребе вдвоем со своей кошкой Муркой. А вот как это было рассказывает сам Иван Невезухин:

- Вот уж в который раз в новогоднюю ночь смотрим кинофильм «Ирония судьбы...», а какая там ирония? Вот у меня ирония, так ирония и даже - трагедия...

Моя еще 29-го укатила к дочке с зятем в Караганду. А на прощанье сделала мне «укол»: «Ты всегда любишь сам на сам, вот и будешь сам...». Правда, я на нее не в обиде: и холодец сварила, ипельменей налепила, и все прочее чин чинарем. Вечером 31-го управился по хозяйству, печка горит, в доме тепло, ну все о, кей! При таком комфорте уж можно и проводить 2002-й, а там, думаю, и к Васе загляну. За стол сел где-то в 8-ом. Сам знаешь: счастливые часы не наблюдают, а я был счастлив: свобода превыше всего, да и графинчик с родимой на столе под завязку. И тут вспомнил, что забыл достать из погреба банку огурчиков и квашеной капусты. А погреб у меня на холодной веранде, там же я и муку храню. Как раз перед Новым годом семь мешков муки купил, сложил штабелем - мешок на мешок почти до потолка. Ну, взял пустую миску под капусту и на веранду, а Мурка, как всегда, за мной, стерва! Крышку люка открыл, спустился по лестнице и только нагнулся над бочонком с капустой, слышу: наверху какой-то грохот, потом - полнейшая темнота, и мне на спину шмякается что-то мягкое и упругое. Сначала подумал: не землетрясение ли началось, и тут же слышу: «Мяу! Мя-у-у!»». И тут я все понял: Мурка, вероятно, прыгнула на верхний мешок муки и...

обрушила весь штабель мешков, которые и захлопнули крышку люка, а Мурка успела влететь в погреб.

Я поднялся по лестнице на три ступеньки и как Атлант уперся плечом в крышку люка. Она не поддалась. Я напрягся до боли в позвоночнике и тут, о боже, лестница с треском сломалась, и я упал в закром с картошкой. Лежу и соображаю: что же предпринять, до люка без лестницы не дотянуться. И тут меня бросило в дрожь в прямом и переносном смысле слова: я же с комнаты выскочил налегке, в одной рубашке, а в погребе, мягко говоря, не жарко. Хорошо, если Васька вздумает меня после боя курантов проведать, а если до утра...

Сию, слушаю свои говорящие часы, лай собак и пенье петуха. А вскоре и батарейка на часах села. Сколько просидел, не знаю: погрузился в какое-то забытье. Вдруг слышу над головой топот: Васька вспомнил обо мне где-то около 11-ти часов дня и решил поздравить. Услышав мой призыв, Васька в первую минуту выбежал из дома на крыльцо. «А я подумал, что это привидение», - потом говорил он, когда мы уже сидели с ним за столом. Вот где она - ирония судьбы, - подытожил свое повествование Иван Невезухин.

Фельетоны

Деньги - вода, или сказ о том, как уморили «королеву»

В некотором царстве, в некотором государстве, а точнее в совхозе «Трудовик», вновь и уже второй год подряд делом подтверждается крылатая фраза, что деньги - вода. День и ночь - ночь и день с начала поливного сезона течет вода на этот дуг, что с незапамятных времен нарекли сельчане «Кругом», и где с тех же времен косили на зиму своим буренкам душистое, как чай, сено. Течет, но... не вытекает, хотя по задумкам она отсюда должна была живительным дождем пролиться на плантации «королевы полей» и рапса.

Собственно, идея была сама по себе хороша: культуры, предназначенные для посева на богаре, разместить на участках временного орошения - это же солидная прибавка урожая. Для чего в жертву «королеве» и был принесен «Круг», который было решено использовать в качестве водозаборного водоема. Но скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

«Горячее небо, горячий песок, горячие губы - воды бы глоток...». Кажется, что эти слова популярной песни шепчут сейчас под горячим ветром увядающие губы-листья «королевы». И вторит ей другой обманутый - рапс. Над ними, заморенными, распростерла свои крылья дождевальная установка «ДДА-100», похожая на мираж. Зеленой тиной заволокло водозаборную яму, над которой дремлет, опустив и воду хобот-шланг, насосная станция. В глубоких трещинах плантации - запустенье и покой.

Зато сна и покоя лишились старички-пенсионеры, те, кто с косами и вилами спешат на этот «Круг» в надежде обеспечить своим коровкам сытую зимовку. Неугомонные, не чета совхозным мелнораторам, они в отличие от них хоть что-то хотят выгадать. А вода неумолимо, метр за метром наступает на их делянки, грозя сгноить их труд.

На берегу Нуры, за близлежащей сопкой, натужено ревут дизеля и им подпевают электронасосы, качая день и ночь воду. Порцию за порцией «глотают» машины солярку, бешено вращаются колесики электросчетчиков, и течет вода, течет... А вместе с нею из совхозной кассы безвозвратно вытекают государственные копейки, рубли, много рублей. А сколько их пришлось потратить на то, чтобы уморить «королеву»?! Вот уж действительно, если и нужна инициатива, то в совхозе «Трудовик» наглядно видно, какой она не должна быть.

Размышления у парадного подъезда

Да простит меня великий классик за то, что я озаглавил, да и начну свое произведение, как у него. Но дальше у меня будет совсем не так, совсем по-другому. Итак, вот парадный подъезд (он же черный и не только потому, что нет другого) дома № 82 по улице Парижская Коммуна. Я, т. е. старший подъезда этого дома, в раздумье стою на снегу у входа, ибо ступени крыльца перед входом так и не сотворили, смотрю сквозь дверь, да-да, сквозь дверь. Створки дверей закрыты, но я вижу серо-желтую, конопатую от выпавших керамических плиток площадку, обмотанные драными чулками трубы отопления.

Эту аппликацию на трубах рабочие комхоза сделали совсем недавно, сразу же на второй день после того, как в моем подъезде замерзли батареи. В тот день я стоял на площадке и безмолвно наблюдал за их художеством, недоразумевая: трубы со льдом уже и в чулке не согреются, а теплые трубы тем более не стоит изолировать, ведь они должны отдавать свое тепло пространству в подъезде, т. е. нам - жильцам. А они отдавали тепло окружающей среде пока не дали «дуба». Ты, читатель, недоумеваешь, есть ли дверь в подъезде? Вот в этом-то и весь фокус: формально - да. Вот дверная рама из доски шириной в 10 сантиметров, окаймляющая дверной проем размером 2 на 3 метра с дверной ручкой на ней и... пустота - как дырка от бублика. Потому, что листов крагиса нет уже с сентября.

О чем я думаю сейчас, стоя у подъезда? Да о многом. Ну, например, зайти в квартиру и пообедать или идти в чайную, ибо дома чай не вскипятить: опять газ застыл и не горит из-за того, что батареи в газовом отсеке постигла та же участь, что и в подъезде. А еще сейчас, на морозце, живо вспоминается все - с самого начала, т. е. с 20 февраля 1986 года. В этот день, вручая мне ордер, председатель поссовета Б. Р. Рахимов сказал: «Будешь старшим подъезда. Следи за порядком, ну, в общем, чтобы подметали в подъезде, чтобы на стенах не писали всякие слова, сообщай обо всех недостатках, одним словом, информируй меня». Ну, что ж, честь оказана, и я стал информировать. Благо, видимся мы с Рахимовым по три раза на день: работаем в одном здании. Справедливости ради скажу: он всегда понимал нужды жильцов, всегда сочувствовал. Тут же, при мне, снимал трубку телефона, звонил поначалу в ПМК-1013, а затем в комхоз. Ну, а уже позже, когда полновластным хозяином дома стал комхоз, - только начальнику комхоза. В телефонной трубке на другом конце провода

отвечали: «Да-да! Знаем! Да - да. Будем делать! Конечно, надо». И т. д. и т. п.

Б. Рахимов, с чувством выполненного долга, успокоенный, клал трубку и многозначительно смотрел на меня. Я, тоже успокоенный, каждый раз с надеждой шел домой, ожидая увидеть разительные перемены. Но, увы! Их не было. Все чаще не давала покоя такая мысль: почему жилец должен пробивать, доказывать аксиому. В своей квартире он хозяин и обязан поддерживать порядок, и он его поддерживает, не считаясь с денежными расходами, проявляя инициативу, всеми правдами и неправдами доставая стройматериалы, но содержать дом жилец не в состоянии, хотя он и желает этого. Ему нужна помощь комхоза. Ведь дом на балансе комхоза, т. е. его собственность. Поэтому там, где своевременно можно бы было обойтись десятками рублей, теперь уже на ветер будут выброшены сотни, а то и тысячи государственных денег. Это, так сказать, прямой материальный ущерб. Но немаловажен и моральный ущерб, наносимый таким пренебрежением к жильцам со стороны хозяйственников.

В свое время о безобразиях с этим злосчастным домом узнала широкая общественность района - сначала через «Нуринский хлеботор», затем через областную газету. И... ни гу-гу. И тут возникает вопрос вопросов: не прав жилец? Не прав автор? Не права наша печать? Но если права, то почему те, кому следует, не настояли на устранении, хотя бы частично, упомянутых недостатков? Например: освещение в подвале, замена дверей, бетонирование площадок в подъездах. Не под силу комхозу? Да ведь все это очень просто для делового, предприимчивого человека: два ведра цемента и два часа работы - и проблемы с керамическими плитками в подъездах не существовало бы.

Как-то в марте прошлого года автор этих строк, просидев три вечера при свече, не выдержал: купил ОДНУ, тогда еще по цене 7 рублей 20 копеек, пригласил комхозовского электрика, и через час в квартире - хоть иголки собирай. А до этого с этим вопросом была полная темнота: обратился с просьбой в комхоз, там ответили: «Дом пока на балансе ПМК-1013. И вообще, еще год все неполадки будет устранять ПМК-1013». Обратился в ПМК, там в электрике отказали, ответив: «Хозяин - комхоз». Но сидеть год без света трудно, и пришлось, как говорится, действовать через «гастроном». Правда, не обошлось без ЧП: отзывчивого электрика «засекли». Да и у автора по этому поводу была неприятность.

И все-таки неумолимо напрашивается вопрос: почему так получается? Если «Я» или «ОН» - то все идет как по маслу и можно горы свернуть, а вот если «НАС» или «МЫ» - то возникает непреодолимая преграда. Таковы мои размышления у «парадного» подъезда».

Уже после того, как разморозились батареи, пришел рабочий комхоза и снял мерку с дверей.

В фонд фортуны

Методист райОНО, председатель профсоюзной организации Дамегуль Ныгметовна Абильдинова с июня 1986 года особенно чутко стала прислушиваться к информационным сообщениям радио, телевидения, газет, поступающим с Чернобыльской АЭС. У нее на это были свои особые основания: к этому времени 56 работников райОНО сердцем откликнулись на чужую беду, отдав свой дневной заработок в фонд, который знает вся страна. И не только страна. Дамегуль Ныгметовна располагала суммой в 291 рубль. Она не торопилась идти в банк и перечислять эту сумму на счет Чернобыля, наверное, выжидая особенно трудный критический момент. Но сообщения день ото дня поступали обнадеживающие: обстановка на Чернобыльской АЭС стабилизировалась. А это рождало в душе Абильдиновой какое-то раздвоенное чувство. Душа ее жаждала употребить эту сумму на ликвидацию какой-то видимой, конкретной беды или острой нужды. И она по собственной инициативе организовала на базе этих пожертвований кассу взаимопомощи для подруг и знакомых (сами знаете: у нас дефицитные товары появляются на прилавках внезапно и невидимо, как утечка радиации). Вот в таких случаях она выручала своих знакомых, ссуживая нужную сумму. Время шло, она уже свыклась с этими деньгами и, когда на душе у нее становилось беспокойно, успокаивала себя: природа принесет новые сюрпризы и катаклизмы, и быть добрым никогда не поздно. А матушка-природа, действительно, преподнесла сюрприз. На этот раз на Кавказе. И, как следствие этого, на стене Госбанка п. Киевка появились новые списки предприятий и организаций, пришедших на помощь братской Грузии. Но и в помощи братской Грузии Абильдинова воздержалась, руководствуясь, наверное, тем, что виноград оттуда поступает нечасто и по высокой цене.

Одного работника райОНО другой работник другого предприятия упрекнул за черствость сердца. Защищая честь коллектива, тот взял товарища под руку и подвел к вывешенным спискам в Госбанке, но, к его удивлению, в списке Чернобыльского фонда райОНО не значилось. «Конечно, просто упустили», - подумал представитель райОНО. Встретясь с Дамегуль Ныгметовной, он посетовал на несправедливость и халатность сотрудников банка. Дамегуль тоже с негодованием уверила, что сдала деньги еще 26 октября. Наверное, утверждая это, Абильдинова защищала свои интересы: сдать деньги в самый критический момент. И вот он наступил. Она их сдала 17 марта 1987

года и сдала не в банк, а в сберкассу, что было полной неожиданностью для сотрудников, и они пожимали плечами, глядя на «доброжелательницу», а та с помпой, переполняемая «высоким чувством», заявила: «Берите, можете перечислять в Грузию...».

Характерно: квитанция без даты. Да, природа преподносит сюрпризы, и человек не должен дремать.

Дамегуль Ныгметовна страшно разочарована поведением своих товарищей по работе и в обиде на них: не обладают фантазией и романтикой сами и ей помешали осуществить ее план - внести этот 291 рубль, например, на ликвидацию последствий извержения вулкана, скажем, в районе хлебного магазина в п. Киевка.

Последней парюю сапог

Дед Петро, чихая и чертыхаясь, долго шарил в темной кладовке и, наконец, вышел на свет божий в живописной чалме из паутины на голове, с такой же оригинальной бородкой и... с пустыми руками. В кладовке уже не осталось никакой обуви. Впервые с этой целью он начал шарить в своей кладовке в канун Нового года, когда в очередной раз вернулся из совхозной конторы, где ему сказали: «Нет бензина». Тогда он выволок из кладовки связку детских пинеток и, крикая от мороза, затопил ими печку. В ту ночь Дед Мороз и Снегурочка заночевали у деда Петра и с тех пор постоянно прописались тут - им понравилось.

В следующий раз дед Петро выволок из кладовки ящик с туфлями и ботинками (это когда на его просьбу ответили: «Нет лимита на уголь»).

Потом дед Петро стучал зубами от холода и гремел резиновой обувью по другой причине: в совхозе не оказалось лимита на бензин. Затем ему сказали: «Плати за машину и поезжай сам, доставай, как можешь».

Набрался смелости и вновь пошел по инстанциям хлопотать. На этот раз его грубо оборвали: «Плати за машину в кассу, договаривайся с шоферами сам и езжай - доставай». Уплатил в совхозную кассу и попробовал договариваться с водителями.

- Ты, что дед? Чтобы я из-за тебя права потерял?! Что, что? Если и достанешь - попробуй провезти!

Вконец расстроенный и растерянный дед Петро пришел домой и стал собирать в кладовке калоши, тапочки, шлепанцы. А вот на этот раз, вернувшись из похода по инстанциям, он снова ринулся в кладовку - но, увы...

Растерянно сидел он у холодной печки, хмурясь от искрящегося на стенах квартиры инея, мысли в голове качались и плыли переливчатые, как иней: «Как же это все понимать? Ведь зимой уголь - как хлеб нужен каждому. А тут вот волчий закон: «доставай». Где же государственный подход к обеспечению топливом? Нет лимита на бензин, на уголь. Доставай. Договаривайся сам. А как же с законностью, трудовой дисциплиной? Полная анархия выходит. Никто не берет на себя заботу об обеспечении топливом. Сельсоветы? Распугали предприимчивых водителей, а ведь нужное и важное дело делали ребята, не считаясь со временем и усталостью, доставляли людям уголек».

Дед Петро сидел, согнувшись, опираясь локтями о колени, и усиленно окутывал себя махорочным маревом. «Доставай! » - он яростно плюнул и вдруг стал стаскивать с себя сапоги. «А что, цыган с себя после рождества шубу продает», - подбадривал он себя. Дед вертел сапоги, рассматривая сбитые каблуки. «Ну что ж, теперь буду обивать пороги босиком».

Не было бы счастья...

Может быть, для кого-то это и несчастье, и напасть, и забота, но для меня, да и не только для меня - факт, что у нас в Киевке, да и в целом в Нуринском районе, очень плохо работает телефонная связь. Конечно, в этом есть неудобства, но зато какая романтика, какие возвышенные случайности, просто роковые. Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров из глубин телефонных каналов.

В канун одного из праздников я уехал из райцентра к родителям в провинцию, а оттуда я решил позвонить в Киевку другу Кольке, чтобы хоть его поздравить с наступающим. Снимаю с рычагов трубку, подношу к уху и... зачарованно замираю: рука не решается крутить телефонный диск. Понимаю, что подслушивать стыдно, но у меня оправдание: я же у себя дома, да к тому же мы не видим друг друга, а поэтому не будем краснеть, даже если по голосу узнаем друг друга, конфликтов не будет - ничего не докажешь.

Ой, да сколько же их тут, собеседников, и какие! Все 12 каналов со свистом схлестнулись в один:

- Положи трубку, имей совесть, я же первый позвонил.
- Да я уже час жду!
- Лена, ты в клуб идешь?
- Слушайте, кончайте базар, дома разберетесь!
- Ой, Толя, не надо по телефону, вдруг нас подслушивают.
- Подслушивают, подслушивают, быстрее договаривайтесь.
- Сашка, это ты что ли?
- Кто это я? Пошел ты...
- Поистине тряпочный телефон!
- Куда там, этот еще лучше!

Признаюсь: долго не мог оторваться от этой симфонии, стараюсь логически проникнуть в закономерности АТС. Наконец выбрал «окно» и набрал нужный номер. Уже приготовился выдохнуть «С праздником, старина! ». Но на другом конце провода - такой родной для меня голос: «Куда Вы звоните? ». Номер спугал или, может быть, у меня галлюцинации? Я вновь уже тщательнее ставлю палец в отверстие телефонного диска и готовлюсь услышать Колькин боцманский бас, но на другом конце провода опять тихий, грудной и такой родной голос Инги: «Да, да». Я не верю своим ушам и спрашиваю:

- Инга, Инга, неужели это ты?
- Ой, это ты, как хорошо, что ты позвонил. А я думала, что уже все...

Действительно, как хорошо, что там, на АТС, реле и ячейки так шалят. А если бы не это... Как все-таки хорошо!

Так что спасибо за эту романтику, за этот сервис начальнику узла связи П. М. Бычку и главному инженеру А. Ж. Аубакирову, а также всем специалистам среднего звена.

Очерки

У истока

Желтые шторы на окнах задернуты. Но золотистые лучики яркого полуденного солнца все-таки проникают в это сонное царство. Они пронзают пространство этой просторной комнаты, преломляясь и дробясь в полировке мебели, стеклах шкафов, солнечными зайчиками ложатся на пол, потолок, на белоснежные изголовья, на личики спящих детей. В солнечной позолоте - темно-русые пышные волосы и милостивый овал лица присевшей на подоконнике девушки. Вздернутый носик, голубые глаза. В светло-коричневом свитерке, в синей юбке, она сидит, сложив руки на груди, чуть склонив голову на левое плечо. В тихой улыбке, во всем ее облике сквозит доброжелательность, духовное здоровье. Эта картина достойна кисти художника. И, наверное, многие бы десятилетия перед ней стояли люди.

Действительно, о чем же думает, чему улыбается сейчас Елена Николаевна Сундеева, воспитательница детского сада № 1, охраняя, лелея сон своих детей. В разных позах: на спине, на левом, на правом боку, выпростав и подложив ручонки калачиком, уткнувшись носиками в подушку, русоволосые, черноголовые, белокурые - посапывает ее старшая группа, дети от 4 до 5 лет. Сегодня их 27, а вообще-то их у нее 31. И всех она знает не просто поименно, а знает и понимает их детские души. На столе листочки с сегодняшней работой: рисовали флажки.

- Вот этот - Вики Лейман. Очень впечатлительная девочка, умница, любит делиться со мною своими наблюдениями и выводами. Вот этот - Витя Будюкина. Ну, Витя у нас вообще... - Елена Николаевна забавно запрокидывает голову, закрывает и открывает глаза, ища точную характеристику Вити, - ну, он у нас... атаман. «Витя сказал», «Я как Витя», «Расскажу Вите». Правда, Витя немного пользуется этим. И у меня ищет особого к себе внимания. Иногда скажу: «Витя, ну разве так хорошо?». Очень ранимый. Но, а если я оттолкну его от себя, то возникнет отчуждение со всеми детьми. Все идет через него. Понимаете? Это все пройдет. А в общем хороший мальчик. Таня Козьякова - очень живая, подвижная девочка. Рисунок Андрюши Бергена, правда, не очень солидный, но сам он «мужчина» самостоятельный.

Показывая следующий рисунок и характеризуя следующего художника, вернее, художницу, Елена Николаевна, невольно, не подозревая того, сказала и о себе:

- А вот этот - Наташи Самойлок. Очень честная, очень преданная моя «подруга»: когда не моя смена, она тоже не хочет идти в детсад.

И, смеясь, Елена Николаевна рассказывала о том, как у Наташи «заболел живот» и она отправилась домой вслед за своей воспитательницей. Вот о такой любви и верности к своей воспитательнице говорила и мама Саши Бохан.

Наверное, главным критерием оценки работы воспитательницы детского сада Елены Николаевны Сундеевой являются все-таки не проценты и числа, а любовь детей, признание и доверие родителей. Это должно стоять на первом месте. Но, к сожалению, еще даже здесь характеризуют и «чествуют» воспитателя, оперируя сухими цифрами и сомнительными процентами. О многом может сказать вот такой факт: когда автор этих строк спросил Елену Николаевну о том, как сейчас с отплением (холодно или нет), она, потупясь, немного помолчала, а затем, вскинув голову, сказала:

- Я вам ничего не скажу. Вот термометр, смотрите сами. На термометре в тот день было плюс 14. И это когда на улице было всего лишь минус 8. Нетрудно вычислить, сколько бывает в этой комнате, когда на улице минус 25-30. Этот факт приведен не случайно, ибо он тоже характеризует воспитательницу - Елену Николаевну, как честную, добросовестную и надежную. И поэтому, когда родители спрашивают: «Холодно? Приводить или не приводить детей?» - она не лицемерит, потому что искренне хочет, чтобы ее дети были здоровыми. Понятно, кое-кому из коллектива кажется, что она хочет «сачкануть» (чем меньше детей приводят, тем ей легче работать). Теперь ясны и беспокойные вопросы героини при встрече: «А кто Вам меня рекомендовал? А почему именно обо мне? ». Возможно, я и нарушил, так сказать, субординацию - не побеседовал предварительно с инспектором района по дошкольному воспитанию или с заведующей детским садом, но, надеюсь, мнение родителей, доверяющих и любящих воспитательницу своих детей, и мнение коллектива совпадают. Ведь портрет Елены Николаевны висит в районе на Доске Почета.

- Родилась я на Алтае, в селе Завьялово. В 1971 году переехала сюда, в Киевку. Мне было 7 лет. В этом же году пошла в 1 класс, - полупешотом рассказывает Елена Николаевна, скользя взглядом по кроваткам. И заметив широко открытые черные глаза девочки, с

интересом смотрящие на нас, проговорила: «Гуля, спать! ». Та мгновенно «уснула». Сдерживая смех, Елена Николаевна продолжала:

- После окончания 10-летки в 1981 году поступала в КарГУ. Провалилась. И оказалась в Карагандинском педучилище на дошкольном отделении. Спрашиваете, почему на дошкольном? Начального там нет. Были музыкальное и художественное. Но у меня способностей ни к тому, ни к другому не было...

Вот так честно и правдиво рассказывала о себе Елена. Взгляд ее снова остановился на этот раз на беспокойно ворочавшемся мальчике. Она подошла к нему и, нагнувшись, прошептала: «Саша, тебе надо встать». Тот послушно встал, сбегал и, вернувшись, вновь полез под теплое одеяло. Наблюдая за воспитательницей, невольно подумалось: «Ну что ж, все нормально у нее. Она на своем месте». Первого апреля исполняется ровно 3 года, как Елена Николаевна пришла в коллектив детсада № 1. Первую группу выпустила. А с этой группой уже второй год. В общей сложности они пробудут вместе 3 года и... может быть, всю жизнь.

- Так привыкнешь к ним и... уходят..., - сдавленно выговорила она. И голубые глаза ее потемнели. Но все-таки, уже став первоклашками, ее девочки и мальчики забегают к своей ЕЛЕНЕ НИКОЛАЕВНЕ. Делятся своими успехами, рассказывают о себе, о своих делах, о школе.

- В свободное время люблю вязать, читать люблю. Но свободного времени так мало. Сейчас я на своей группе одна и здесь нахожусь с 7. 30 до 20 часов.

Через полчаса это сонное царство всколыхнулось и заштормило, как море. И уже не верилось, что это все та же комната. Елену Николаевну окружили, засыпали вопросами, просьбами. Тащили за руку то в один, то в другой угол. Море чувств, эмоций. Для них многое впервые открывается именно здесь, открывает именно она. И как это трудно и ответственно.

Воспитание музыкой

Яркое солнце на голубом небосклоне. Падают на остывающую землю желтые листья. Октябрь. И там, за обитой черным дерматином дверью, конечно же, звучит «Октябрь» Чайковского. Кто на этот раз за фортепиано? Может быть, одна из лучших учениц Лариса Самойлюк или сама Светлана Алексеевна - для себя, для души, отрешившись на короткое время от своих директорских забот?

Пятый год, идя на работу или с работы, я прохожу мимо этого здания, с мая по сентябрь прячущегося за кудрявыми, зелеными кленами. Из растворенной двери выплескиваются на улицу звуки музыки. Хочется остановиться, отбросить все суетное, повседневное и посидеть тут в тени. По соседству справа и слева - солидные учреждения: прокуратура и сберкасса, а меж ними - вдохновение - музыкальная школа. Здесь работают творцы трепетных человеческих душ. Какие они?

В один из октябрьских дней не сдержался, сошел с тротуара, утопая в оранжево-желтом ковре листьев, вошел в детскую музыкальную школу. Директор Светлана Алексеевна Кравченко была в кабинете. Две преподавательницы исполняли здесь же в четыре руки какой-то этюд. Вспомнилось: впервые я увидел эту светловолосую молодую женщину прошлой зимой на районной отчетно-выборной конференции книголюбов. Выступали многие - библиотекари, методисты, представители книжных магазинов. Все выступления были бойкими, но не трогали, не задевали. А вот живое, непосредственное выступление директора музыкальной школы запомнилось. Говорила Светлана Алексеевна об отсутствии в магазинах учебных пособий по музыке, музыкальной литературе. Она хорошо знает, о чем говорит, использует возможность, чтобы улучшить дело, которому посвятила жизнь. Когда напомнил ей об этом выступлении, она с горечью махнула рукой: дескать, все осталось по-прежнему.

На мое невольное восклицание: «Как у вас тут тепло!» она с благодарностью в голосе сказала: «Да, спасибо нашему кочегару Лежнину. Очень добросовестный человек. Для нас постоянная температура в помещении - очень важно», и пояснила, что от резкого колебания температуры музыкальные инструменты портятся, расстраиваются, а вот настройщика своего у них нет. «При необходимости вызываем настройщика из Караганды или Темиртау. А ведь мы растем и ширимся: у нас в районе уже восемь филиалов. В совхозе «Трудовик» в этом году открыли. Правда, здание музыкальной

школы совхозные строители еще не сдали, но наши преподаватели уже работают, пока в помещении Дома культуры».

Мы сидим в теплом, уютном кабинете, беседуем о школьных делах, о взаимоотношениях преподавателей и родителей, о контактах общеобразовательной и музыкальной школ. Из классов доносится музыка. Светлана Алексеевна поименно называет лучших учеников. Некоторые из них сейчас уже сами преподают в родной школе.

Говорим о музыке, как средстве воспитания, и Светлана Алексеевна приводит такой пример: семиклассница общеобразовательной школы Лариса Самойлюк шестой год занимается по классу фортепиано. Кроме этого она посещает кружки при Доме пионеров, занимается спортом. Ни родители, ни преподаватели не жалуются - везде отличница. Именно занятость дисциплинирует детей, учит правильно распределять время и силы.

Она достает журнал личных дел, где содержатся сведения о каждом из учеников и их родителях. Кстати, о родителях: некоторые, руководствуясь пресловутой престижностью или модой, а то и просто чтобы не отстать от соседа, определяют детей в музыкальную школу, а потом считают, что перечисление денег музыкальной школе - уже гарантия того, что их сын станет музыкантом.

- К сожалению, бывает так: у ребенка нет никаких данных и к тому же ни усердия, ни желания. Но даже если у ребенка есть только последнее - он не бесперспективен. Часто бывает и наоборот: ребенок успешно учится, но не имеет дома музыкального инструмента. Это очень прискорбно: как правило, на втором году обучения домашнее музицирование необходимо. Пианино, баян, аккордеон для такого ученика - живое существо, и он должен с ним общаться.

Второй год руководит Светлана Алексеевна детской музыкальной школой в Киевке, а работает здесь уже четыре года, и все это время мечтает о новом здании. Какой же она видит свою школу?

- Двухэтажное здание в центре поселка, утопающее в зелени, просторные классы, вестибюли с портретами композиторов, концертный зал, спецбиблиотека. Ну, а пока приходится довольствоваться малым: помещения тесные, на каждого преподавателя не хватает классов. Надо бы обязательно в каждый из них по два инструмента - преподавателю и учащимся. Плохие акустика и звукоизоляция. Нет помещений для хранения наглядных пособий, музыкальных инструментов. Светлана Алексеевна, улыбнувшись, признается: она уже тайно положила глаз на помещение поликлиники. Когда ей приходится там бывать, прикидывает, что и как

пришлось бы перестроить, где и что разместить. В общем-то, подошло бы. Но - мечта!

Рассказывая о делах музыкальной школы, директор привела вот такой факт, о котором не сказать просто нельзя:

- В этом году мы зачислили сто два ученика, но потом многие оставили нашу школу. Почему? А это, так сказать, результат поездок на картошку: сначала неделю на плантации ездили мы, преподаватели, а потом - неделю наши ученики. Вот так и потеряно две недели. А ведь школа у нас платная: перед родителями стыдно! Правда, мы учили свехурочно, чтобы наверстать программу, как-то компенсировать потерю, но... И еще:

- Нашему ученику нужны слушатели, нужна аудитория, он должен выступать, почувствовать себя артистом. Но вот Дом культуры приглашает нас и дает нам возможность выступить с концертом только тогда, когда это выгодно и нужно ему.

Дверь в кабинет уже отворялась несколько раз (звучала одна и та же фраза: «Вы заняты, Светлана Алексеевна?») и затворялась. Надо было уходить, но уходить не хотелось: здесь было уютно и спокойно.

Вехи большой жизни

Большую интересную жизнь прожил Федор Дмитриевич Бондаренко. Десятилетним мальчиком он уже приобщился к крестьянскому труду. Учиться в школе не пришлось, но рос смышленным, вдумчивым.

Шли годы. Миновала первая мировая война, а потом свершилась Октябрьская революция, принеся свободу трудовому люду. Большевик, революция, Советы, социализм. Для Федора это были непонятные слова. Тогда он во многом еще не мог сам разобраться, а спросить было не у кого.

Вскоре пожар гражданской войны охватил и казахстанские степи. В августе 1919 года под натиском Красной Армии белогвардейские войска адмирала Колчака откатывались за Урал, вглубь Сибири и Казахстан. Омский правитель объявил поголовную мобилизацию, чтобы сколотить полки и дать отпор красноармейцам. Был призван в колчаковскую армию и восемнадцатилетний Федор Бондаренко.

Через некоторое время с группой земляков он прибыл в Омск. Только здесь крестьянский сын понял, что колчаковцы хотят его руками и руками таких же, как он, бедняков, задушить власть Советов, которая давала им волю, землю, мир и хлеб.

Войска Красной Армии подошли к Петропавловску. Необученных новобранцев отправили в бой. В первом же бою Федор вместе со своим другом Николаем Васильевичем перешел на сторону красных.

Теперь он знал, кого нужно уничтожать, за что бороться до последней капли крови, чтобы крестьяне и рабочие могли спокойно строить новую жизнь. И он вместе с товарищами по оружию уничтожает колчаковцев под Омском и Новороссийском, громит их в Енисейске и Иркутске.

Он окреп, возмужал. Стал членом РКП (б). А потом были банды басмачей в Семиречье. Только в конце 1924 года Федор вернулся в родное село. Руководил сельским Советом, был председателем колхоза. Артель крепла, развивалась. Но мирную жизнь сельчан прервала война. Федор Дмитриевич Бондаренко вначале обучает воинскому делу новобранцев, а потом сам уходит на фронт.

Храбро сражался участник гражданской войны против гитлеровских захватчиков, от Сталинграда до австрийских Альп дошел воин-нуринец. Несколько раз был ранен, но не покидал поле боя. За храбрость и отвагу награжден многими правительственными наградами. А после войны - опять мирный труд.

Сухие анкетные данные, а за каждой цифрой, за каждым географическим названием - нелегкая, но интересная человеческая судьба, которая выпала на долю одного человека.

О его жизни можно написать книгу, и ее с интересом прочтет каждый, потому что в жизни коммуниста с 1920 года Федора Дмитриевича Бондаренко, ровесника нашего века, отражены этапы становления страны Советов.

Федор Дмитриевич - умелый рассказчик. Он часто выступает с воспоминаниями перед молодежью. Старый большевик принимает активное участие в общественной жизни села.

Ф. Д. Бондаренко многое сделал для того, чтобы его Ивановка, где он руководил первым колхозом, стала краше, неузнаваемой. Уважают односельчане своего земляка, молодежь завидует интересной жизни ветерана труда и войны, учится у него, как нужно жить и работать.

- Мне почти семьдесят лет, - говорит Федор Дмитриевич. - Все что делал, за что боролся, принадлежит новому поколению. Наша старость обеспечена. Мы окружены заботой и вниманием. Но не это главное. Я хочу, чтобы нынешняя молодежь уверенно несла нашу эстафету в будущее. Пусть она надежно бережет мир и прочно строит наше Завтра - коммунизм!

Призвание его - дорога

- Может, не стоит, а? - попытался уговорить меня Василий, узнав о том, что я хочу о нем писать. Эти слова и то, как они были сказаны, говорили уже о многом: в них чувствовалась скромность - во все времена самое ценное в человеке.

Передо мной сидел худощавый, среднего роста, еще молодой человек. Выразительные черты его лица и порывистые движения выдавали энергичный и волевой характер. Почему именно о нем, шофере Василии Терновском, я решил рассказать?

Всего около двух лет работает он в автопарке совхоза «Трудовик», но, несмотря на это, считается одним из лучших водителей коллектива. Согласитесь, заслужить это не просто, ведь прежние заслуги остались там, на старом месте, а здесь, в совхозе, все приходилось начинать практически с нуля.

Руководство хозяйства характеризует В. Терновского, как дисциплинированного, трудолюбивого, знающего, а теперь уже можно сказать с уверенностью, и любящего свое дело человека.

- Нет, сказать, что я сразу решил стать шофером, не могу, - рассказывает Василий. - Родился я в Караганде. После восьмилетки окончил профессионально-техническое училище. Получил специальность фрезеровщика. Стал работать токарем в автокомбинате, по вечерам учился на курсах шоферов. А когда впервые самостоятельно сел за руль, почувствовал, что работать все время у станка не смогу. Вскоре стал шофером-профессионалом. После службы в армии женился. Это было в 1971 году. И мы с Лилией переехали в город Шахтинск, где я работал на автобусе. Два года назад переехали в село - просто захотелось настоящей работы.

Здесь Василий принял «ЗИЛ-130», на котором работает и по сей день. Нелегко пришлось ему на первых порах. Работа вроде та же, а вот специфика другая. Работать «от и до» не получится - это Василий понял сразу. Только не спасовал - трудолюбия и упорства ему не занимать.

- Летом - на обслуге в животноводстве, - продолжает рассказывать шофер. - Работа с пяти часов утра и нередко до позднего вечера. Зимой и ранней весной - в рейсы. Уголь, лес, стройматериалы - мало ли что приходится доставать совхозу.

Прошлой зимой, например, Василий с товарищами вывозил лес из Каркаралинска. За неполный месяц автопробег на его машину составил немногим менее 13 тысяч километров. На первый взгляд, это немного,

но какие это были километры. Погода то и дело преподносила сюрпризы: то снег, то оттепель с дождем, то коварный гололед. Тут уж машина и водитель должны быть одно целое, а у Василия это получается.

Быть может, потому, когда нужен действительно водитель-ас, посылают Терновского: знают в совхозе, что такой не подведет. Так было, когда необходимо было перегнать «уазик» из Ульяновска, получить новую машину во Фрунзе.

Я прошу его рассказать об этих перегонах. Однако, кроме того, что 2300 километров Василий «покрыл» за три дня и что горные дороги не чета нашим, степным, услышать удается мало.

Постепенно в беседе мы переходим к делам совхозным. О чем бы ни говорил Василий, говорил убежденно, со знанием дела, чувствовалось, что человек он в хозяйстве неслучайный.

- На бытовые условия грех обижаться, как бы подводя итог скупому своему рассказу, сказал Василий. - Квартира у нас новая. Материально обеспечены. Растут две дочери - Маринка и Оксана.

А когда прощались на крыльце, он уже не в первый раз попросил:

- Может, не нужно всего этого, а? Вон Шабден Шахметов или Булат Абильдинов, а то Виктор Кошевец - о них надо...

Ну что ж, этот рассказ в какой-то мере и о них, ведь всех их роднит дорога.

Старожилы

Частенько я вижу их вместе. Теплыми, летними вечерами сидят они вдвоем на лавочке возле дома. Степенно беседуют. Говорят то на русском, то на казахском языках. А то умудряются попеременно, на двух сразу. Благо, языки хорошо знают оба. За долгие годы общения выучились сами по себе.

Бывает, что и молчат оба. Но в такие минуты кажется, что беседа их продолжается мысленно. Не может быть пустым молчание убежденных сединой стариков. Тянутся эти два человека друг к другу. Их притягивают годы, объединяют события - тревожные и радостные.

С каждого из этих людей можно писать документальную повесть. В их рассказах о себе - само время, путь, пройденный республикой за шестьдесят лет. Сейчас они самые старые жители села Ивановки.

Нурмухамед Исаков родился в 1892 году на Красном берегу, так до сих пор называют то место, где теперь стоит совхоз «Индустриальный», а прежде была зимовка их семьи.

Отец Нурмухамеда - безземельный и безлошадный батрак - умер, когда старшему сыну не исполнилось и четырнадцати лет. И стал Нурмухамед главой семьи, опорой и поддержкой матери, четырех малышей.

Рассказ Нурмухамеда Исакова о том периоде его жизни полон горечи и драматизма. Черная нужда, незаслуженные обиды, бесправие - вот те законы байской «конституции», по которой жил батрацкий сын.

Словно Нура весной, степь заливала новая жизнь. Попробуй тут определи берега! Трудно было неграмотному человеку сразу понять, что принес Октябрь в его родную степь. Не раз, пользуясь неграмотностью своего батрака, бай поворачивал Нурмухамеда спиной к его же счастью. Но так уж устроен человек: он сердцем чувствует хорошее. Ветер Октября был попутным для Исакова и привел его в сегодняшний день.

Федор Дмитриевич Бондаренко родился в 1901 году в селе Семеновка. С десяти лет уже помогал отцу обрабатывать надел. Отец был инвалидом - потерял ногу в русско-японскую. За новую жизнь 18-летний Федор Бондаренко несся в лавине красной конницы. С мощным и утверждающим «Даешь!» брал Петропавловск, Омск, Иркутск, преследовал остатки колчаковцев. Громил банды басмачей в Семиречье. И только в 24-ом вернулся в родное село, чтобы строить новую жизнь.

Годы, годы! И какие годы!

Живут сейчас старожилы в море электрического света, смотрят телерепортажи из далекого космоса. И предстоящий юбилей республики им особенно дорог, ведь все познается в сравнении, а сравнивать есть что, и, встретившись вместе, старики часто возвращаются каждый к своему прошлому. Нурмухамед Искакович мысленно видит то рваный, прокопченный войлок своей юрты и слабое мерцание лампы, то вспоминает долгие беседы с председателем колхоза Степаном Курченко - первым председателем колхоза «Трудовик», в который Нурмухамед вступил в 1929 году в числе первых. На память приходят и тяжелые военные годы. По 14 -16 часов не отходил от наковальни кузнец Искаков, делал все, чтобы сельхозмашины в руках женщин и подростков были послушными, надежными.

Не может не вспомнить Сталинград Федор Дмитриевич Бондаренко, день Победы, который он встретил вдали от Родины. Навсегда остались в памяти его и бессонные послевоенные годы, когда он возглавлял колхоз «Путь Ленина», а позже был председателем Корганжарского сельского Совета.

Оба они - строители новой жизни на Нуре.

Партизан Войтко

Емельян Дмитриевич Войтко в годы минувшей войны был партизаном отряда имени Кутузова, который входил в состав бригады, носящей имя Климента Ворошилова. Перед войной жил в белорусском селе Ласовичи. С другом детства, молодым председателем сельского Совета. Владимиром Шпаковичем уходит в Мядиловские леса: враг уже рыскал по всей округе, бесчинствовал, убивал неповинных людей, сжигал целые населенные пункты. Вскоре друзья вступают в партизанский отряд, ставший впоследствии крупным соединением, наводившим ужас на вражеские гарнизоны.

За окном сгущаются сумерки. В доме Емельяна Дмитриевича тихо, уютно. Все располагает к разговору. Я стараюсь запомнить каждый эпизод, рассказанный им: блокнот и авторучка его смущают. Он протягивает мне пожелтевшие от времени листки бумаги.

- Посмотри, может, заинтересуют, - говорит он взволнованным голосом. - Прочти их. Что о себе рассказывать? Воевал, как все.

Я беру в руки истертый на изгибах листок - это характеристика. Она дана 9 июля 1944 года командиром отряда капитаном Рыловым, комиссаром Петуховым и начальником штаба Наумовым. Вот выдержки из этого документа. «Войтко Емельян Дмитриевич - партизан отряда имени Кутузова. В отряд пришел добровольно 27 декабря 1941 года. За время пребывания в отряде показал себя, как дисциплинированный боевой товарищ. 5 сентября 1944 года участвовал во взрыве эшелона с живой силой противника в районе станции «Пруды» на железной дороге Молодечено - Вильно. В результате взрыва было разбито четыре вагона с офицерами. Убито 75, ранено 45 человек. 14 апреля 1944 года на шоссе Молодечено - Сморгань взял в плен двух немцев (гестаповцев) и трех полицаяв. Трофеи: 1 автомат, 3 винтовки, пистолет и граната. Участвовал в рельсовой войне».

Я прошу Емельяна Дмитриевича рассказать о диверсии 5 сентября 1944 года. Он ненадолго задумывается. Видно, давнее событие в его жизни стало для него важным, памятным. Голос твердый, уверенный. Лицо посуровело, на лбу пролегли морщины.

- Помню. Все хорошо помню, - заговорил он. - Вместе с группой бойцов, в состав которой входил и я, мы тщательно изучили расписание движения поездов. К ночи наша группа вышла к намеченному участку железнодорожного полотна. Подложили аккуратно под рельсы тол, установили самодельный взрывной механизм, прикрепили где надо шнур, залегли в укрытии. Вокруг беспрерывно висели в воздухе осветительные ракеты. Слышен в отдалении гул. «Идет, - шепчет партизан Алексей Якубель, - взлетит паровозик, непременно взлетит».

Гул приближается. Присматриваемся - гремит по рельсам порожняк. Это нас разочаровывает. Снова томительные минуты ожидания. Прокатилась дрезина с патрулем. Но вот, наконец, мы видим приближающийся состав. Впереди него что-то взрывается. Состав останавливается, из его вагонов начинается стрельба. Через некоторое время поезд с фашистами трогается и набирает ход. И вот он в нескольких десятках метров от нас. Дергаю шнур. Из-под колес вырывается желто-зеленая вспышка. Раздается сильный грохот. Тугая воздушная волна прижимает нас к земле.

Надо уходить. Мы покидаем укрытие. Вокруг началась бешеная стрельба, от ракет, висящих в небе, светло, как днем. Мы спешим укрыться в лесу. И через некоторое время прибываем в расположение своего отряда.

Не раз Емельяну Дмитриевичу приходилось участвовать в боях. И враг, неся большие потери, отступал. В некоторых районах партизаны восстановили Советскую власть. В деревне Кривичи народные мстители имели крупную продовольственную базу. Здесь содержался молочный скот, выращивались пшеница и рожь, работала мельница.

В конце лета 1944 года бригада имени Ворошилова оказала большую помощь Смоленскому партизанскому соединению. После разгрома вражеского гарнизона она соединилась с частями Красной Армии. День Победы Емельян Дмитриевич встретил военное лужащим. А затем некоторое время служил в войсках МВД, участвовал в ликвидации бендеровских банд в Западной Украине.

Перед уходом домой Емельян Дмитриевич получил Грамоту. В ней, в частности, говорится: «В день, когда Вы, тов. Войтко Е. Д., покидаете боевую семью воинов-чекистов, сердечно благодарю Вас за отличную службу в войсках МВД». Ее подписал начальник внутренних войск Украинского округа генерал-майор Фадеев.

31 год назад кровью миллионов людей доброй воли был погашен пожар второй мировой войны. На века останется подвиг воинов и народа в памяти наших потомков. Дни войны, путь к победе стал историей. И те, кто прошел по ней, кто сейчас жив, свято хранят в памяти эпизоды боев. Но не о каждом отважном защитнике знают все их земляки. Они скромны. Их ратные дела запечатлены и передаются новому поколению песнями, картинками, книгами. Живет в селе Ивановка один из миллионов защитников страны Советов. Емельян Войтко храбро сражался с врагом, а сейчас все знания, мастерство, опыт отдает мирному труду.

Живет по солнечным часам

- У Вас конкретное задание, или хотите об уборке вообще? - спрашивает секретарь парткома совхоза «Трудовик» Андрей Яковлевич Вунш, снова прижимая свой «уазик» к обочине полевой дороги: проносится встречный тяжеловесный «КамАЗ», и мы вновь тонем в пыльном мареве.

- О человеке труда - вдумчиво повторяет он мой ответ и, чуть повременив, уже как само собой разумеющееся уверенно заключает:

- Ну, тогда о Леониде! В глубине души я ждал и желал именно этой рекомендации: она подтверждала мои планы. Мы петляли меж полей первой бригады. Конечно же, «Леонид» это он - Лень Горковенко!

- Во - оон он... там, - Андрей Яковлевич указывает рукой вдаль, туда, где на золотом лоне жнивья, в знойном, пыльном мареве плывут цепочкой степные корабли. - Он на подборке валков работает, сейчас я вас познакомлю, - продолжает Андрей Яковлевич. В данной ситуации вот это «познакомлю» - немного смешно: Леонид Горковенко - мой земляк, сверстник и бывший сосед, и знакомы мы с ним с той поры, когда еще на первых весенних проталинах играли в лапту. Он тогда так не любил «стоять в поле». И сейчас он так же не любит вынужденных простоев.

Время года, их чередование для модницы - это зимняя шубка, весенний плащик, зонтик от летнего зноя, импортные сапожки в осенние холода. А вот для механизатора широкого профиля Леонида Николаевича Горковенко - это, прежде всего, виды полевых работ и арсенал сельхозмашин: зимой - снегопах, весной - сеялка, летом - «Вихрь», а осенью снова комбайн и затем мощный «К-700» с плоскорезом.

Так ощущает смену времени года вот уже 22 года Леонид Горковенко. А вот, например, каков его личный вклад в счет урожая-86: провел снегозадержание на площади в 2295 гектаров, закрыл влагу на 750 гектарах, засеял 364 гектара, в сенокосную страду «Вихрем» подобрал валки на 1418 гектарах. И вот в эти жаркие августовские дни уже успел зажечь две свои «звезды», скосив на свал 343 гектара. Это на 28 число. В переводе на прямое комбайнирование это составляет 200 гектаров при сезонной норме 280. Так что норма будет значительно перекрыта: ведь страда еще только в зените.

В первую свою жатву, в 1970 году, он тоже перекрыл свою сезонную норму. Нынешняя - семнадцатая по счету. Теперь коммунист Леонид Николаевич Горковенко - авторитетный, признанный хлебороб.

Награжден орденом Трудового Красного Знамени, многократный победитель соцсоревнования, имеет много Почетных грамот, премирован ценными подарками, а также туристической путевкой по городам-героям. Депутат сельского Совета многих созывов, избирался он и депутатом райсовета. Не ради наград трудится человек, но все-таки, наверное, признание его труда человеку необходимо, а иначе это несправедливо.

Наверное, задавать вот такой праздный вопрос: «Почему и как стал именно хлеборобом?» - и ждать конкретный ответ - просто не серьезно. Конечно, если его задают, то на него и отвечают. Но в этом всегда есть и будет... что-то неестественное, натянутое, ибо до конца человек и сам себе на него не может ответить. Говорят: бытие определяет сознание - вот это верно.

А бытие маленького Лени был таким: возле их дома всегда стояло что-нибудь из этого: трактор, плуг, грабли, трехбруска, сеялка, культиватор. Вот на них и под ними и играл Леня со своими сверстниками, его детский лексикон был богат технической терминологией: коленвал застучал, кольца сели, муфта ведет и т. д. Подростком - 6-7-8-й классы - уже работал в летние каникулы у отца: тот брал его к себе на грабли или силосный комбайн. Заканчивая в 64-м Ивановскую восьмилетку, посещал зимними вечерами курсы трактористов при школе. В том же году, окончив школу и курсы трактористов, в свои 15 лет самостоятельно сел за фрикционы «ДТ-75», с этого времени и исчисляется его трудовой и механизаторский стаж.

Порой, чтобы подчеркнуть трудолюбие и мастерство человека, мы прибегаем вот к таким штампам-штрихам: «Работает до седьмого пота, мозолистые руки потрескались от мазута, в шрамах и ссадинах...». И этим, невольно, сами развенчиваем созданный образ. Необычайно жарко для конца августа. Мы, приехавшие, изнываем от зноя. «Каково же ему?» - невольно, сочувствуем. Но на лбу Леонида - ни капельки пота. Он свеж и бодр: адаптировался в условиях «невесомости», а иначе не выдержать страды. Да и руки у Леонида без каких-либо шрамов и ссадин, хотя ежедневно имеет дело с металлом: это неопытный новичок побьет руки и только у белоручки потрескаются от солярки - у настоящего работника они всегда в порядке.

Август! Леонид любит эту пору, как свое детство. Август - с ним связано так много воспоминаний: вот они всем классом деревянными лопатами ворошат на току золотистые бурты зерна. Пыль! Он любит эту пыль - ту, что бывает только на токах. Вот он сидит усталый и выпряхивает из ботинок пшеницу. Любит, раздевшись до пояса,

плескаться под умывальником, висящим во дворе полевого стана на вкопанном столбике. Есть что-то мудрое и волнующее, отработанное десятилетиями в укладе быта на полевом стане во время уборки. Наверное, вот это, неосознанное и волнующее, и могло бы в какой-то мере являться ответом на тот незаданный вопрос: «Почему и как стал именно хлеборобом Леонид Николаевич Горковенко».

Верность делу

Всякая профессия по-своему хороша. Каждое дело, если делать его как следует, требует от человека любовного отношения, знаний, творчества. Из этих качеств и складывается мастерство.

Александр Коврижник - токарь, настоящий мастер своего дела. Человек этой профессии в процессе работы должен проявлять еще и особую внимательность, соблюдать точность. И Александру все это присуще. Любо посмотреть, как он работает.

Поблескивает станок. Токарь уверенно зажимает заготовку. Плавно скользит суппорт. Ловким и точным движением резец подведен к будущей детали. Быстро вращается патрон, завивается стружка. И вот в руках у мастера уже готовая деталь, еще горячая. После тщательного замера Александр говорит улыбаясь:

- Как в аптеке.

Токарное дело приносит ему настоящее удовлетворение. Здесь есть над чем подумать. Он стремится добиться снижения затрат труда на каждую операцию, экономить время. Одну и ту же деталь можно точить по-разному, и надо выбрать оптимальный вариант последовательности операций. Ведь технологию всегда можно улучшать.

Александру хорошо известно, что токарь, как и спортсмен, на работе должен быть «в форме» - обладать хорошей реакцией. Без этого нельзя добиться ни качества работы, ни ее количества. Он это понимает и стремится всегда быть, как говорят, на высоте своего положения.

Ему 27 лет. Окончив в свое время школу в Ивановке, он поступил в Карагандинское ГПТУ № 15, затем работал токарем на заводе. Получил четвертый разряд. Неоднократно занимал призовые места в профессиональных соревнованиях заводских токарей.

Потом его потянуло в родное село. А здесь молодому хозяйству технически грамотные механизаторы очень нужны. Стал работать на тракторе. Сейчас в совхозе идет ремонт сельскохозяйственной техники. И Александр встал к токарному станку. Снова родная стихия.

- Работать в совхозной ремонтной мастерской труднее, чем на заводе, - говорит он. - Там как-никак узкая специализация. А тут приходится точить детали самые разные, для самых разных машин. Но чем труднее, тем интереснее.

Он хорошо знает сельскохозяйственные машины. Механизаторы к нему идут за советом и помощью. Александр оперативно и точно выполняет их заказы. Вот о таких людях, наверное, и говорится в

народе: мастер - золотые руки. Сейчас рядом с ним работает его ученик - будущий молодой токарь Валерий Малуша. Ко всему прочему и наставником Александр оказался умелым.

Встают на линейку готовности сельскохозяйственные машины в совхозе «Трудовик». Работает над этим целый коллектив ремонтников и механизаторов. Это - борьба за будущий урожай. Недаром говорится, что он кусается в мастерской. Александр Коврижник вносит в это большое дело свою долю труда, хорошую долю хорошего труда.

По долгу и по совести

Когда стоишь на пороге неизвестного, нового, трудно сделать самый первый шаг. И не от того, что он может быть роковым, ведущим по тернистому пути. Нет! Народная мудрость гласит: горя бояться - счастья не знать. Просто пугает мысль: верен ли твой выбор? Тут самое время подумать.

У Надырбая времени думать совсем не оставалось. Все было просто, и выбор мог быть только один. По крайней мере ему так казалось. В 1972 году умер отец, а через год не стало матери. В свои неполные 20 предстояло встать во главе семьи, состоящей из пятерых младших братишек и сестер.

Их можно было передать на попечение государства, как советовали некоторые соседи. Но Надырбай Шакарбаев всегда помнил радость матери, счастливую благополучием в доме, твердую веру отца в Надырбая - первого его помощника, и не мог себе представить жизнь без окружения дружных и всегда веселых братишек и сестреночек.

Успокаивало Надырбая еще и то, что рядом были советские люди, и на помощь в любую минуту могли прийти государство, коллектив, в котором он работал. Словом, выбор был сделан твердо и навсегда.

Проявляя постоянное внимание к младшим, он старался быть для них примером во всем и даже тогда, когда оставался один в поле, ловил себя на мысли, что за ним следят пять пар детских глаз. Для Надырбая это было тяжелым испытанием, но выдержал он его с честью.

У Шакарбаева специальность самая что ни есть земная - хлебороб. Так уж получилось, что, окончив в 1968 году Ивановскую восьмилетку, он вместе с одноклассниками стал курсантом сельского профессионально-технического училища. Возможно, что в стенах училища у будущего механизатора и появился живой интерес к технике, к земле.

В 1970 году после окончания училища приехал в свой совхоз «Трудовик» и стал членом полеводческой бригады, возглавляемой Владимиром Баланом.

Неоднократно районный комитет комсомола отмечал ударную работу молодого механизатора. По итогам девятой пятилетки Надырбай Шакарбаев был призван победителем социалистического соревнования. Дважды в 1974 и 1975 годах ему вручали нагрудный знак ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец пятилетки».

Памятным для молодого рабочего остался 1976 год, когда ему был вручен орден «Знак Почета».

Оказав высокое доверие Надырбаю, труженики совхоза избрали его своим представителем в сельский Совет народных депутатов.

Мы сидим с ним в просторном, со вкусом обставленном зале его квартиры. Он изредка бросает взгляды на свою маленькую дочь Дану, которая удобно устроилась со своими игрушками на разостланном у его ног одеяле. Это восьмой член этой дружной семьи. Двое, самые младшие братишка и сестренка, еще учатся в школе. Соня и Роза работают. заканчивается срок действительной службы в Советской Армии младшего брата Темирбая, жена Надырбая Кадиша - учительница Ивановской средней школы.

Глядя на Надырбая, невольно думаешь, каким должно быть добрым сердце этого человека, сохранившего семью, поровну поделившего свое тепло, счастливого своим трудным счастьем.

Формула жизни

С нетерпением ждут весны животноводы, когда теплое солнце погонит в рост травы и пастбища зазеленеют изумрудным ковром. Ждет весны и Иван Прокопьевич Бардаков, который вот уже двадцать второй год трудится на ударном фронте и предан выбранному делу, что называется, душой и телом. Мы сидим с ним в тамбуре базы и беседуем. Одна за другой приходят доярки: скоро начнется вечерняя дойка. Иван Прокопьевич чутко прислушивается к работе механизмов и, прервав разговор, отмечает:

- Ага, на шаг не совпадает кормораздатчик с направляющей звездочкой. Видать, опять «каша» запрессовалась.

Много, ох, как много времени прошло прежде чем научился он вот так, на слух, определять сбои в работе своего хозяйства и содержать все механизмы в базе постоянно в рабочем состоянии.

- В 1962 году, - вспоминает он, - потребовался слесарь на ферму. Механизмов, понятное дело, прибавилось, а их обслуживать надо. Приказом меня сюда перевели. Надо, так надо. Правда, в первые годы то на посевную, то на уборку отвлекали, а потом и здесь машин всяких поприбавилось - в пору инженера привлекать для их обслуживания.

Да, шестидесятые годы для сельского хозяйства страны явились поворотным этапом. В своем докладе на майском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС Л. И. Брежнев отмечал, что аграрная политика нашей партии после мартовского (1965 г.) Пленума была направлена на увеличение капиталовложений в сельское хозяйство, укрепление его материально-технической базы, совершенствование планирования и экономического стимулирования сельскохозяйственного производства. Активным участком происходящих изменений на селе был и Иван Прокопьевич. Традиционные вилы, лопаты, корзины, подвесные вагонетки уступали место механизмам. Но не все проходило гладко, на первых порах и электромоторы горели, и навозные транспортеры часто выходили из строя. Тогда, засучив рукава, в буквальном смысле, он сутками не покидал базы. Хватает хлопот у слесаря и сейчас.

- Позавчера отошла доска полового настила, - говорит Бардаков, - и пока скотник обратил на это внимание, с десятков скребков на транспортере своротило...

Что и говорить, хлопотная это должность - слесарь животноводства. За ним закреплены две базы, а это около четырехсот автопоилок, восемь кормораздатчиков, четыре навозных транспортера, вакуумные насосы для дойки коров.

Говоря о сегодняшних делах, Иван Прокопьевич не мог в разговоре обойти и трудности, встречающиеся в работе. Вот элементарный пример: скотник, электрик объединения «Сельэнерго», слесарь и доярка, обслуживающие одну и ту же базу, порой, не могут найти общий язык. Или, скажем, такой пример. На ферму после профилактических работ в «Сельхозтехнике» поступили доильные аппараты. И что же? Не достает прокладок, аппараты грязные. Почему? Какие «межведомственные барьеры» стоят между людьми, по сути дела выполняющими работу, подчиненную одной цели: получить как можно больше продукции.

- Если смотреть в корень, никаких барьеров и проблем нет, - убежденно говорит Иван Прокопьевич. - Скотник видит, что в транспортер попал камень - это, мол, не мое дело. Слесарь не обратил внимание на то, что с привязи сорвалась корова. Что это? Самое обыкновенное разгильдяйство, проявление безответственности за общее дело. Только тогда, когда каждый из нас будет болеть душой за народное добро, за общие интересы, все проблемы, в том числе и мнимые, отпадут сами собой. Болеть душой за общее дело - в Иване Прокопьевиче, пожалуй, самое главное, как формула жизни.

Кто хочет быть счастливым? Все! Но вот беда: не все и не всегда узнают свое счастье: потому и встречаются среди нас люди «обойденные счастьем». Так какое оно, счастье, и в чем?

Сколько об этом говорят и спорят, а вот к единому мнению до сих пор прийти не могут. Ясно одно: нет счастья без самого человека. И еще: если человек может сказать вот так, словом песни: «Вот уж окна зажглись, я шагаю с работы устало. Я люблю тебя, жизнь, и хочу, чтобы лучше ты стала...», то, без сомнения, этот человек может отнести себя к разряду счастливых. Чувства, подобные этим словам, не раз согревали Ивана Прокопьевича. А сколько их было, этих возвращений с работы, когда он брел устало по родной, уже светящейся окнами улице?

Сначала подростком военной години прямо с поля, которое он пахал, боронил, а потом, сняв ярмо со своих быков, спешил на «вечерку» - молодость она и есть молодость. Утром Ванюшку со вторыми петухами будил бригадир Прокоп Родионович - его отец.

Затем уже окрепший, закаленный, по улице родного села шел комбайнер Кызыл-Казахской МТС. И уже потом, после войны, он - знатный хлебороб колхоза «Трудовик», кавалер ордена Трудового Красного Знамени и отец двоих детей. Имя его не сходило со страниц районной и областной газет, как лучшего комбайнера. А вот последние двадцать с лишним лет возвращения Иван Прокопьевича с

работы вымерены особенно точно, как во времени, так и в пространстве: зимой - с фермы, а летом - с летовки, куда он откочевывает со своим железным хозяйством еще раньше стада. Слесарь-наладчик идет на работу, когда село еще спит. А при возвращении домой оно встречает его каскадом электрического света, льющегося из окон. Когда-то они еле теплились своими керосиновыми «каганцами», «восьмилинейками», «летучими мышами» и «молниями». Были кое-где совсем задавлены ситцевыми и сатиновыми занавесками. А теперь окна родного села бросают в темноту голубые всполохи телеэкранов, яркие лучи светильников и люстр, преломляющиеся в стекле и полировке «стенок», в зеркалах шифоньеров и трюмо. С буйством света не справляются и роскошные шторы.

Были три долгих года, когда он не ходил по улице родного села. Ваня Бардаков разделил судьбу своих сверстников: война не обошла и его. В самом ее начале подростком трудился в тракторно-полеводческой бригаде своего отца. Бригада - в основном девчата, недавно окончившие трехмесячные курсы трактористов при МТС. Но работали, не жалея сил, как и везде: все для фронта все для победы. Примером беззаветного служения делу для Ивана и всех в бригаде был ее бригадир. Для Прокопа Родионовича, кажется, не существовало ни дня, ни ночи - все было слито в рабочее время. Утром бригадир, беззлобно ругаясь, лез под «Универсал» и помогал чумазой дивчине вдохнуть в него жизнь, а потом бежал по пахоте к застывшему уже на другом конце поля трактору, который вдруг перестал работать, и объяснял плачущей трактористке, как правильно отрегулировать зажигание. К обеду он был уже в МТС с поправленными подшипниками, а это-то за 15 километров. К вечеру его видели уже за Нурой, где тоже работали его трактора. И все это пешком, закинув за плечо старенький козушок.

В восемнадцать неполных лет, в сорок третьем, Иван Бардаков оставил бригаду, родное село. Сначала - учеба в полковой школе в Петропавловске. Служил во втором эшелоне уже под Вязмой. Наши войска освободили Смоленщину и продвигались, освобождая Белоруссию. Младший лейтенант Иван Бардаков помогал на освобожденной от врага территории налаживать работу советских учреждений. Соединение, в котором он служил, участвовало в ликвидации Курляндской группировки. Однако после долгожданной победы командование сочло необходимым направить его в военно-медицинское училище: напряженная обстановка на востоке страны, где существовала угроза нападения со стороны милитаристской

Японии, заставила держать нашу армию в полной боевой готовности. Желанная демобилизация пришла после разгрома Квантунской армии. К страде сорок шестого Бардаков вернулся в родное село. - аккуратно успел к началу уборочной.

Через Горькую Линию

Блестит под низким январским солнцем навошенная тысячами колес асфальтная лента шоссе. Справа, параллельно автострате, торопливо, пятидесятиметровыми шагами - столбами бежит телефонная линия. За ней солидно проплывают, сливаясь с белым безмолвием, словно призраки, бетонные опоры высоковольтной электролинии. И совсем неподалеку от автостраты игриво, то приближаясь, то удаляясь, вьется степная красавица Нура.

Почти век назад мой прадед Кондрат Игнатьевич Голошук с семьей и небогатым домашним скарбом двигался, наверное, этими же местами к тому уголку на земле, что теперь зову я своей родиной, куда везет меня сейчас комфортабельный «Икарус».

И Нура тогда была на пути Кондрата Игнатьевича и таких же, как он, переселенцев наградой и спасением в многомесячном изнурительном походе. К ее чистым водам припадали запекшимися губами люди и животные, изможденные степным зноем. Ее прохладной водой смывали пришельцы с себя многодневный слой пыли. И лица их светлели. И лица светились. И люди невольно, в который уже раз, с грустью вспоминали «седого батько Днипро», оставленного ими далеко позади на «ридной Вкрайне». «Зачем?» - «Наше?» «Шукать собі счастливої доли!».

Чем дальше от Целинограда, тем чаще змется асфальтная лента: началась область мелкосопочника. Пестрят поля черными движущимися точками: идет накопление зимней влаги. Нескончаемы заботы хлебороба. Еще, кажется, совсем недавно закончилась битва за урожай-82, и вот начался новый круг.

Гудят под стылым январским ветром телефонные провода, несут свою невидимую продукцию: деловые советы, сводки, приказы, рекомендации, решения. И, наверное, еще возвращаются люди в этих разговорах к минувшему 60-летию образования СССР, с которым связывают свои помыслы, трудовые свершения. Сопоставляют. Вспоминают вчера, чтобы увереннее идти в завтра.

«Икарус» пересек областную границу. Блестит в лучах зимнего солнца взметнувшаяся в синеву серебристая ракета - обелиск, установленный в центре совхоза «Энтузиаст», еще раз свидетельствующий о том, что наш Нуринский район является своеобразной космической гаванью. Впереди село Черниговка - ровесница моей Ивановке. И для основателей Черниговки родиной была «ридна маты Вкрайна». И хаты здесь они ставили на свой манер,

как на Черниговщине. А теперь родина их внуков и правнуков вот это село - многонациональное, хорошеющее год от года.

Заметно заволновался сидящий неподалеку парень в солдатской шинели. Загоропился к выходу. Наверное, отелужил. Интересно, где он принимал присягу? В знойной Кушке или под всполохами северного сияния? Но где бы это ни было - там тоже чья-то маленькая родина, как вот для него его Черниговка.

- Сынок, ридный! - донеслось вглубь автобуса, едва он остановился.

- Мамо! - приглушенно ахнуло в ответ.

Да. Даже в третьем-четвертом поколении заметны мягкость, певучесть украинского говора в русской речи.

Степь, степь, степь. Справа, на сопке, завиднелась вышка телевизионного ретранслятора. Невольно возникает мысль: а какими вехами, приметами отмечался вот этот же путь тогда, в конце девятнадцатого столетия, для моего прадеда, медленно двигавшегося с обозом и пристально всматривавшегося вокруг в поисках счастливой доли? Степь. Сопки. И... простор! Сказочный простор после Житомирской, Полтавской, Черниговской, Киевской тесноты и скученности. Глаз моего предка-переселенца отдыхал.

Мелькают дорожные знаки, панно. Издалека узнаю ясный профиль «самого человеческого человека», он знаком всем людям земли. Объезжаем кольцо, и вот она - Киевка. Районный центр. Как изменилась она к лучшему за последнее время. Как расстроилась. Мне же вспоминается мое первое знакомство с поселком. Это было в 1955 или 1956 году. Вместе с отцом на его бричке, предназначенной для доставки горючего, я ехал по тряским, голым улицам Киевки. С букварем на коленях и в новеньких красных сандалиях на босу ногу. Ехали к нефтебазе по теперешней улице Ленина. Останавливались у коновязи. Там, где сейчас находится магазин «Салтанат». Запомнил только истопченную землю, большие лужи и валявшиеся везде объедки сена. Рядом с коновязью располагался базар с дощатой будкой, где продавали кумыс. Как давно и как недавно это было.

Районная автостанция в эти предвечерние часы бурлит. Один за другим отходят отсюда автобусы.

- Ермек, Ермек, - зовет молодая женщина-казашка и что-то строго выговаривает маленькому шалуну. А он, смеясь, увертывается от ее ловящих рук и отвечает ей на русском, но чисто детском языке.

Объявляется посадка на автобус по маршруту Киевка-«Индустриальный». И я непроизвольно мысленно комментирую: совхоз целинный, в 1974 году награжден орденом Дружбы народов. Когда-то моя глинобитная Ивановка стала базой для его создания.

Хлебное поле «Индустриального» родило своего Героя. Он, как и многие, тоже нашел на этой земле свою счастливую долю.

- Здравствуй, землячка! - раздается радостно рядом.

- Куда собралась?

- В гости. К сыну.

- И далеко?

- В Новый Уренгой.

Отъезжает автобус на Щербаковское. Тоже целинное хозяйство. Его строили москвичи. А сороковое поле так и осталось легендарным, как место подвига «огненных трактористов». Они прославили совхоз. Люди страны славят их.

- А мой Славик смеется: мама у меня, говорит, немка, папа - украинец, а я русский.

Возвращаются домой дончане. Приглянулись казакам с донских степей глинистые обрывы Кулан-Утпеса. Наверное, они напоминали им в минуты грусти родные балки придонских просторов.

- А я так скучала, так скучала! Ну, как там наши? Да что Ялта - курорт курортом. А дом есть дом...

Автостанция. Это место желанных и случайных встреч. Место расставаний. Здесь, как в море реки, сходятся и расходятся люди. Очень разные. И это заметно с первого взгляда. Но общее у них то, что все они - земляки. И я уверен, о многих из них можно было бы рассказать что-то интересное. Как и о тех местах, где они живут. Потому что район наш богат историей.

Вот отправляются домой амангаусцы. Молодые, симпатичные парни и девчата. А все ли из них знают, как голодали в тридцатые годы скотоводы-казахи, особенно в тех местах, где они сейчас живут? Как вспоминают старожилы, дороги были помечены трупами людей и животных. Спасаясь от голодной смерти, падая, брели они сюда, ближе к берегам Нуры. Многие из выживших тогда пришельцев навсегда остались здесь жить, некоторые же с образованием овцеводческих совхозов вернулись на земли отцов и дедов.

Но вот подходит и мой автобус. Маршрут его, пожалуй, самый старый: Киевка-Семеновка. Через Ивановку, Казгородок, Захаровку. Впереди - встреча с родным домом. С землей, куда привела судьба моих далеких предков.

Жизнь шла. Осваивались на новом месте переселенцы. Пахали. Сеяли. Молотили. Ходили за скотом по росистой пойме Нуры, а осенью гнали его в Сатовку, на базар. Если везло, оттуда возвращались с гребками, травянками, лобогрейками и другим немудреным сельскохозяйственным инвентарем.

Время от времени через приречные села Черниговку, Киевку, Ивановку, Захаровку шли вьючные верблюжьи караваны. И тогда по степному обычаю сельский парубок Роман Голошук звонко вопрошал: «Хабар бар?» - «Новости есть?» «Бар» - отвечал кочующий джигит. Да, в этот год новости были. Тревожные новости. Они-то и свели однажды пути сельского парубка и степного джигита в одну дорогу - на запад, в окопы. Крепко связали их судьбы с первой мировой войной. Войной, продолжавшейся в течение нескольких лет и бессмысленной по своему содержанию, целям для простого люда.

Из воспоминаний моего деда, ныне покойного Романа Кондратьевича: «Почти год на одном месте, как суслики в норах, сидели мы по своим окопам. И мы, и германцы закопались в землю и ... ни с места. Вперед глядишь: ряды колючей проволоки и перепаханная снарядами земля. Сидим друг от друга совсем рядом. То кроем друг друга матом, то песни поем, то вдруг стрельба откроется. Позднее мы со своими соседями уже перезнакомились и подружились. Положение у них было не лучше нашего: согнали в окопы и стреляй. А кого, за что - никто толком объяснить не может или не хочет. Так вот, бывало, завяжу узелок и бросаю: «Курт! - Махорка». А он мне, бросая, кричит: «Роман! - Цукар». Честно делились. Со мной в окопе сидел Нургали, так тот смеялся: «Ай, Курт - давай курт». Скучал Нургали по степному лакомству. Иногда собирались вместе. Побросают германцы свои окопы, сидим, говорим, спорим. Пока их или наши офицеры не начнут палить над головами. Порядок? Дисциплина? Верность? Какой порядок? И чему верность? Ведь каждый из нас, можно сказать, и не знал толком, за что бьется. А люди гибли сотнями, умирали от болезней и пуль.

Однажды сижу голодный, с перекошенным от боли лицом. Чуть не плача, грызу кровавым ртом высохшую галету (цинга съела все зубы). Вдруг слышу над собой: «Встать, паршивая дрянь!» - голос нашего унтера. «Ах, так, ваше высокородие!» Вскочил я и со всего плеча вметелил унтеру промеж глаз. Он так и сел, марая в кровь белые перчатки. А я штык в землю и... айда!»

Вот такую войну пришлось видеть Роману Кондратьевичу и, конечно, не ему одному. Это я рассказываю к тому, чтобы подчеркнуть: все те огненные годы, все то, что пронеслось над страной, не минуло и наши места. И тот тернистый путь, что прошел наш народ, пришлось пройти и здесь, на берегах Нуры, нашим прадедам и дедам. Нет, жизнь их ничем не обделила.

Из воспоминаний Христи Кондратьевны Кошевец: «Я вже чула от людэй, шо красны лучше билых. А шо зробишь: всылытысь в нашу

хату билы - супостаты. Якись ихнее начальство. Слух бы: красны близки вже. Було як завьдуть скандал билы про меж сэбэ - аж страшно. Уже морозами, перед Миколою, совсим зашевелились супостаты. Из хаты выносят якись ящики, железяки. Бьют их, бросают в огонь. Сами злые, як ти собаки, грызуца. Батькову охотничу собаку застрельлы. Вечером пришов до нас Андриенко Михаил и каже: «Христя, велено довэзти господ до Захаровки. Там их повэзут други, а ты пригонишь назад коней». Я боюсь, а куда ж деваться? Отвезла. Еду обратно. Бачу: скаче по той стороне верховец и махае рукой. Оказался наш, ивановский. Федор Лысенко. Вин и каже: «Христя, у нас вже в селе красны!» А я ему: «Ну и што ж! Чего ты злякався?». Ше трохи проихалы - скачут десятка три верховцев с красными флагами. «Откуда?» - пытаются. - «Из Захаровки», - кажу им. - «Белые там?» - «Булы ше там», - отвечаю. И тут бачу: с красными наши Семен Кошевец и Евдоким Сорока. Приехала домой, зашла в хату и стала матери рассказывать, а она мни: «Тише. В хати чужий». Я: «Кто?» - А мама: «От билых отстал. К красным сам хоче». Я кричу: «Так воны вже пришыли!». Прыгнув вин с печи и на улицу».

Настигла, наверное, красная конница где-то за Захаровкой белогвардейцев. И пролилась кровь за власть Советов. Кое-кому сейчас этот рассказ Христа Кондратьевны покажется наивным. Но суть не в умении говорить, а в содержании. А так оно все и было. Это уже после мы все осмыслили и разложили по полочкам, научились красиво говорить. А тогда это была сама жизнь. Сейчас, с вершины времени, даже третьеклассник без труда сориентируется в тех исторических перипетиях. А тогда это давалось ценой крови и, нередко, собственной жизни.

Отец Елены Никитичны (моей бабки по матери) и ее брата Леонтия умер еще там, на родине, в Екатеринославе. Вместе с переселенцами Елена, Леонтий и их мать тоже двинулись на новые места. Сначала они обосновались в Оренбурге. Отсюда и вышла замуж Елена. В одну из станиц Горькой линии. Первый ее муж был сибирским казаком. Верный «царю и отечеству» сторел молодой казак в разлившемся по стране революционном пламени. А брат ее Леонтий был среди тех, для кого это пламя было священным. В органах ЧК он ликвидировал контру и по Горькой Линии и далеко за ней в степных просторах.

Надвигающееся новое, не всем еще понятное и доступное, вязало такими узлами человеческие судьбы, близких людей, что эти узлы приходилось рубить по живому.

Из воспоминаний Романа Кондратьевича Голощука: «Из дому ушел в 1915-ом, а вернулся весной 1920-го. Как добрался до родных мест -

сразу пришел к Нуре, на «свое» место. (По Нуре в окрестностях сел многие места называются именами переселенцев: Фомовский переезд, Лустин переезд и т. д. В. Т.) Снял вшивую одежду, вошел в воду. Пескари вокруг выют. Ноги щекочут. Стою, и не верится, что я снова дома. Где только не был, чего не посмотрелся. Заработал в окопах ревматизм, горел в сыпняке - и вот снова на родной земле».

Да, многое пройдено, пережито этими людьми. Пересечена где-то у Петропавловска Горькая линия. Горькая - не только по названию. Но и в полном смысле этого слова.

В средней излучине Нуры, у широкой ее поймы, лежит моя Ивановка. Молодцы мои предки, что поставили свою первую хату именно здесь! Родина. Сколько у тебя нас, кто называет Ивановку этим словом? Сколько нас, в чьих жилах по отцовской, материнской линии течет кровь твоих, Ивановка, первоселов: Кондрата Голошука, Карпа Кравчука, Савелия Старчевого, Кондрата Ермоленко, Хомя Горного, Дениса Лусты, Федора Лысенко, Степана Чернышова и других? Много. И где только не живут сегодня их потомки! Они найдут своих кровных родных и на лесистых берегах красавицы Десны, и в цветущих садах Полтавы, и на каменных берегах Бии. Поехав в отпуск, помогут родным прополоть «бураки» на Киевщине, копать «бульбу» на Гомельщине. Порыбачат на тихих старицах Мещерского края.

С чего начинается родина? Как поется в задушевной песне: «С окошек, горящих вдаль? Со старой отцовской буденовки, что где-то в шкафу мы нашли? А может, она начинается с весенней запевки скворца? И с этой дороги проселочной, которой не видно конца? ». Так с чего же начинается родина? Попробуй, ответь. Каждому она открывается по-своему. Для меня же, пожалуй, вот с этого.

День и ночь гудит автострада. Как на параде, проходят мимо этого места творения разума и рук человека. Яркие лучи автомобильных фар выхватывают из объятий темноты железную решетку ограды, силуэты кленов, березок, волнующихся зеленой листвой или молчаливых в уборе искрящегося инея, краснозвездных пирамидальных памятников и мраморных надгробий с надписями двух великих дат человека.

Да, это сельское кладбище. Буквально в нескольких десятках метров от трассы. Оно о многом может поведать проезжему: думающему, не очерстевшему душой. Как много крестов для такого сравнительно небольшого села. Значит, не одно поколение родилось и умерло вот на этой земле. И это так.

Наверное, чаще других бывает на этом сельском кладбище Христа Кондратьевна Кошвец - Голошук. Да иначе и быть не может. Ведь

здесь покоятся близкие ей люди. И сколько же их здесь! Ее дед Игнат, отец Кондрат с матерью, девять родных братьев и сестер. Ее муж и их дети. А сколько двоюродных... И, вообще, людей, с кем она росла, работала, с кем сидела за праздничным столом. Много, очень много. Ведь весной этого года Христе Кондратьевне исполнится 81 год. Ежегодно в день памяти усопших и просто в будние дни приходит сюда она, теперь уже единственная из десяти детей Кондрата Игнатьевича Голощука - одного из первых жителей села Ивановки.

Ухоженные могилы с оградками и памятниками. А в глубине кладбища - еле приметные холмики, поросшие полынью с упавшими трухлыми остатками крестов и вовсе без них. Попробуй вот здесь сориентируйся и, не ошибаясь, преклони колени у изголовья своего прадеда, деда, отца...

Из воспоминаний Христи Кондратьевны: «Я родылась вже тут в 1902 году. А оттуда, с Житомирщины, приехали: дед Игнат, батько с мамой и четверо дитэй: Панас, Стыпан, Роман и Яшка. А вже Текля, я, Марийка, Настя и Иван тут свит побачили. Последняя умерла еще грудной. Часто, особливо зимними вечерами, сходьлись в батькову хату уси наши Голощуки. Балакалы. Вспоминали, як жили там, як ихали сюда. Казалы: Роман був вредный, неслуханный, дорогой плакав, прыгав с брочки и убегав в степь. Пришлось его вязать. А первый год тут у наших покралы усих коней. У батьки тоже пару угналы. И остались у нас в хозяйстве кот та собака. Перву хату поставив тут, в Ивановке, мий батько та его двоюродный брат Тыльмон Голощук. После мы поставили ще дви хаты - Панасу та Стыпану...».

Дед Роман. Непоседливым он был не только в детстве. Благодаря своему живому характеру он одним из первых и лучше других освоил казахский язык. А им тогда владели все переселенцы. Это было жизненно необходимо. И везде, по зимовкам, по кочевьям, были у Романа друзья и хорошие знакомые - казахи, что с радостью принимали его, подносили пиялу с кумысом.

Но надо сказать и о том, что не всегда и не все с дружескими улыбками встречали на новой земле переселенцев. Перейдя Горькую Линию с ее воинственными, окулачившимися сибирскими казаками, переселенцы ощутили холод и одиночество. Все сладкие посулы Столыпина остались за этой Горькой Линией. «Забыл» о переселенцах и сам наместник степного края губернатор Сухомлинов. Не только баи и ханы киргиз-кайсацких степей, но и простые казахи с Горькой Линии видели в переселенцах обузу, голодранцев, бунтарей. Шла жестокая борьба за выживание людей, сорвавшихся с родных мест. И, чтобы

выдержать эту борьбу, надеяться приходилось только на себя, на взаимовыручку. По наущению баев и мулл казахи занимались барымтой (угоном скота). Вот тогда-то и лишился Кондрат Голошук последней пары лошадей.

А было и так.

Из рассказов деда Романа: «Вечером приходит ко мне Мухамедия из аула Покпая (где сейчас расположен совхозный сеновал В. Т.). Взял у меня насвай, заложил за губу, сплюнул. И молчит. А я чувствую, что-то хочет сказать. Спрашиваю: «Мухамедия, хабар бар? ». «Бар, - отвечает. - Барымта». Ночью, конечно же, все наши были начеку. Ну и дали мы им барымты! Молодец Мухамедия со своими - помог. А жили они тоже - и голодны, и голы, и босы. У нас брали огурцы, помидоры, картошку, арбузы. Но воровства - ни-ни... ».

Из воспоминаний Елены Никитичны Голошук, жены Романа Кондратьевича: «Это уже позже стали строить хаты из формованного самана. А вначале - из вальков сырой глины круто замешанной с соломой. В стену они ложились сырыми. В одно лето мы ложили одновременно две хаты - Панасу и Степану: проложив один ряд вальков в стены Панасовой, даем ей затужаветь, идем класть Степанову. Руки и ноги трескались от глины до крови. Смажем их сливками или каким другим жиром на ночь - шипет, не уснуть. А утром - снова в глину».

И это все - под жарким солнцем Казахстана, на степном ветру. Своими руками и ногами. Сотни тонн вымешанной глины! Лес для перекрытия, окон и дверей (о полах тогда не было и речи) везли издалека по два месяца на быках.

Я невольно вспоминаю строительство в Ивановке этим летом: идут и идут мощные автомашины с готовыми деталями домов, с цементом, шифером, облицовочными плитками и другим богатым строительным материалом. Туда-сюда ходит стрела крана, с треском плещется электросварка. И за два месяца строители из Темиртау поставили в Ивановке два двухэтажных корпуса для лагеря труда и отдыха школьников.

В 1975 году были снесены первые хаты Ивановки, построенные руками Кондрата и Тилимона Голошуков. А на их месте совхоз «Трудовик» поставил новые дома из пенобетонных панелей. Не одному поколению и не одно десятилетие послужили они, те первые хаты. Зачастую, экономя материал, время, топливо, их ставили рядом: впритык с общей стеной, под общей крышей. Обновляется Ивановка. Но и сейчас еще стоят здесь хаты - ветераны. Одна из них -

построенная Голошуками летом 1914 года. В ней сейчас живет Владимир Туляков. В его жилах тоже течет кровь Кондрата Голошука.

Не стало деда Романа, Елены Никитичны, всех тех, кому обязаны мы сегодня своей жизнью, светлым днем. Но осталась о них память. Под истлевшими крестами на сельских кладбищах по старым поречным селам вечным сном спят те, чьи сердца бились в ритм времени, те, кто строил своими руками новую жизнь.

У истока

В целях развития взаимосвязи поколений и укрепления единства казахстанского народа 1999 год Указом Президента Республики Казахстан объявлен Годом единства и преемственности поколений. Как указывалось в комментарии отдела внутренней политики Администрации Республики Казахстан, в Указе заложена гуманистическая идея, направленная на формирование исторического мышления, поддержку старшего поколения, непосредственно участвовавшего в основных событиях века. В преддверии XXI века единение поколений крайне важно для сплочения казахстанского общества, объединения вокруг общенациональной идеи, стратегических целей развития страны. А история страны, края - та связующая нить между временем и поколениями, без которой немислимо ни воспитание патриотических чувств к Родине, ни ретроспективное восприятие ценностей XX века, ни объединяющие идеи перехода к демократическому гражданскому обществу, социальному государству. Поэтому не случайно мы не можем обойти вниманием такое событие, как 100-летие одного из сел района - Ивановки. Этому юбилею и посвящается сегодняшняя публикация.

Из архивной справки: «В списке киргизских и крестьянских волостей Акмолинского уезда значится селение Ивановское по Черниговской волости. Год образования участка 1899».

20 апреля 1999 года. У православных - день поминовения усопших - Радоница - Родительский день. К сельскому кладбищу течет людской поток и ручейками растекается между рядами могил: едва заметных холмиков с уже давно истлевшими крестами, мраморных плит, свежевыкрашенных оградок. Старые, молодые, дети пришли почтить память свои покойных родных, близких, знакомых. Да и для душевного здоровья человеку, наверное, просто необходимо бывать здесь, среди кладбищенской тишины, чтобы вдруг свежо и остро ощутить, как в детстве, и шепот листвы березки, стоящей рядом с православным крестом, и запах чабреца, и ласковое прикосновение к щеке теплого весеннего ветерка. Светлая, тихая грусть наполняет здесь твое уставшее, отвердевшее сердце. особая аура окружает тебя: ты как бы и в сегодняшнем, и в прошлом, и в будущем.

В этом году село Ивановка отмечает свое столетие. И вот здесь, на кладбище, покоятся люди, проторившие первые тропки в густой траве будущих улиц, перевернувшие первый пласт нетронутой ковыльной степи, чтобы взошел первый росток пшеницы. Вырывшие первый

колодец, посадившие у своей хаты, огороженной по-малоросски плетнем, первый тополь или клен, кто они? Можно ошибиться в частностях, но в общем - нет. Вот фамилии первых переселенцев, основавших Ивановку: Голошук, Горный, Кравчук, Ермоленко, Полещук, Старчевой, Лысенко, Ковеза, Куценко, Базяк, Дымнич, Третьяков, Колосовский, Коливошко, Малуша, Иванишин, Алекса. Прошу прощения у земляков, если назвал не всех основателей Ивановки, хотя думаю, что мною названы многие фамилии родов, представители которых сегодня покоятся на этом сельском кладбище и потомки которых пришли сегодня к их могилам. Конечно, многие, в чьих жилах течет кровь названных, носят уже и другие фамилии.

Собирая материал, я еще в феврале в акимате попросил дать мне справку о самых старых людях села. Вот кто вошел в этот список: Кравчук Ефросинья Пантелеевна, 1909 года рождения, Голошук Татьяна Фоминична, 1910 года рождения, Бобело Мария Ивановна, 1911 года рождения, Разумова Ефросинья Савельевна, 1914 года рождения, Полещук Ефимия Лукьяновна, 1916 года рождения, Марченко Прасковья Павловна, 1916 года рождения. Наверное, читателям, как и мне, тогда сразу бросится в глаза: одни женщины! Но тут же мне вспомнился обелиск Памяти в честь погибших земляков у Дома культуры, на котором имена 88 ивановцев, не вернувшихся с войны, и все стало на свои места: на нем имена братьев, мужей, отцов наших долгожителей. Всех названных в этом списке я, конечно, знаю, но вот парадокс: чем больше знаешь, тем почему-то труднее писать об этих людях. И пока я решал, на чем же сделать акцент, по заснеженным улицам села навсегда ушла одна из тех, с кем я готовился встретиться, чтобы поговорить об Ивановке: Татьяна Фоминична Голошук. И теперь у меня оставалось уже на одну меньше из намеченных встреч-бесед, а когда они состоялись, я окончательно понял: если писать, то писать надо о каждой из этих женщин отдельно, потому что их судьбы стоят того. Вот о некоторых из них и пойдет сегодня речь, потому что история жизни этих женщин и 100-летняя история села Ивановки неразделимы.

Ефросинья Пантелеевна Кравчук - из большой семьи Пантелея Ковезы. Ивановке 100 лет в марте, а ей 90 - «На Петра» (12 июля), как сама ориентируется во времени года Ефросинья Пантелеевна. На мой стержневой вопрос: «Какой она помнит Ивановку?» отвечает: «Чистой. Хаты снаружи белили к Троице, «призьбы», т. е. завалинки, подводили специальной красной или желтой глиной». Еще она помнит пирамиды подсыхающего самана, обозы, отправляющиеся за «лисом». Ивановка строилась, и лес на перекрытия приходилось возить на быках за

триста-четырееста километров из Макинского, Алексеевского районов Акмолинской области.

Муж - Василий Кравчук погиб на фронте. Сама подняла на ноги четверых детей. Трое из них и сейчас живут в Ивановке. Это старшая дочь - Надежда Собора, сын Леонид и дочь Евдокия Балан. В нашем районе и здесь же, в селе, живут ее внуки, правнуки, Собора, Балан, Кротович, Фафенрот. Вся ее жизнь была отдана колхозно-совхозному производству, работала на многих участках, но больше всего - на колхозной свиноферме, поэтому ей сейчас просто не понять: «Як же так - нэма работы?» и почему ее внукам и правнукам надо покидать село.

Матрена Федоровна Дымнич - одна из восьмерых детей Федора Лысенко. Баба Мотя - женщина нелегкой судьбы. Тихим голосом, но в ясной памяти она называет имена своих покойных сестер и брата: «Суклета, Прасковья, Акулина, Катерина, Варвара, Прокоп, Евдокия». Мать умерла в двадцать шестом, когда самой Матрене было неполных двенадцать лет. Отец - инвалид первой мировой войны, умер в тридцатом: «Только - только началась коллективизация, и батько все хотел увидеть, какой же она будет новая жизнь», - рассказывает Матрена Федоровна. Но не пришлось Федору Лысенко поработать в колхозе «Трудовику», а вот старший сын его - брат Матрены Прокоп, которому исполнилось к этому времени двадцать три, с сестрами поработали на славу. Сама Матрена Федоровна и до замужества, и уже когда осталась «солдаткой» работала сначала в колхозе, затем в совхозе «Трудовику». Похоронку на мужа, Андрея Дымнича, получила в сорок третьем. Самой пришлось растить троих детей. Старший сын Николай уехал в Россию, второй сын Петр недавно трагически погиб. «Доживает», как выразилась сама Матрена Федоровна, с дочерью - Надеждой Герзиковн. Здесь же, в селе, живут ее внучка и правнуки.

И опять задаю собеседнице тот же вопрос: «Какой помните Ивановку?» И получаю ответ: «Всего две улицы, кругом - густой спорыш. На полянах, где сейчас переулки, мы весной, на Пасху, улица на улицу играли в лапту».

Ефросинья Савельевна Разумова - одна из пяти дочерей Савелия Старчевого, а всего у него было семеро детей. Николай, Иван, Ульяна, Александра, Евдокия, Ефросинья, Татьяна. Из семерых осталась она одна - Ефросинья. Единственная дочь ее - Люба Кияшко недавно с семьей выехала на жительство в Россию. Первый муж Ефросиньи Савельевны и отец Любы - Иван Третьяков погиб на войне, а от второго брака у нее детей не было. Правда, и в селе, и в районе у нее много племянниц и внучатых племянников. Достаточно назвать

фамилии ее сестер в замужестве, чтобы показать, как переплелись родственные узы в селе, в районе и за его пределами: Ульяна Гуцалова, Александра Ермоленко, Евдокия Фафенрот.

Интересны воспоминания Ефросиньи Савельевны о своем детстве, об Ивановке той поры. Сама она родилась в Ивановке в четырнадцатом году. Отец был искусным сельским кузнецом, к тому же заядлым рыбаком и охотником. Вспомнила, как девчонкой «качала» ручной кузнечный мех, помогая отцу в работе. Интересны и воспоминания о том, как они с семьей на телегах со всем домашним скарбом и со скотом откочевывали в Кустанайскую область. Два раза Савелий Старчевой «порывал» с Ивановкой, убегая от колхозной жизни на приволье. Было это в конце двадцатых годов, когда Ефросинье было то ли двенадцать, то ли четырнадцать лет. И оба раза возвращался в Ивановку.

Вся сознательная жизнь Ефросиньи Савельевны прошла здесь, в Ивановке. Работала, как и ее подруги-землячки, в колхозе. Ивановка ее детства - это ковыльное море сразу за околицей, хрустально чистые старицы с белыми лилиями на воде. На вопросы о постройках, как принято говорить: объектах соцкультбыта, тоже получил одни и те же ответы: «Все было: и птичник, и овчарник, и свиноводник, и маслопром. Все было хорошо, жили весело, работали дружно».

Ефимия Лукьяновна Полешук в девичестве Кравчук. Их было пятеро сестер: Матрена, Антонина, Соломея, Ефимия, Александра. Сейчас в живых осталось двое: она и сестра. Антонина Бардакова, которая год назад уехала из Ивановки в город, к дочери. На мой уже традиционный вопрос о селе того времени она ответила: «Дворов сорок-пятьдесят, наверное, было. Каждое лето строились дружно, всем селом - все же свои были».

Припомнила Ефимия Лукьяновна, как девчонкой ногами мяла коноплю, как потом чесали ее, ткали холсты. Рассказ о селе, о той жизни в ее устах красочен и волнующ. Она хорошо помнит всех председателей колхоза и то, как новшества (электричество, радио) приходили в село. Сейчас она живет с дочерью Надей. Всего у них с мужем Дмитрием, инвалидом войны, который умер в середине 70-х, было пятеро детей. На ее долю выпало также похоронить старшего сына Степана и младшую из дочерей Любу, а дочери Нина и Таня живут за пределами района. Здесь же, в Ивановке, живут внук и внучки - дети Степана и Нади - род Полешук породнился с семьями Роот, Черняевых, Бобело, Бардаковых.

Конечно, трудно более подробно рассказать в небольшом материале о жизни этих достойных женщин, но буду рад, если эти строки

послужат кому-то поводом для воспоминаний о моих земляках - живых и мертвых.

Проезжающий! Сбавь скорость у погоста, что лежит в тридцати шагах от автотрассы, и припомни: может, и твои корни идут отсюда. Ведь тут покоятся те, кто дал тысячи и тысячи ростков человеческих жизней.

Одержимость

Однажды в кабинете инспектора района по начальной военной подготовке Абылхана Ашимова как-то непроизвольно состоялась беседа о вчерашних десятиклассниках, о сегодняшних воинах. Вот тогда и было высказано компетентное мнение инспектора района по НВП «А вот он на своих уроках может спаять воедино: физическую подготовку, тактическое умение и высокий моральный дух». И добавил: «Он, как военрук, готовит настоящих защитников Родины». Так я впервые заочно познакомился с этим сподвижником.

Информация и характеристика о работе военрука Индустриальной СШ И. Ф. Волошина

1

Иван Федорович Волошин работает в данной школе с 1979 года. Образование средне-специальное. Окончил Омскую школу тренеров. Офицер запаса. Он умелый преподаватель, большое внимание уделяет военно-патриотическому воспитанию молодежи. В школе создана хорошая материально-техническая база по НВП, имеется хорошо оборудованный учебный городок по начальной военной подготовке и ГО, для практического изучения приемов и правил стрельбы заканчивается при помощи базового предприятия строительство стрелкового тира. В школе оборудован зал Боевой и трудовой славы, где собраны материалы о ветеранах Великой Отечественной войны.

Качество усвоения учащимися учебной программы высокое. По итогам проверки областной комиссии школа получила хорошую оценку. Большое внимание уделяется ориентации учащихся на военные профессии. Каждый год выпускники этой школы поступают в высшие военные училища. На должном уровне работают военные кружки: «Юный стрелок» и «Меткий стрелок».

Воспитанники Волошина постоянно занимают призовые места на районных соревнованиях по пулевой стрельбе. Высокие результаты юноши и девушки показывают не только по огневой подготовке, но и по всем разделам программы начальной военной подготовки, всегда занимают призовые места на районных соревнованиях. Иван Федорович имеет Благодарность и неоднократно награждался ценными подарками.

2

К выходу через просторное фойе здания Индустриальной средней школы спешно, упругой походкой прошел человек в рабочем халате, с

дрелью в руках. Был он с непокрытой головой: темно-русые волосы, заметно поредевшие. Черты лица решительные, взгляд пристальный, изучающий и оценивающий. Невольно подумалось: «Наверное, он, но почему в рабочем халате, а не в форме? ». Увидев незнакомого человека, и, наверное, заметив нерешительность «гостя», он резко обернулся:

- Вы к кому? Да! Волошин я. Пожалуйста, к вашим услугам.

Узнав о цели моего приезда, Иван Федорович сразу же живо и непосредственно стал знакомить, рассказывать, показывать. Он, как говорится, загорелся и тут уж особенно-то не скромничал сам и не церемонился с гостем.

Рассказывал он о своей работе своеобразно: мы находились на территории учебного городка. Знакомя, он как-то умел воссоздать атмосферу реальной военной службы и даже настоящего реального боя. Мы стояли под «грибком» на часах, находились в дозоре, сделав рывок - перебежку, падали в воронку, прыгали в открытую и закрытую глубокую противотанковую щель, на которую напал зловещий силуэт танка, преодолевали полосу препятствий. И делал все это 46-летний человек с завидной легкостью.

И это все вокруг, вся материально-техническая база, создана, сработана с замыслом, волей, предприимчивостью и умелыми руками Ивана Федоровича и его приверженцами из 9-10 классов. Например, кирпич для выкладки «щелей» возили на мотоцикле, разбирая старое здание, а выкладывал сам Иван Федорович. Что и говорить, приходится трудно доставать то или иное: чего греха таить, порой кое-кто считает работу, дело жизни военрука Волошина игрой в войну, забавой, не видя в этом отдачи.

Только благодаря настойчивости учителя перестраивается пустующее помещение в стрелковый тир. Мы входим в будущий тир, и Иван Федорович попутно объясняет, как все будет после перестройки, где и какую стенку надо выбросить, где будут установлены мишени и где будет огневой рубеж, что надо сделать, чтобы во время стрельбы из малокалиберной винтовки случайно не повредить трубы и радиаторы отопления.

В настоящее время этот неугомонный человек ведет уроки труда (поэтому-то я и встретил его с дрелью в руках), и при его содействии школьная мастерская переведена в более подходящее, отапливаемое здание.

НВП и физкультура неразделимы, поэтому-то и старается Иван Федорович работать в тесном контакте с молодым преподавателем физкультуры А. Гордиенко. Сам Иван Федорович поборник активного,

здорового образа жизни. Он хороший спортсмен. В подтверждение этих слов хочется привести вот такой характерный эпизод: когда Иван Федорович показывал будущий стрелковый тир, заметил подглядывающих в проемах окна мальчишек, окликнул, те побежали. Иван Федорович сделал резкий прыжок, стремительный бросок, и два нарушителя школьной дисциплины были настигнуты и, потупясь, объяснили причину своего прогула.

Огромна воспитательная роль личного примера и особенно преподавателя. Иной ограничит себя рамками программы и возможностями и на этой почве всегда найдет оправдание неделанному. Волошин не таков: он не ограничивает себя, а если его вольно или невольно стараются ограничить, он вступает в конфликт. И. делает это ради той главной цели, которая стоит перед преподавателем НВП - воспитывать здоровых, умелых, идейно убежденных защитников Родины.

Отзывается сердце

Эта встреча произошла в конце июня или в начале июля прошлого года. С тех пор я не раз мысленно возвращался к ней. Не давал покоя мне тот зуд пишущего человека, который сродни чувству старателя, стоящего на золотой жиле: драгоценный металл почти уже у него в руках, только надо начать промывку.

Я стоял на автостанции в Киевке, ожидая подхода «Икаруса» на Караганду. Время отправки уже давно прошло. Люди томились в летней духоте, нервничали, гадали: «Будет, не будет». А диспетчерская служба, как всегда, безмолвствовала. То тут, то там люди тихонько беседовали, обсуждали: за сколько купил, за сколько продал, сколько стоило тогда и сколько теперь, ахали и охали.

Тяжело! Этот быт давит и засасывает, выстуживает душу. Согреть бы ее эту душу верой в бога, да не верую я в него... И так сам становишься сереньким, маленьким. Эти невеселые мысли были прерваны вопросом: «В город едете? Здравствуйте, где Вы сейчас? » Передо мной стояла Мария Ивановна Бурлева. Этой встрече я сейчас был рад. «И Вы тоже в Караганду? » - поинтересовался я в свою очередь. «Я - нет, вот дочку с зятем и внуком провожаю», - Мария Ивановна указала взглядом на молодую пару и мальчика лет трех-четырех, стоящих чуть в стороне.

Так слово за словом и разговорились мы с ней, перебирая самое болезненное, что накопилось сейчас в этой жизни. Незаметно она мне предложила тему для критической статьи об окружающей нас среде.

- Вы на Каратале бывали? Красота! Правда! Хорошее место для отдыха. А грибов в лесополосах сколько бывает! Хорошее дело сделали когда-то люди. А теперь видели, сколько пней осталось от лесопосадки, сухих сколько деревьев стоит? Вы думаете это от старости и болезней? Нет, не только, я сама видела подпиленные стволы. С весны это делают специально кое-кто из этих «деловых», чтобы высохли, а осенью спиливают на растопку, на дрова.

Этот наш разговор кое-кому, кто нас невольно подслушивал, наверное, казался странным: на фоне разговоров о купле-продаже вдруг говорят о красотах природы. Помню, я так тогда и не сказал Марии Ивановне ни «да», ни «нет» относительно предложенной темы. А за время пути мысленно все возвращался и возвращался к этому нашему разговору на автостанции и к самой Марии Ивановне, чье сердце способно в это зачумелое время отзываться даже на боль сломанной ветки. И всю дорогу мой мозг острыми уколами прошивали

примерно следующие мысли: сейчас часто спорят: стоило или не стоило осваивать целину? Один даже договорился до такого: «Привезли людей в голую степь и бросили: работайте! А ты прежде создай условия человеку, а потом требуй от него работы, как это делается во всех цивилизованных странах». Вот те раз! Сначала освой целину, обживи, а потом уж и привези меня, «целинника». А такие люди, как Мария Ивановна Бурлева, просто жили на всю «катушку». Она, наверное, из первоцелинниц, надо узнать. Сумели они в голой степи построить сотни совхозов, целинных поселков, озеленить, благоустроить их. Они дали кров, работу, смысл жизни сотням тысяч людей. А мы сейчас преступно проживаем, проматываем то, что таким трудом создавалось. И оправданий этому нет и не должно быть!

Взять хотя бы Киевку. Люди старшего поколения сумели сделать поселок одним из благоустроенных райцентров не только области, но и республики. Киевка не раз занимала призовые места в смотрах. А во что поселок превращается сейчас год от года: тротуары разбиты, разрыты дворы (комхоз траншеи копает, а зарыть - «у нас нет денег» - просто анекдот). Ограждения и зеленые насаждения ломаются. Словом, полное запустение. Именно тогда, в дороге, у меня и родилось решение написать о жизни Марии Ивановны очерк, и на память приходило все то, что я пока знал о ней.

С мая 1983 года я начал работать и жить в Киевке. Зашел как-то к секретарю поссовета, кажется, по вопросу, связанному с моей пропиской. За клавиатурой пишущей машинки сидела вовсе не та особа, что всегда ассоциируется в нашем сознании со словом «секретарша», а улыбчивая, уже в годах, настоящая русская женщина. Это и была Мария Ивановна Бурлева.

Потом, так сказать, по долгу службы мне частенько приходилось заходить к Марии Ивановне: узнать домашний адрес интересующего меня лица, некоторые анкетные данные, состав семьи, семейное и материальное положение и т. п., и я всегда получал полную, исчерпывающую информацию. При этом Мария Ивановна почти никогда не смотрела в «домовую книгу» и другие справочные записи. Чувствовалось, она в поселке живет давно, для многих своя и лично знакома с теми, о ком говорит. Более того, выдавая информацию, она иногда выходила за рамки: не просто констатировала, а эмоционально комментировала те или иные факты. Нет, нет, ничего похожего на сплетни или там наветы: она искренне радовалась, огорчалась, переживала за односельчан.

Спустя десять месяцев после описанной встречи на автостанции я вновь беседую с Марией Ивановной, но уже у нее дома, и эта встреча.

так сказать, плановая. Когда я спросил, располагает ли она временем для беседы, она ответила: «Сегодня - третий день Пасхи, не принято у нас в эти дни работать, а уж завтра займусь своими грядками. Так что, пожалуйста. Только что обо мне писать, может, не надо?» - в раздумье добавила она. На столе в красном углу на небольшом серебряном подносе, окаймленном ожерельем из крашенных яиц, красовалась пасха. Тишина и уют, только мерно тикают часы. Волнуясь, Мария Ивановна начала «с самого начала», со своего детства - детства военной поры. Постепенно она «забывается» и уже говорит спокойно и ровно. Теперь уже волнуюсь я: как бы все это удержать в памяти? И угнетает мысль: жаль, что в этом коротком очерке для районной газеты не смогу полностью использовать этот богатый материал.

Казалось бы, такая типичная судьба девочки-подростка военного поколения Маши Бурлевой из колхоза им. Сталина Кишерского района Пермской области. Но сколько в ней своеобразия, напористости. Вот «сгусток» жизни тех дней и лет из фактов, событий и ее мечты.

Семья - мать и семеро детей. Старшие: Петр и Николай уже вне дома: первый - на фронте, второй - в трудармии (у него больная рука), третий брат, Федор - глухонемой, работает в колхозе. Старшая сестра, Валя, с 14 лет работает в карьере, там дают хлебную карточку на 600 граммов, а в колхозе - как придется. Остальные младше Маши, которой к началу войны шел двенадцатый год.

Девочка-подросток работает на всех участках колхозного производства (куда пошлют) и даже на лесоповале. Постоянное чувство голода, ожидание дождливого дня, когда можно будет выспаться. Когда классная руководительница осенью в школе по традиции спросила своих учеников о том, кто и чем занимался в летнее время, Маша на этот вопрос ответила так: «Я заработала сто трудодней» (годовой минимум для колхозника - 125 трудодней). А затем смерть матери уже в 45-м от дистрофии (истощение), болезнь младших рахитом, а после возвращения с фронта смерть старшего брата Петра. Голод, усталость, болезни, утраты, но не только. Были и радости: окончилась война. Маша одна из своих сверстниц все-таки окончила семилетку, получила медаль «За доблестный труд» и к ней - два метра ситца в горошек на платье. Молодость брала свое, по окончании войны Маше уже шел 16-й год. Активная комсомолка с семилетним образованием, а это в то время для деревни - многое. Маша Бурлева нужна была селу. Ей предложили работать секретарем сельсовета. Проработала четыре года. Вела активную жизнь: входила во всякие кружки, комиссии, комитеты. А жилось в их местности еще очень трудно. Да и родная деревня уже становилась для Маши тесной,

хотелось, как говорится, и людей увидеть, и себя показать. А по стране уже повсюду звучало: Целина! Райком комсомола в путевке Марии Бурлевой отказал, сказали: «У нас тоже людей не хватает». И тогда Мария «ушла в партизаны»: старшая сестра Валя, работая в карьере вольнонаемной, дружила тогда с мобилизованной немкой из Киевки Марией Генш. Она их и познакомила. Вот так Мария Ивановна Бурлева и оказалась здесь, в Киевке.

Целина - она, как жизнь, тоже у каждого своя, как мудро гласит пословица: «Человек предполагает, а Бог располагает». Целина у многих из нас ассоциируется в первую очередь с первой бороздой, палатками, вагончиками, точками, засыпанными золотистыми буртами пшеницы. Этого «в чистом виде» у Марии Бурлевой не было, хотя приходилось и бывать на полевых станах, и работать на токах. Мария некоторое время работала продавцом дежурного магазина в поселке Киевка. Как-то зашел один покупатель, разговорились, и он, узнав, что Мария четыре года работала секретарем сельсовета, предложил ей работать секретарем исполкома Киевского поссовета. Покупателем этим оказался председатель поссовета Федор Лукьянович Ткачев. И так, с 20-го марта 1957 года, т. е. ровно 30 лет, бессменным секретарем исполкома Киевского поссовета являлась Мария Ивановна Бурлева. Менялись председатели: Ткачев, Пустовалов, Швец, Искаков, Интыкаев, Рахимов, а она аккуратно, терпеливо, со знанием день за днем делала свое дело.

Если кто-то считает, что секретарь поссовета - это отпечатать протокол заседания исполкома, выдать справку, то он глубоко ошибается, ибо это далеко не так, во всяком случае тогда это было не так. Что конкретно входило в обязанности секретаря поссовета, трудно определить, да никто тогда и не пытался определить, сама жизнь поселка ставила задачи и давала оценку ее работе. Надо было знать людей, уметь легко входить с ними в контакт, ведь многие решения, постановления исполкома, поссовета, да и райсовета реализовывались большей частью через секретаря. Будь то чистота, санитарное состояние дворов, разбивка палисадников или госпоставки молока, мяса и т. д. А всевозможные переписи, комиссии и ревизии! Что греха таить, на сессиях, исполкомах - поговорили, решили, постановили, а на практике осуществляют все это порой только председатель и секретарь. И еще, это теперь пропиской занимается специальный отдел РОВД, а с призывниками работает отдел военкомата, а ведь было время, когда и это входило в обязанности секретаря поссовета.

На глазах Марии Ивановны и при ее участии росла и благоустраивалась Киевка. Возводились новые административные и

культурно-бытовые объекты, озеленялись и асфальтировались улицы, прокладывались тротуары. И люди поселка росли тоже на ее глазах.

- Да, Киевка неоднократно занимала первое место в областных смотрах по благоустройству райцентров, подтверждает Мария Ивановна, а как это все доставалось! Было даже так: вот эта улица - моя, а эта - заместителя председателя Киреева, и шли по домам, убеждали, упрасивали, требовали убрать навоз, не сыпать золу, разбить у фасада дома палисадник. Требовалась помощь - помогали. В этом плане легко работалось с Мукатаем Исаковым: тот, если кто-то из руководителей предприятия игнорировал решения, нарушал или уваливал от работы по благоустройству, непреклонно заявлял: «Изволь - сначала Советская власть, а потом уж вы».

«Горько видеть, - заключает моя собеседница, - что все то, что делалось, приходит в упадок, запустение, и дело тут не только в финансовых трудностях. Что-то сломалось в людях, нет желания, спроса, контроля». И тут она поведала мне о «тротуаре Федора Гензлера» - рабочего комхоза, проложившего вручную без техники (носилки, лом, лопата) тротуар от угла бывшей почты в сторону автостанции. В противоположность этому я напомнил Марии Ивановне ее рассказ об участии лесопосадки на Каратале. «Вот, вот, - подхватила и развила мою мысль она, - и такую память тоже оставит о себе человек».

В конце нашей беседы я спросил ее о том, как она относится к работе Советов и, в частности, к своей, которой отдано тридцать четыре года жизни. Она, помолчав, ответила: «Не жалею о том! Мы все-таки делали для людей нужное дело! Хотя и ненужной мишуры тоже много было. Я и тогда, до «перестройки, демократии и гласности», об этом говорила. Говорила нашему кэзэбэшнику Виктору Михайловичу, и ничего - живая, - смеется Мария Ивановна. - Помните, уж больно бумаги много изводили. Пройдет сессия или исполком и - целая папка. Устаеть от этого, когда знаешь: ни- к-че-му! А надо просто быть в одну ногу с людьми».

Вот такая она - Мария Ивановна Бурлева.

Цветы Ольги Гаун

- Трава была высокая, по плечи мне. и зеленая-зеленая. а тропинка желтая-прежелтая. Я тогда еще сама... бегала. Мы в то время жили в Ондрусе. Дедушка работал в кузнице, а я по этой тропинке всегда носила ему обед. Помню еще закат кроваво-красный. в полнеба. Наши говорили: завтра будет ветрено, сменится погода. Они боялись дождя: мы в то лето переехали в Киевку и строились, накануне только закончили формовку самана. И действительно, назавтра прошел ливень. Ой, какой ливень! Больше таких ливней я уже никогда не видела. Из-за Кундузды напозла громадная, черная-черная туча, стало темно, как ночью. На темном небе извивались яркие молнии, к земле протянулись косые свинцово-сизые полосы. А после ливня как было красиво! Над головой сияло яркое солнце, от этого громадная туча ушедшая на восток, казалась еще чернее. А на ней две радуги: одна большая и яркая, другая поменьше и как бы в тумане. Ты представляешь? - Ольга умолкает. Я вновь киваю в знак того, что «представляю».

- Опять киваешь. - смеется Ольга, а я вновь удивляюсь: как она узнала?

Память Ольги цепко хранит, удерживает картины, краски детства. «А удержала ли?» - ловлю я себя на мысли. Можно сравнением проверить форму, объем, массу, расстояние - показать это. Но как проверить цвет, краски? Какие же теперь цветы в представлении Ольги?

- Сирень очень люблю, - говорит она. Я еле удержался вновь от вопроса: за цвет или запах она любит сирень? Конечно же, в ее положении ее сирень - это только запах, только аромат цветущей сирени...

Прошло более двадцати лет, как краски совершенно померкли для Ольги. Она ослепла. Нет, нет. Только жалеть - значит, незаслуженно обижать Ольгу Гаун. Жалость нужна только тому, кто теряет, а Ольга умеет приобретать. Научилась, нашла в себе силы. И новые краски наполнили жизнь Ольги. Сколько ею приобретено за эти годы! Одно удивляет ее:

- Я не могу научиться ориентироваться. - сетует она. - Иногда выйду во двор развесить на веревке стирку, закручусь и уже в дом не могу попасть. Хорошо, если со мной выйдет Мурка...

Еще при первом знакомстве я обратил внимание на это трогательное существо: кошка сидела на табурете, стоящем у печки, и внимательно, изучающее смотрела на пришельца, беседующего с ее хозяйкой. Кошка

всегда старается услужить любящему ее человеку. Стоит Ольге во дворе сбиться «с курса», Мурка тотчас приходит ей на выручку: трется о ноги хозяйки, мурлычет, проходит вперед - ведет Ольгу.

Да, Ольга совершила подвиг, совершает его изо дня в день, буднично, незаметно. В чем он проявился? Внутренний мир Ольги широк и многокрасочен, ему может позавидовать и иной зрячий человек. Трудно переоценить значение книги в формировании личности Ольги. Овладев грамотой по системе Брайля самоучкой, она окунулась в прекрасный мир книг. Ольга показывает список прочтенных ею книг, который она аккуратно ведет с самой первой книги в своей жизни. Читает: Стендаль - «Красное и черное», Драйзер - «Сестра Керри», Достоевский - «Преступление и наказание», Юлиан Семенов - «ТАСС уполномочен заявить». В списке - русская и зарубежная классика, произведения советских писателей. Прочитано 567 книг. Это не считая периодических изданий. А она выписывает журналы, издаваемые рельефно-точечным шрифтом, и читает их от корки до корки. А сколько прослушано «говорящих книг». Ее старенький магнитофон «Дайна» пропустил через себя множество лент, знакомя Ольгу с историей, географией. Она постоянная читательница Карагандинской и Алма-Атинской спецбиблиотек, участница читательских конференций и победительница многих конкурсов, проводимых этими библиотеками.

Как-то я обратил внимание на многочисленные корешки брайлевских изданий. Здесь «Лирика» Владимира Высоцкого, «Рассказы» Василия Шукшина, другие издания. Только названия книг и можно прочесть большими буквами, а дальше - точки, точки, точки. А так хотелось. Но Высоцкого и Шукшина сейчас нелегко достать. Я сказал об этом Ольге. Она, загадочно улыбаясь, попросила принести ей писчей бумаги. Я выполнил ее просьбу. И как-то забыл об этом. А через неделю Ольга вручила мне... «Лирику» Высоцкого, отпечатанную на машинке. А еще через месяц Ольга «перевела» для меня и рассказы Шукшина.

Оказывается, она свободно может работать на обычной пишущей машинке. В клавиатуру ее «Москвы» брат Шура вмонтировал брайлевский шрифт. И теперь, «читая» одной рукой рельефно-точечное издание, она другой рукой переводит его на плоскпечатное.

Конечно же, как и любой незрячий, большую часть информации Ольги получает через слух: эфир поистине родная стихия Ольги. Сколько прекрасного, мудрого вошло в сознание по радио! Она приобщилась к миру серьезной музыки, любит и знает современную эстрадную музыку. Обладая хорошей музыкальной памятью, она с

первых тактов узнает произведение, может назвать и автора, и исполнителя, и историю его создания, и биографию композитора. Особенно любит слушать радиоспектакли.

С утра и до позднего вечера не смолкают ее верные спутники: «Меридиан», «Дайна», «Астра». Книжки и радио для Ольги - окно в большой мир. Удивляешься широте знаний и взглядов этой женщины, лишенной возможности непосредственного зрительного контакта с людьми, с жизнью.

И еще: нельзя не отметить, пожалуй, самые лучшие черты Ольги - искренность, кристальную честность, трудолюбие. В быту она всегда старается не только сама все делать за себя, но и помочь ближнему. Кто-то сказал: самая великая из побед - это победа над самим собой. Ольга одержала ее.

Являясь членом Нуринаской межрайонной первичной организации Казахского общества слепых более 20-ти лет, она всегда активно участвует в общественной жизни. Неплохо играет в шашки, всегда посещает лекции, а в настоящее время ведет кружок громкого чтения. Живет интересно, полнокровно. Это ли не подвиг в ее положении!

Шел смертный бой

Родился Шакир Камбаров здесь же, в Кызыл-Жулдусе, в 1918 году, на заре Советской власти. Однако и на его долю в детские годы трудностей хватило с лихвой. Отец Шакира, батрак Камбар, гнул спину на бая Мынбая, а сам мальчик до самого снега бегал босиком за чужим скотом.

Учиться, учиться и еще раз учиться - этот крылатый ленинский призыв, обращенный к молодежи молодой страны Советов, долетел и сюда - к берегам Нуры. Старый Камбар давно приметил тягу своего сына к печатному слову и всячески поощрял эту страсть. А когда узнал, что в сорока километрах от них в Казгородке есть школа, отвез туда Шакира. А ведь в то время решиться на такое было не так просто, чтобы проведать сына, у зажиточного хозяина приходилось нанимать лошадь, за что потом нужно было отрабатывать.

В 1932 году, будучи учащимся школы, Шакир вступил в комсомол, стал активным проводником новой жизни. Участвовал в агитационных беседах с местным населением, принимал участие в работе избы-читальни. Это было не только ново и интересно, но по тем временам еще и опасно. Однажды Шакир был жестоко избит сыновьями кулаков, но это только лишний раз подтвердило правоту его выбора.

Окончив семилетку, работал в советских органах, а перед призывом на действительную военную службу, в 1939 году, пришлось Шакиру и учительствовать в той самой школе, где учился сам. Служить ему довелось в Белорусском военном округе, но мирной службы на долю Камбарова выпало всего несколько месяцев.

Сначала участвовал в финской кампании, а затем вместе с товарищами по оружию, верный своему интернациональному долгу, пришел на помощь латышскому народу, поднявшемуся против фашистского режима Ульманиса.

Где же еще был советский солдат, сапер Шакир Камбаров? Строил мост дружбы в уже советской Молдавии, служил на западной границе. С оружием в руках встретил на передних рубежах фашистские полчища. В полную меру довелось ему хлебнуть горечи отступления. В первый же месяц войны Шакир был ранен. Однако в госпитале, в Гомеле, задержался недолго - рана оказалась не тяжелой, да и фронт продвигался все дальше на Восток.

Снова родной саперный батальон. В это время, уже будучи сержантом, Камбаров вместе с товарищами делал все, чтобы задержать противника и не дать ему воспользоваться водными переправами,

железнодорожными мостами и другими стратегическими объектами. И так через Белоруссию, Украину, Россию: взрывая, круша все после себя, теряя боевых товарищей. Но час расплаты настал.

Неудержимой лавиной шли советские войска на запад, и теперь уже сапер-лейтенант Шакир Камбаров шел впереди, помогая нашим наступающим частям преодолевать минные поля, водные рубежи и болотные топи. Уже замелькали знакомые названия городов: Орша, Минск, Гомель. За взятие Бобруйска лейтенант Камбаров был награжден орденом Славы второй степени.

Война для Шакира закончилась в сорок четвертом в Польше, на Варшавском направлении. Его саперная часть обеспечивала переправу через безымянную речушку. Противник бил из глубины обороны тяжелой артиллерией, стараясь сорвать переправу и остановить наступление. Вой тяжелого снаряда, от которого воздух казался густым и липким... Да, у Камбарова было, наверное, так как в стихах у А. Твордовского: «Я не слышал разрыв и не видел той вспышки - точно в пропасть с обрыва, и ни дна, ни покрывки...». А потом для Шакира наступило безвременье, сплошная ночь и тишина. Госпитали, операции, боль - было все. Прошло очень много времени, прежде чем он осознал, что жив, без руки, ослеп и оглох, но жив - тайна могучей природы. Слух частично восстановился, он даже радио слушает, а значит, как он сам считает, не теряет связи с внешним миром.

Государство помогает бывшему войну. Камбаров получает пенсию, есть у него машина, переданная в его пользование государством. Не забывают его односельчане, друзья-ветераны.

Закончить рассказ о Камбарове мне хотелось бы тоже стихами:

Шел смертный бой, земля в огне кипела.

Был сужен мир до прорези прицела.

Но мы, полны решимости и веры,

Ему вернули прежние размеры...

Да, они живые и мертвые, подарили будущим поколениям большой, светлый, счастливый мир. Безмерны уважение и любовь наша к ним.

Труд - вся жизнь

Нам бесконечно дороги и близки каждая дата, каждая строка в биографии страны Советов. Нам дороги люди, стоящие у истоков Советской власти, у истоков нашего государства. В преддверии 60-летия Великого Октября мы все пристальней всматриваемся в легендарные годы и узнаем новые факты, новые имена. Своеобразным открытием для меня было имя Омара Сыздыковича Сыздыкова.

Его судьба неразрывно связана со становлением и развитием сельского хозяйства в нашем районе. Сейчас Омар Сыздыкович живет в Казгородке, ему уже за семьдесят. Трудно поверить в то, что еще четыре года назад он вместе со своими сыновьями участвовал в уборке хлебов и его руки, по-прежнему сильные, сжимали баранку грузовика, отвозившего хлеб от их комбайнов.

Самая яркая картина в его жизни: один из ноябрьских дней 1919 года. Омар Сыздыкович запомнил его хорошо. Большими хлопьями шел ночью первый снег. Выйдя утром из дома, пятнадцатилетний паренек поразился происшедшим за такое короткое время переменам. Долго стоял он, устремив свой взор в побелевшую степь и вслушиваясь в тревожную тишину. К обеду чудесная картина растворилась. Сотни верблюдов и лошадей, груженные выюками, недовольные верховые смешали с грязью белый снег. Кругом слышалась ругань, раздавались выстрелы. Через аул, туда, к китайской границе, отступал колчаковский обоз.

Новая жизнь началась и в некогда забытом ауле. Первое знакомство Омара с техникой состоялась в 1929 году в одном из совхозов Акмолинского уезда, куда его вместе с другими молодыми парнями направили учиться на тракториста. После окончания курсов он продолжает работать там же, постигая сложные машины. А потом, когда в родных местах организовывались первые советские хозяйства, переехал в «Кзыл-Казахский» совхоз.

Для сельского хозяйства страны это были бурные годы роста. В совхоз поступала новая незнакомая техника, а знаний у Омара явно не хватало. Петропавловский зернотрест направляет Сыздыкова на Кубань. (Петропавловск являлся в то время центром области, в состав которой входила и нынешняя территория Нуринаского района).

Учиться было трудно. Занятия вели наряду с советскими американские специалисты. Через переводчика-еврея, который не блистал знаниями русского языка, изучал Омар технику, ввозимую в нашу страну из Америки.

После завершения учебы он вернулся в совхоз «Кзыл-Казахский» и в должности старшего механика проработал до 37-го года, а когда в помощь колхозам была создана Кзыл-Казахская МТС, расположенная в Казгородке, его назначили туда механиком.

Интересная и многогранная работа в МТС увлекла Сыздыкова. Машинно-тракторный парк насчитывал в то время 80 единиц техники: 2 трактора «ЧТЗ», 30 колесных «СХТЗ», 5 «Универсалов», 36 комбайнов и т. д. Общая посевная площадь 12 колхозов, обслуживаемых МТС, насчитывала 11 тысяч гектаров.

Много сделал Омар Сыздыкович для становления колхозов, пребывая сначала в должности главного механика, а с 1939 по 1954, включая и годы войны, был директором МТС.

При его активном участии в первые годы войны по ускоренной программе были подготовлены десятки девушек и подростков, заменивших у рычагов тракторов своих отцов и старших братьев. Победа ковалась в тылу усилиями заводов и фабрик, у штурвалов хлебных комбайнов. Только за годы войны посевная площадь колхозов нашего района увеличилась вдвое и составила 22, 7 тысячи гектаров. Хлеб непрерывным потоком поступал на заготовительные пункты, а там - на фронт.

Страна по достоинству оценила труд неустанного труженика. В 1947 году Омару Сыздыкову был вручен орден Трудового Красного Знамени. Затем к нему прибавились и другие правительственные награды.

Сейчас Омар Сыздыкович на заслуженном отдыхе, но, как и прежде, много времени у него занимает общественная работа - воспитание подрастающего поколения. Его часто можно видеть в школе, на комсомольских собраниях.

При каждой встрече с молодежью ветеран труда использует примеры из трудовой биографии людей своего поколения, рассказывает о своем пройденном жизненном пути. А трудовая биография его поучительна для других. Трудом Омар Сыздыкович посвятил более 50 лет, вырастил достойную себе смену: трое его сыновей имеют высшее образование, учатся в институте и младшая дочь, трудится в совхозе четвертый сын Сыздыковых.

Делясь своими впечатлениями о проекте новой Конституции СССР, О. С. Сыздыков выражает большую благодарность Коммунистической партии и советскому правительству за обеспеченную старость. А это возможно только в стране Советов, где воплощением стал принцип: «Все для человека, во имя человека».

По высоким принципам

Встретились мы с ним в начале весны. Кажется, все остатки холода сконцентрировались теперь здесь, за толстыми бетонными стенами ремонтной мастерской. Непривычно тихо. Так бывает накануне весенней страды, когда «стальные кони» уже «подкованы на все четыре».

В конце цеха с размотанными гусеничными траками стоит «ДТ-75». К его обнаженным опорным каткам прислонены поддон картера, топливный бак. Из-под трактора слышится стук гаечного ключа, дыхание человека, с напряжением затягивающего гайки. На синей дверке машины выведен номер - 108. Так и есть - это трактор моего давнего знакомого Леонида Людвиговича Бусса.

- Здорово! - отвечает он на мое приветствие. - С чем пожаловал?

Он неторопливо выбирается из-под трактора, вытирает ветошью замасленные руки. Усаживается на скамейке, завязывается разговор. О чем? Конечно же, о делах. В печати опубликованы проект Закона о трудовых коллективах, материалы совещания в ЦК КПСС первых секретарей ЦК компартий союзных республик, райкомов и обкомов, на котором рассмотрены некоторые практические вопросы сельского хозяйства. Естественно, они волнуют моего собеседника, ведь в содержании их - повседневная рабочая жизнь миллионов таких тружеников, как Леонид Бусс.

- Мой трактор. - говорит он, - «стал на линейку готовности» еще в феврале. Сейчас перебираю заново. В отпуск не пошел.

Трудно определить: чего больше в его голосе - негодования на очковтирателей или удовлетворения тем, что вот теперь свой трактор он отремонтирует как следует. Во всяком случае, пессимизма, который частенько проскальзывает в таких ситуациях, не было, лишь твердая убежденность человека в своих силах.

- Черт с ним, с отпуском, зато через дня два мы выскочим. - Леонид Людвигович похлопывает по радиатору промасленной рукой. Уже четыре зимы работает Леонид Бусс в котельной дачада. С наступлением весны садится за рычаги своего 108-го, обслуживая дождевальную машину. На многие дни зависает над его трактором живительная радуга. Вот и теперь торопится: вот-вот начнутся посадка и уход за овощными культурами, которые доверяют только ему.

Леонид Людвигович настоящий хозяин на земле, и больно смотреть ему на беспорядки, беспхозяйственность. С горечью говорит о

непроизводительных затратах на материальную базу поливного хозяйства.

- Дорогостоящие дренажные трубы в беспорядке валяются по всему огороду, исковерканные гусеницами тракторов, порой не пропустив через себя ни кубометра воды. Бесконечная чехарда с «кочующими» арыками: нарезаются они то вдоль, то поперек поля, а в результате поверх почвы - песок да солонец. Или другой пример. Последние годы то ли из-за дефицита горючего, то ли из-за отсутствия огнеметов старник - трава по арыкам - не выжигается, а по уже окрепшему за сезон руслу вновь пускают арыкокопатель. Это несет большой вред: потревоженный арык заплывает песком, разрушается, вода по нему не всегда доходит до места.

Это говорил человек, уверенный в своей правоте. Все сказанное прошло через его сердце.

- Сажаем и ухаживаем мы за многими культурами, - продолжал он. - А что сдаем? Пожалуй, только картофель, ну иногда капуста доходит до потребителя. А что творится с овощами, особенно ранними? Редис, как правило, «идет в стрелку». Глянень - белое море цветов. А огурцы? В позапрошлую осень поехали зябь пахать. Зашел на поле - ногу некуда поставить: лежат желтяки величиной с поросенка. Загнал в поле трактор, и только брызги из-под гусениц.

Сказал Леонид Людвигович эту последнюю фразу и надолго замолчал, выбирая в ящике нужный ключ. День - это дело, и мы простились.

Леонид Людвигович Бусс прожил нелегкую, но содержательную жизнь. В скупых строчках его биографии спрессованы личность, характер человека. Родился в селе Битюги Тульской области. Подошло время, и с десятком сорванцов, с кем еще вчера гонял по улице, стоял он 1 сентября в белой рубашке на первой в его жизни торжественной линейке. Такое счастье выпадало на его долю трижды. А потом началась война, вихрем сорвала с родных мест и разбросала по стране людей. Семья Буссов оказалась в ауле Жан-Тике Кургальджинского района бывшей Акмолинской области.

В пятнадцать лет Леонид Бусс был колхозником хоть куда. Зброшен пастушеский кнут, пашет на быках, сеет, косит наравне со взрослыми. И так до двадцатилетнего возраста.

В 50-м колхоз направил его на курсы трактористов при Кургальджинской МТС. С этого времени и исчисляется его непрерывный стаж механизатора. Пожалуй, нет ни одной марки трактора или комбайна, на которых бы он не работал.

Первой его наградой стал значок ЦК ВЛКСМ «За освоение новых земель», врученный ему в 1956 году. Это было время, когда в целинную степь, места, ставшие ему родными, со всех концов Союза спешила молодежь. И он, Леонид Бусс, на легендарном «ДТ-54» вместе с новоселами расширял до горизонта плодородные поля, по которым когда-то подростком шел за быками, сбивая до крови босые ноги...

- А как попал в наши края? - спрашиваю у него.

- Добровольно, - улыбается он. - Здесь жила Таня Эбергардт. Мы - туляки, земляки, словом. Так и стало село Ивановка Нурина района родным для нас и наших детей.

Леонид Людвигович - человек работающий, степенный. «От людей на деревне не скроешься, не уйти от придирчивых глаз...» - поется в известной песне. То ли отбивался от «веселой» компании, то ли в отместку за его «несговорчивость» сельские остряки придумали, что он, якобы, сказал о себе: «Я водки за свою жизнь выпил меньше, чем курица воды за зиму». Как бы то ни было, а это - правда.

- Ну, какой из пьющего работник? - возмущается он. То «я с похмелья», то «где бы похмелиться», а то «ты знаешь, как я работал». Вот весь он на это и уходит. И действительно, видно, как ему тяжело, и действительно, знаешь, что работать он умеет, но...

Живет на земле целинной человек, на первый взгляд незаметный, без больших претензий, но всей своей жизнью, поведением утверждающий нравственные и трудовые принципы.

На таких мир держится

- Здорово, земляк! Что, голосуем? - приветствовал меня Виктор Федорович Вольман, вышедший тоже за поселок на автотрассу Киевка-Ивановка «голосовать».

- Не берут сейчас, - продолжал он неопределенно, то ли спрашивая, то ли утверждая.

К попуткам мы раньше прибегали в том лишь случае, если уж очень спешили и нам было недосуг дожидаться часа отправки маршрутного автобуса. А сейчас же автобус неделями не выходит, и попутка остается единственным способом передвижения до райцентра и обратно. Времени у нас с Виктором Федоровичем было предостаточно, и мы, оттолкнувшись от проблемы «как уехать», говорили, так сказать, о времени, о нравах, о себе.

- Наконец-то выдали пенсию. Получил я эти свои кровные денежки и приехал в райцентр за покупками, - Виктор Федорович встряхивает своими узелком. - Сахарок везу два килограмма и целую упаковку спичек.

- Вот они - гримасы дикого рынка. Покупательская способность большинства людей на нулю. Полки рабкооповских магазинов пусты. Их только сторожат: днем продавцы, а ночью - сторожа. Вот и едут теперь люди в райцентр за самым необходимым или даже в город.

- Торгуют на домах, торгуют с машин заезжие «гастролеры», торгует почта: жевачки, шоколад, соки. А мне, крестьянину, где и как приобрести лопату, гвозди, топор, ведро, да мало ли чего нам надобно в хозяйстве. - сокрушается Виктор Федорович. - Ни до войны, ни в войну, ни после такого упадка не было. Чтобы сейчас не говорили, но работа всегда ждала нас. В 43-м мне было тринадцать, а я уже всю работу выполнял. Сейчас же двадцатилетние не могут нигде устроиться. Ты посмотри, что творится у нас в совхозе или, как его сейчас называют, ПХТ: тащат с производства молоко, комбикорма. Нет, при таком отношении к государственной, ну пусть кооперативной собственности, мы далеко не уйдем. Все стонут и кричат: развал. Винят определенные лица, перестройку, демократию и реформы. Да ничего подобного! Нужен элементарный порядок, и можно наладить нашу жизнь.

И вот тут Виктор Федорович на примере своей бригады показал, как было когда-то нелегко возглавить уже развалившийся коллектив, и как он потом много лет возглавлял его. С этого момента нашей беседы я уже исподволь стал корректировать, направлять рассказ Виктора Федоровича в нужное мне русло, потому что мне очень захотелось

всем поведать об этом человеке, человеке-труженике, которого теперешняя идеология назойливо пытается затмить предпринимателями и бизнесменами. А я считаю, что не на них все-таки мир держится!

В свои одиннадцать лет он со своей семьей: отец, мать, трое братьев и сестра, уже коротал студеные дни и ночи зимы 42-го года на земляном полу одной из комнат школы заснеженной Ивановки. Далеко в прошлом навсегда остались родной дом в небольшом поселке при спиртзаводе Тульской области, друзья, школа. Кстати, в школу Вите вообще больше не пришлось ходить, так и ограничились тремя классами его «университеты». В Ивановке на постой уже определить не могли - в каждой хате поселились семьи немцев или чеченцев. До весны прожили в школе, а по весне определили семью Вольман в так называемое общежитие на Красном берегу. Общежитие - комната, в которой жили семьи: Шнайдер, Гольштейн, Витт, Вольман - воистину общежитие. Опускаю рассказ описания картин того быта - длинно и тягостно.

С сорок третьего года, т. е. в 13 лет, началась трудовая биография Виктора Федоровича - главное содержание, основной показатель и мерило его формулы жизни. Работал на многих участках колхозного производства, но вовсе не потому, что был «летуном», а потому, что не было узкой специализации, для пацанов тем более, и еще потому, что Витя не по возрасту серьезно относился к любой порученной работе. Был таким, о ком в народе не злобно, с юмором и в общем-то одобрительно и сочувственно говорят: «Работа любит дураков».

Вот очень характерный пример. В пахотный сезон сорок седьмого на быках он один вспахал двести гектаров целины и залежных земель. А бригада - двести сорок га. Нет, Виктор не вышел из колхоза, бригады - просто отдельное поле, другой вид тяги, а, следовательно, и отдельный учет.

Разница всего на сорок гектаров, но это настоящий трудовой подвиг. Виктор твердо взял себе за правило: норма - пять кругов до обеда, пять - после обеда. Один круг - два километра, итого: десять на два - двадцать. Это не просто даже пройти, прогуливаясь. И вот так изо дня в день без выходных, в любую погоду. Это, так сказать, штатная ситуация, а ведь наставал день, когда приходил срок снимать лемеха и нести в сельскую кузню Смакову Нурмагамбету «оттянуть». И снова пешком и с грузом почти от озера Жаманколь до Ивановки и обратно. Что вело тогда Виктора постоянно вперед? Молодость, трудолюбие и еще те чувства, о которых сейчас стесняются говорить - романтика трудового подвига, желание своим трудом помочь великой родине

скорее залечить раны войны. Эти чувства у большинства честных тружеников были чисты и искренни.

За один только сорок седьмой год Виктор получил на трудодни более трех тонн пшеницы, за которую тогда семья Вольман и купила хату в Ивановке.

В пятидесятом Виктору уже страстно захотелось стать трактористом. О своем желании он заявил тогдашнему председателю колхоза «Трудовик», но тот не дал направление на курсы, ссылаясь на нехватку в совхозе рабочих рук. Однако желание парня сесть за фракционы «ЧТЗ» и «НАТИ» было слишком велико. Он давно уже «втихаря» эту технику освоил, нужны были только права. Характер у Виктора уже оформился, и он решает пешком отправиться в МТС, которая дислоцировалась в то время в Казгородке и в молодых парнях очень нуждалась.

Вот так Виктор стал трактористом, а затем известным механизатором. Но за фракционными пришлось посидеть относительно недолго. В пятьдесят шестом правление колхоза предложило Виктору Вольману возглавить тракторно-полеводческую бригаду, в которой работал. Существует распространенное мнение, что в руководящую «обойму» колхоза, совхоза приводят кого диплом, кого «красная книжечка». Ни того, ни другого никогда у Виктора Вольмана не было. Значит, к чести тогдашнего председателя колхоза будет сказано, что усмотрел он в этом трактористе равнодушие к колхозным делам, трудолюбие, умение контактировать с людьми и влиять на них, одним словом - личность, характер. Уже в апреле пятьдесят седьмого года председатель колхоза, проезжая как-то по полям бригады Вольмана, обнаружил молодые зеленые всходы сантиметров на десять-пятнадцать высотой.

- А это что? - с нескрываемой растерянностью спросил председатель бригадира.

- Это ячмень, а там вон овес, - наивно пояснил бригадир.

- Это знаешь что? Это своеволие! А ты знаешь кто? Ты - враг народа.

Насколько это заключение было искренне и серьезно, трудно сейчас судить, да к тому же на дворе был уже пятьдесят седьмой, а в Кремле - Никита Сергеевич. Потом еще и ребята бригады заступились за бригадира, а мнение таких механизаторов, как В. Шнайдер, В. Горный, Л. Ковеза, было не последним. Но главное и решающее - победителей не судят. Урожай был небывалый, ячмень стоял в рост человека, по тридцать центнеров намолотили - это на «нелегальных», а на легальных по восемь еле-еле наскребли.

Вот еще два характерных примера. Было это уже когда Ивановка стала отделением совхоза «Индустриальный». Во время посевной на планерке директор совхоза В. Ф. Вольф, по-отечески похлопывая бригадира третьей бригады В. Жернакова, приговаривал: «Считай, Володя, цветной телевизор уже стоит на вашем полевом стане. Давай, дави». Виктор же не стерпел и со всей ответственностью в ответ на данное замечание своему коллеге заявил: «Это мы еще посмотрим. Вы внимательнее присмотритесь, по каким полям они ведут сев, там же овсюг уже по колено, а наши поля, как стеклышко».

Бригада Вольмана сев завершила раньше жернаковцев, но то ли суждение было необъективно, то ли бывший директор не привык менять уже приятное решение, но телевизором все же наградили третью. А Виктор Вольман ушел с бригадирства. Дело, конечно, не только и не столько в телевизоре - дело в принципе. Правда, через некоторое время В. Ф. Вольф сам предложил Виктору ту же бригаду, а она к тому времени влачила жалкое существование, многие трактористы ушли в другие коллективы, произошло техническое разукomплектование. Но, несмотря на это, Виктор Федорович сумел собрать вокруг себя новый костяк, технически «переворужил» и вывел бригаду в передовые.

А это было уже в семьдесят втором, когда Вольман был механиком первой бригады. Он с таким трудом восстановил все девятнадцать жаток «ЖВН-6» к уборочной, а тут приказ: отцепить жатки, оставить тут же, на полевом стане, и идти дальше прямым комбайнированием. Виктор уже на опыте знал, что жатки так могут и зазимовать на поле под снегом, и настоял на том, чтобы демонтаж провели на машдворе. И завертелось. Докладная директору: «Срывает уборку...». Ну, в общем, вызвали на «ковер» к директору совхоза Н. А. Полеводину, а тот предложил сдать дела и - на трактор.

Последние четырнадцать лет Виктор Федорович трудится слесарем в РММ. Нет узла и механизма во всех сельхозмашинах, которые не покорились бы золотым рукам Виктора Федоровича. А сколько он изготовил и отремонтировал для сельчан насосов и моторов, а также других приспособлений, необходимых в быту.

- Нет, трудом и только трудом здоров, силен и красив человек, - в который раз думал я, слушая там, на трассе, Виктора Федоровича Вольмана. И на душе становилось спокойнее и теплее, что не перевелись еще в наше смутное время такие работяги.

Не лицемера

Бичевать порок или превозносить добродетель в ком-то - это проще, безопаснее, скромнее. Но мне кажется, читать кому-то мораль, пряча свое «Я» в «тенечек от солнышка» - это уже аморально. Вот поэтому объектом, «анатомическим скелетом» я выставляю себя. Знаю: кое-кто подумает - наживает дешевый авторитет, кое-кто припомнит мне: мол, где-то, с кем-то и когда-то. А я и сам не собираюсь ничего из этого отрицать. Итак, алкоголь и я.

Понятно, суждения мои будут субъективны, но я уверен: со мною будут солидарны сотни «субъектов», искренне борющиеся за трезвый образ жизни, люди меня поймут и не сочтут нескромным.

Я не могу сказать о себе так, как сказал на закате своей жизни один знакомый мне человек: «За жизнь я водки выпил меньше, чем курица воды за зиму». Я не был (так считаю) злостным пьяницей, но водка где-то все же «тормознула» в моей личной судьбе. В общем, я пил и бывал пьяным. Одним словом, мне хорошо известны все минорные и мажорные тона этого зелья. Я всегда искренне презирал в себе этот порок, всегда хотел бросить и «бросал»... много раз. А пока в человеке это есть, он еще человек - это уже не о себе...

Кто-то из великих сказал: «Величайшая из побед - победа над самим собой». Действительно, то, над чем ты мучаешься, непосвященному, со стороны - «пара пустяков: не пей, вот и все». А во мне по поводу «пары пустяков» всегда шла изнурительная борьба. И я считаю: пока человек борется - он не «потеряет» себя, но это трудно.

Как и почему я стал «бросать» (мне как-то трудно поверить в то, что есть такие, которые не хотят)? Не знаю. Не то, чтобы я постоянно пил или пил больше тех, с кем приходилось общаться (обратите внимание на вот эту формулировку), но просто в глубине, на самом доньшке души, в самый «разгар» вдруг щемило: «Это не мое, это не я...». Я понимал, что это мне мешает. После каждого «поддал», на утро мне было страшно тяжело. Нет, не просто физически плохо - это само собой, я не хотел вспоминать и вспоминал все вчерашнее. Память услужливо преподносила картину за картиной, и мне было невозможно стыдно за то, что вчера казалось в порядке вещей. Помните:

Перед собой я сам теперь в ответе.
Мой приговор указом не сотрут.

И мне страшнее всех судов на свете
Мой собственный и беспощадный суд.

Назавтра мне было неловко даже сталкиваться с теми, с кем я вчера «гудел», а они, успокаивая, хлопали по плечу: «Да брось ты, все нормально, по крайней мере, для меня». Порой я даже завидовал вот таким «оптимистам», но быть таким не мог. Вот на этой почве происходило раздвоение: я презирал тех, кому все нормально, кто пил вчера, сегодня и будет искать завтра, и тех, о ком в народе говорят: пьян да умен - семь угодий в нем. Какой же тут ум? Жадность, хитрость, хамство, лицемерие. Я уважаю людей принципиально не пьющих, людей, кто пил, но сумел «наступить собственной песне на горло». А вот категория «умеет пить»... Это в большинстве своем приспособленцы, эти себе на уме.

Из понятных соображений я не стану называть истинных имен, кто так или иначе будет фигурировать в моей исповеди. Был период, когда я три года не пил, как говорится, в рот не брал. Особенно сложно, трудно приходилось выбирать «правильную позицию» за домашним праздничным столом. Не пить, когда нечего, когда никто не пьет, когда «за рулем» - просто и легко. А вот не выпить с теми, с кем «можно пить» - это сложнее. Вот в такой обстановке в общем-то не чужой мне человек с обидой сказал: «Ты совсем йогом стал». И я почувствовал себя как бывший безногий футболист, который наблюдает, опершись на костыль, за игрой своей команды. Но ведь я при «ноге», и стол не футбольное поле.

Другая «сильная личность», видя то, над чем я мучаюсь, уверенно и высокомерно заявил: «Вот если бы я захотел, сразу бы бросил». Спорить с ним не стоит: он так и не «захотел». Правда, сейчас перешел от водки к одеколону, стеклоочистителю. Вот так: «Чужую беду - рукой отведу». Вот такие мы: кто может да не «хочет», кто хочет да не «может», а кто - ни то и ни другое.

Я вовсе не оправдываю, не защищаю пьянство, а еще раз хочу подчеркнуть: не все так просто, как кое-кому кажется, ибо за всем этим стоит живой человек, а человек способен, должен быть способен сам руководить собой. В конце концов он сам и только сам может справиться с собой. Упаси бог от иных «доброжелателей». Встречает как-то меня знакомый и спрашивает: «Это правда, что ты не пьешь?». А в голосе и удивление, и издевка, и скрытое беспокойство. Почему беспокойство? Отвечу: он же традиционный трезвенник, у него на этом все и держится - и почет, и авторитет, и положение в обществе. Без этого «непьющий» он - никто. Такие вот типы в глубине души боятся и не желают отрезвления общества. Они на этом паразитируют. Природа

не терпит пустоты, и он, этот «непьющий», боится сильного соперника. Ведь он, и как человек, и как руководитель, без этого козыря ничего не стоит. Я мог бы привести десятки примеров, когда такой борец на словах, ратуя за трезвый образ жизни, на деле готов спонтировать родного брата, лишь бы возвыситься, лишь бы ему не перешли дорогу.

Возможно, кое у кого из читателей возник вопрос: «За что ратует автор?» Ответу образно: за клятву Гиппократову - не навреди!

Это очень хорошо, что у нас в стране лицом повернулись к борьбе с пьянством. Не надо бояться вскрывать, брезгливо отворачиваться. Вскрываются социальные и нравственные корни. Мы не имеем права лицемерить или идти на компромисс даже с самим собой. Обманешь себя - не обманешь общество.

Конечно, сейчас не все и не всегда делается правильно и с пользой. Приведу свежий пример. В канун Дня Конституции, 5 октября, разнесся слух: в село завезли восемь ящиков водки (такие слухи распространяются и всегда верны). 6-го с 14 часов магазин «караулила» огромная очередь. Волнение час, два, три: будут - не будут продавать. Нет-нет, в очереди были не только и не просто алкаши - ветераны войны и труда, почетные люди. Смотреть на это было тяжело, а какие витали разговоры, какой была атмосфера в предпраздничный день. Водку не продали ни в тот день, ни на следующий, но к магазину время от времени подъезжали автомобили, и «деловые» люди выходили удовлетворенные. Если бы тогда была создана экстренная ревизия, то - не одна бутылка «плакала».

Вот такой способ борьбы за трезвость аморален в корне, не оправдан. Перестроить торговлю проще, чем перестроить человеческую душу. И вот такие издержки не оправданы.

Стоило ли выставять себя? Да, стоило: ведь это не только мои «болячки», не надо «скромничать». Не надо скрывать их от врача - времени.

Его считали хорошим хозяйственником

Разберемся во всем, что видели,
Что случилось, что стало в стране,
И простим, где нас горько обидели
По чужой и по нашей вине.

С этим человеком я познакомился в сентябре прошлого года, оказавшись с ним в одной палате районной больницы. Времени у нас было предостаточно, нам никто не мешал, и мы говорили обо всем, но больше о том, как было и как стало в стране, районе, поселке.

- Иду - смотрю: разбирают ремзаводовский дом еще вполне пригодный для жилья, а я же его строил, когда был заведующим райсельхозтехникой. Я и говорю: «Ребята, а вы знаете, кто его строил?» А они: «Знаем. Вы, Николай Андреевич. И спасибо Вам за это, теперь у нас работа есть, разбираем, кирпич продаем, этим вот и живем».

Да. И самого здания ремзавода уже нет, а его тоже с нуля строил Николай Андреевич Петриченко, и было это в середине 60-х годов.

- Звонит как-то мне Степан Аркадьевич Ермоленко - секретарь райкома партии и говорит: «Знаешь, Николай Андреевич, нам область рекомендует строиться. В районе нужен свой ремзавод. Как ты думаешь, осилим?» «Должны осилить. Чем мы хуже осакаровцев, а там, в Пионерском, ремзавод давно пустили». Строиться, так строиться! Заказали проектно-сметную документацию, нашли субподрядчика, вырыли площадку под строительство и...

Как все быстро и просто. А за этой простотой стоят споры, бессонные ночи, конфликты, нервы. Построить здание, провести монтаж станков и оборудования - это еще полдела, надо, чтобы все это заработало, завертелось, а для этого нужны были кадры. Люди подбирались в поселке, в районе, привлекались иногородние, а их надо было обеспечить жильем, а значит, надо было строиться. И со всем этим успешно справлялся Петриченко. Жители поселка старшего поколения хорошо помнят двухэтажки, расположенные немного северо-западнее детсада ДСР. В конце 60-х были запущены моторный, токарный, кузнечный цеха, смонтирована мойка, работал столярный цех. Вскоре на Киевский ремзавод стали отправлять на ремонт свои колесные трактора всех марок не только совхозы нашего района, но и совхозы соседней Целиноградской области. Вообще, писать о работе ремзавода - это отдельная статья, а здесь только скажу, что в бытность

Николая Андреевича на посту заведующего сельхозтехникой были обводнены пастбища района, построены десятки плотин на оврагах, балках для сбора вешних вод. Впервые начали механизировать животноводческие фермы. В скотопомещениях устанавливались автопоилки, доильные агрегаты, кормораздатчики, навозные транспортеры и т. д. Одними из первых в районе всем этим стали пользоваться животноводы совхозов «Самарский» и «Есенгельдинский», которые в то время входили в наш район. Именно на посту заведующего сельхозтехникой и проявил себя Николай Андреевич опытным, умелым организатором производства, вошел в «обойму» хозяйственной номенклатуры района. Поэтому, когда пришло время создавать Киевское АТП, то это нелегкое дело поручили именно ему, члену КПСС, хотя его членство в партии вскоре поставят под сомнение, но об этом чуть позже.

На базе трех небольших автобаз, имевшихся в районе: Киевской, Черниговской и Казгородинской, решено было создать одно автотранспортное предприятие.

- Работа большая, хозяйство сложное, но в какой-то степени мне знакомое: до того, как возглавить сельхозтехнику, я уже поработал и в Киевской МТС до ее расформирования, и в спецмаге, и в Киевской автобазе механиком.

О становлении АТП подробно говорить не буду, приведу лишь пример, характеризующий Николая Андреевича и как человека, и как руководителя.

- Конечно же, что имела на момент создания нового АТП Киевская автобаза, не могло удовлетворить вновь созданное предприятие: я имею в виду ремонтные мастерские, гаражи, складские помещения, да и само административное здание. И по существу все пришлось строить заново. Позарез нужны были гаражи. К началу 70-х годов автотранспорт уже составлял более двухсот единиц. Это были в основном «КАМАЗы». И все это хозяйство - под открытым небом. Стройматериалов нет, средств для их приобретения тоже. Но у нас был автотранспорт. Порой он простаивал, а это плохо и для водителей, и для предприятия. Прозондировали почву: автотранспорт очень нужен в Караганде на заводе ЖБИ, в ДСК, кирпичному заводу в соседней области. Направили своего человека, заключили договора, начали работать и, как говорится, сразу убили двух зайцев: люди получают зарплату и предприятию прибыль: пошли к нам стройматериалы. Из блоков, что обычно идут на фундамент, мы возвели стены гаражей, а вот покрыть нечем. Я как-то на селекторном совещании и посетовал на это Александру Гавриловичу Коркину - первому секретарю обкома.

Он, чуть подумав, говорит: »Панели кровельные у вас будут, готовьтесь к вывозке... ». Он же в свое время работал в Темиртауском горкоме, вот по старой дружбе и договорился с одной из строительных организаций. Но для вывозки был нужен тягач-панелевоз. Нашли и панелевоз, но за него запросили машину фуража, а у нас в АТП откуда фураж?

Тут рассказчик задорно и хитро улыбнулся и стал продолжать свое повествование.

- А мой рабочий кабинет на втором этаже, и вот как-то, подходя к окну, заметил, что уже не первый день стоит среди автомашин прицеп с зерном. Думаю: раздобыл мужик фураж и забыл о нем что ли? Спрашиваю: «Хлопцы, чье зерно? ». Молчат: нет хозяина. Конечно, найти его не составляло труда по номерам на борту, но я уже принял решение и дал указание ночью перегрузить ячмень с прицепа на автомашину и отвезти в город в качестве оплаты за панелевоз. Конечно же, тут хозяин сразу нашелся. «Ну, спасибо тебе, теперь мы под крышей». - говорю ему. Выписал премиальные как компенсацию за зерно, ведь жалко мужика.

Да, как говорится, хочешь жить - умей вертеться! Хотя в то время инициатива, предприимчивость иногда наказывались, но Николай Андреевич умел работать, не боялся. Только за один год смог переселить из Черниговки и Казгородка 80 семей водителей. А за 13 лет пребывания на посту директора АТП сумел построить 54 двухквартирных дома, не считая многоквартирных двухэтажек. Пройдите по улицам Молодежной, Транспортной, Резника - хорошее, добротное жилье. Вот такой он человек. Николай Андреевич Петриченко - один из бывших командно-административных работников. Потом он попал в опалу, лишился партбилета и занимаемой должности. А началось все это вот из-за чего.

- Решил я себе дом построить. А подсказал мне это кое-кто из руководящих товарищей. Я тогда жил в землянке, построенной мною еще в 50-е годы после армии. И они, бывая у меня в гостях, мне часто говорили: «Ну что же ты, Николай Андреевич, столько жилья строишь, а сам где ютишься? ». Ну, в общем, как сейчас говорят молодые, «достали» они меня, хотя в то время уже многие руководящие работники жили в особняках.

Здесь надо иметь в виду, что ни о какой приватизации жилья в то время не могло быть и речи, и в случае ухода Петриченко с поста директора АТП в его доме вполне мог поселиться его преемник. А кто из нас, смертных, зная, что будет жить в этом доме, не захочет по ходу строительства в чем-то выразить и свои пожелания? Вот и Петриченко

пожелал чуть видоизменить веранду, выкопав там погреб. хотя это отклонение от проекта не несло каких-то дополнительных затрат. Но уже полетели анонимные письма по инстанциям: «Петриченко строит себе дворец...». Николай Андреевич вообще-то знал, что сигнализируют те, кто тоже претендовал на особнячок. Конфликт разрастался. Ну, в общем, освободили Николая Андреевича от занимаемой должности, лишили его членства в партии. Естественно, он защищался. ездил в Алма-Ату, писал в Москву, куда его и вызывали для разбирательства. Теперь, рассказывая об этом, Николай Андреевич смеется: «Если бы не это дело, наверное, и Москвы бы не повидал». Да, по этому делу Николай Андреевич был даже на приеме у Михаила Сергеевича Соломенцева - председателя комитета партийного контроля. Мнения были разные, предлагали отдать дом, за это обещали восстановить в должности и в партии, но Николай Андреевич и сейчас живет в этом доме. Конечно, Николай Андреевич попал в опалу не из-за этого строения, это был только повод. Но не об этом сейчас речь, а о человеке, отдавшем много сил и энергии становлению и укреплению экономики нашего района.

После ухода из Киевского АТП он работал заместителем директора по хозяйству совхоза «Путь Ленина» в бытность директора Д. А. Абильдинова, впоследствии сенатора Парламента РК. Потом Николаю Андреевичу как опытному хозяйственнику предложили возглавить коммунальное хозяйство в Киевке. А последний объект, построенный в районе при его участии, СТО - станция технического обслуживания легковых автомобилей, теперь МЧП «Аскар».

А теперь коротко о начале его жизненного пути. Родился Николай Андреевич в 1930 году в селе Богучар. А вообще-то род Петриченко переселился в казахские степи с юга Украины, с Таврии, в начале прошлого столетия. Отец умер еще до войны, когда Николаю не исполнилось и 10 лет. Он был средним из троих детей Соломен Константиновны Петриченко, одна сестра была старше его, другая - младше. Уже в этом возрасте он помогал матери содержать семью. Вот одно из самых ярких воспоминаний той поры.

- У нас был самый большой крытый двор в селе Богучар: под крышей могло одновременно разместиться более 50 голов быков и лошадей. Вот поэтому наша семья и содержала заезжий двор колхоза «Новая жизнь». Такие дворы тогда были во многих селах по пути следования гужевого транспорта в Караганду или на железнодорожную станцию Осакаровка, чтобы и люди, и лошади или быки могли отдохнуть, переночевать. Понятно, что помещения после постоя лошадей и быков

приходилось чистить от навоза. Этим-то и занимался я, а за работу получал 5 копеек за голову.

А в 1946 году в неполные 16 лет Николай уже работал молотобойцем в кузнице Киевской МТС, учился кузнечному делу у кузнеца Гернера (к сожалению, имя и отчество мастера Николай Андреевич запмятовал). Но хорошо запомнил тогдашнего директора МТС Даниила Федоровича Скромного, это он отметил трудолюбивого, смышленного парня, определив его мотористом на МТСовскую электростанцию. «Стоял один небольшой двигатель и динамо, т. е. электрогенератор производительностью всего 40 кВт. Вот и вся электроэнергетика Киевки, но тогда и этого хватало», - вспоминает Николай Андреевич.

В 1950 году Петриченко был призван в армию. Служить попал в Морфлот, службу проходил во Владивостоке. Домой вернулся в 1955 (тогда в Морфлоте служили 5 лет). После службы снова работал в МТС, оттуда его направили на учебу в Караганду на автомеханика. Работал автомехаником в МТС, затем в Киевской автобазе. Было это в бытность таких директоров, как Бороненко и Г. Е. Мирошниченко, а вот после Черных Петриченко самому предложили возглавить автобазу. Затем его перевели управляющим сельхозтехником. В общей сложности Николай Андреевич 12 лет возглавлял сельхозтехнику и 13 лет созданное им Киевское АТП.

Прожита большая трудовая жизнь - жизнь интересная, наполненная богатыми событиями.

Урок в 34 года

В минуты ожидания встречи

Тихо и безлюдно в школьном коридоре: идут занятия. Волнуясь, хожу взад-вперед мимо затворенных дверей классов, из-за которых изредка доносятся приглушенные голоса отвечающих урок учеников, объяснения преподавателей. Где-то здесь, за одной из них, моя первая учительница Тамара Павловна Кошевец. И мне предстоит писать одновременно и сочинение, и изложение ее жизни. Я так хочу. Это надо, но это так трудно, ибо цену слова, его место, его вес Тамара Павловна знает хорошо.

«Биссектриса делит противоположную сторону...». Прохожу дальше, «... вступая в реакцию, выделяет...». Ага, понятно, прохожу еще. И вот: «Добролюбов, Белинский всегда понимали и хотели...». Это ее, так до конца и не изжитый за 34 года, по-костромски окающий говорок. Идет урок литературы, тут она сеет Доброе, Вечное, Мудрое. Те, у кого год рождения 1943 и младше, а их, наверное, полсела, начинали познавать Великий, Могучий и Свободный русский язык у нее. Каждому по-своему запомнились и первая встреча, и ее уроки.

Неожиданно резко прозвенел звонок. Распахнулись двери, и, как ручейки в реку, в коридор, заполняя его, потекла разноголосая детвора. И в этом бурном потоке шла с журналом и стопкой тетрадей под мышкой седоволосая женщина.

На большой перемене

И хотя побеседовать в эти 15 минут нам по-настоящему так и не пришлось - учительская была похожа в это время, наверное, на штаб перед наступлением, узнал я многое. О трудовой творческой деятельности завуча Ивановской средней школы Кошевец Тамары Павловны. Все эти 15 минут, от звонка до звонка, она была занята деятельной, энергичной работой. На нее сыпались вопросы преподавателей, вопросы самые разные. И она давала точные и деловые указания и рекомендации. Было ясно: она центр этого коллектива, наставник, старший товарищ, соратник.

Биография

Тамара Павловна - уроженка Костромской области. Ее детство выпало на суровые военные годы. Отец погиб на войне. Тамара - старшая из троих у матери. Но трудности быта не стали помехой, а лишь закалили и подтолкнули. Училась хорошо. Семилетку оканчивала за 30 километров от родной деревни, в районном центре Салиуглич, куда частенько приходилось ходить пешком. А после окончания 7-летки колебаний в выборе профессии не было - только учительницей. В детстве самая любимая игра была в «школу», и Тома всегда была учительницей. В 1953 году закончила Салиугличское педучилище и по распределению - в далекий Казахстан. Было это за год до целинной эпопеи. Много их тогда приехало - многие и уехали через год, два, три. А она осталась. И сделала домом своих детей Ивановку.

Начало

Занятия окончены. За окном разыгралась февральская метель. Непривычно тихо: слышны переливание воды в батареях, однотонный гул под потолком неоновых ламп. Мы вдвоем в учительской, одни во всей школе.

- Люблю первой утром приходить и последней уходить, - признается Тамара Павловна, - Не знаю, как буду на пенсии...

Мы вспоминаем 50-ые годы: старую школу, тогдашних ее преподавателей, отдельных учеников. Для обоих из нас это незабываемо. Для Тамары Павловны - это юность, начало трудовой деятельности, для меня - детство, школьные годы, но для обоих из нас - одинаково светлое, щемящее, грустное.

- Зимой печки в классах топили камышом или соломой. Сама с учениками ездила вот за этой топкой. Занятия в первой смене начинались с 8-ми утра, и первые уроки зимой частенько проходили при свете керосиновых ламп. Чтобы лампа ярче горела, сверху на стекло клали кусочек мела. А летом сама с учениками занималась ремонтом школы: месили глину, мазали крышу и стены. И вообще обходились всегда сами, - задумчиво повествует Тамара Павловна и, как бы итожа, заключает: - а в общем-то жили хорошо. Трудно, но хорошо. Знаешь, я не жалею на теперешний наш коллектив, но сейчас как-то не то. Как бы это выразиться, лично для меня между двумя родственными словами педагог и учитель - большая разница. Раньше в нас, преподавателях, жил учитель, а сейчас это как-то

утрачено. Да, сейчас в школы приходят грамотные... специалисты, а вот истинного учителя в них... маловато.

Вероятно, этот вопрос не дает покоя Тамаре Павловне. Я спросил ее, как она относится к понятию «акселерация». Немного подумав, она высказала, на мой взгляд, глубокую мысль. «Да нет ее вообще этой акселерации: происходит видимое усиление в одном направлении развития ребенка, за счет порой не сразу видимого ослабления в другом».

Тамара Павловна с горечью говорит о том, что русскому языку, литературе и вообще гуманитарным дисциплинам мало уделялось внимания в последние десятилетия, и вот это отрицательно сказалось на человеческой личности. Компьютеры, дисплеи, калькуляторы - это, конечно, хорошо, но не менее важны Пушкин, Толстой, Некрасов, Белинский - наши великие столпы нравственности, наше могучая литература. А это - духовность, нравственность. Нам сейчас этого так не хватает. Нам нужен ЧЕЛОВЕК. Сейчас, в период перестройки, наша история, наша литература - действенное оружие против формализма, косности, бюрократизма и всего того, что противно человеческому существу.

Тамара Павловна хорошо знает свой предмет и верит в него. Сама ведет активную общественную деятельность, являясь депутатом сельского Совета, членом женсовета. Она член общества книголюбов и «Знание». Тамара Павловна Кошевец достойно продолжает лучшие традиции русской женщины, учительницы.

День за днем

Сейчас не принято писать и говорить о романтике труда, о призвании, о долге. Но эти чувства, несмотря ни на что, присутствуют в душе каждого человека, хорошо знающего свое дело. И не все в профессии сводится к тому, чтобы только зарабатывать деньги! Нет, есть что-то другое!

Галина Николаевна Никонорова из села Ивановки более четверти века является почтмейстером (работником почты) села. И теперь, когда работать становится все труднее, она все равно не представляет себя в другой роли. Еще со школьной скамьи она мечтала работать почтальоном в родном селе. Галя Пеганова (ее девичья фамилия), после окончания Казгородинской средней школы начала помогать матери по работе. Рано умер отец, и у матери кроме Гали было еще четверо детей. И вот когда в сельском отделении связи появилась вакантная должность почтальона, то Галя с радостью взялась за дело. Но в это время по линии районного узла связи набирали людей на курсы подготовки, и Галя поехала на учебу. Старалась, а в 1971 году ее после окончания курсов направили на работу в село Ивановку. Дело молодое, и уже вскоре ей пришлось поменять свою фамилию на Никонорову. Создалась новая семья. Но Галя, а уже потом и Галина Николаевна, посчитала необходимым закрепить свои знания, заочно окончила Алма-Атинский почтовый техникум связи. Работала, требовала с себя и с подруг по работе. Много раз ее труд поощрялся районным узлом и областным управлением связи. Неоднократно принимала участие в областных и районных конкурсах по профессии, показывала отличные результаты, занимала призовые места. За это время Галина Николаевна, работая почтальоном, а затем и начальником отделения почты, постигла психологию и педагогику в работе с людьми. Она твердо знала о том, что в общении с разными людьми и по возрасту, и по профессии нужны высокая культура общения, тактичность и выдержка. «Сейчас, - замечает она, - люди стали раздраженнее, нет пенсий, нет зарплаты. Да и проблем семейных прибавилось у всех». Но Галина Николаевна отлично справляется с любой стрессовой ситуацией, умеет найти подход к людям и выход из любого положения. Терпение, доброжелательность, внимание к окружающим людям, требовательность к себе и своим подчиненным - вот далеко не полный перечень характерных особенностей этой удивительной женщины.

А работы у Галины Николаевны и у ее подруг, ох, как много! Как провести подписку на газеты и журналы? (кстати, село Ивановка в течение многих лет занимает по подписке одно из лидирующих позиций в районе). Теперь ни партком, ни профком не помогут, вот и приходится самим: где уговоры, где просьбы.

А чего стоит ежедневная головная боль: как и чем доставить из райцентра почту и деньги для выдачи пенсии своим землякам. Частенько Галина на это дело «вербует» своего мужа или сына с личным автотранспортом и, не считаясь со временем и материальными издержками, они всегда приходят на помощь жене и матери - начальнику отделения почты.

Сейчас уже давно забыты дни выдачи пенсий, но пенсионеры идут и спрашивают: «Но до каких же пор нам не будут давать пенсию?». Вот и сидит Галина Николаевна, уговаривая каждого пенсионера, а у самой слезы на глазах. Сейчас в связи занимаются выдачей талонов вместо пенсии, все шумят, волнуются, кричат: «Почему? Зачем? Кто придумал?». Согласитесь, выдержать это не просто, а еще труднее становится оттого, что она и сама не знает, почему все это происходит.

Чего греха таить в том, что доведенные до отчаяния пенсионеры часто обрушивают свой гнев на «виновного», а им оказывается чаще она - начальник почтового отделения связи Г. Н. Никонорова. И так день за днем проходит напряженная работа. Вот поэтому хотелось мне рассказать об этой доброй, трудолюбивой женщине, матери - Галине Николаевне Никоноровой, пожелать ей успехов в труде, веры в лучшее завтра, счастья, здоровья и чтобы каждый прожитый день был хоть бы чуть-чуть лучше вчерашнего. А это значит, что будет надежда на лучшее.

Когда приходит успех

Детство Нади Лавренчук пришлось на годы фашистской оккупации ее родной Украины. Как и все ее сверстники, она была лишена многого. Даже порог школы впервые переступила с запозданием, уже в девятилетнем возрасте. После семилетки по комсомольской путевке трудилась на восстановлении шахт Донбасса, работала бетонщицей. Затем опять родное село Мишинец, что в Хмельницкой области, родной колхоз «Большевик». Работы и здесь было вдосталь, да только все тянуло в неизведанные места, в целинные степи Казахстана, куда двинулись с родных мест многие ее сверстники, старший брат Владимир, окончивший Плужнянское училище сельских механизаторов. В 1962 году приехала к нему в Ивановку и Надя, да так и осталась навсегда. Сегодня она уже не просто Надя, а Надежда Сергеевна Дымнич - человек на селе уважаемый, заслуженный.

По итогам прошлого года Надежда Сергеевна была признана победителем социалистического соревнования среди телятниц района. Не так давно на слете передовиков животноводства взволнованной и растерянной ей повязали чемпионскую ленту, вручили ценный подарок.

Беседуя с ней, мы неторопливо продвигаемся по чисто подметенному проходу, от клетки к клетке. К ее рукам доверчиво тянут свои мордочки телята. Здесь Надежда Сергеевна чувствует себя уверенно, одним словом, хозяйка.

- У каждой из нас по пятьдесят подопечных в группе, - рассказывает она. - Принимаем мы их в десятидневном возрасте и четыре месяца ухаживаем.хлопот с телятами немало: и о прививках надо своевременно позаботиться, и за рационом проследить, и чтобы от режима никаких отклонений не было. Нужно сказать, что умеют у нас работать. Хороших показателей регулярно добиваются Анна Куценко, Вера Шишкина, Эмилия Травина, Валентина Раляну. У них не существует секретов друг от друга. Всегда помогут.

В животноводстве Надежда Сергеевна не новичок. Длительное время трудилась дояркой, а четыре последних года работает телятницей. Так что ее успех в социалистическом соревновании не случаен. Почти по 600 граммов составили среднесуточные привесы телят в ее группе. За минувший год и начало нынешнего - ни одного случая падежа молодняка.

- Упор, конечно, делаем на кормление, - продолжает рассказывать Н. С. Дымнич. - Телята у нас постоянно получают кашу, сдобренную

рыбьим жиром, в нее входят и нужные лекарственные препараты. Телята повзрослее уже питаются зеленым сеном.

Условия труда телятниц и скотопомещение ничем не отличаются от других. Разве что сами они лишний раз не поленятся и стены выбелить, и клетки от навоза вычистить. Это необходимо, считает Надежда Сергеевна. Телятник хоть и построен добротно, но в сильные морозы с его железобетонных стен и потолка стекает влага, а на телят сырость действует губительно.

- С наступлением тепла мы разбиваем за селом летний лагерь, - продолжает делиться своими заботами телятница. - Однако пастьба в это время, к сожалению, организована еще не лучшим образом. А ведь выпас на зеленой траве - это и привесы, и здоровое стадо. Так что работать нам еще есть над чем.

Немногим более года назад в совхозе «Трудовик» был допущен большой падеж молодняка крупного рогатого скота. В хозяйстве нашли силы поправить положение в короткий срок. А за счет чего?

- Понимать научились друг друга: мы, телятницы, специалисты отрасли, руководители совхоза, - считает Надежда Сергеевна. - Раньше как было: мы ругаем одних, другие в больших претензиях к нам. Требуем чего-то друг от друга. А в результате практического дела и не видно. И что характерно, сейчас каждый делает свое дело, не переваливая на чужие плечи, отвечает за порученный участок. Укрепилась производственная дисциплина. Так и должно быть.

Действительно, с дисциплины, с высокой ответственности каждого члена коллектива начинается любое большое и малое дело. Только тогда выполнение поставленных задач, достижение высоких результатов становится реальным. Сама Надежда Сергеевна Дымнич является образцом такого отношения к труду.

На пульсе жизни

Пока мы здоровы, то не замечаем, что у нас в селе есть медпункт. Спешим, проходим мимо, мы туда не заходим: нам там нечего делать. А в медпункте в особой атмосфере ежедневно работают люди в белых халатах. Но вот приходит день, и мы с верой и надеждой обращаемся к ним, смотрим на них, как на богов, но они не боги, а простые, скромные люди, может быть, чуть собраннее, дисциплинированнее, ответственнее, чем мы, ибо к этому их обязывает их профессия, их дело. Они острее чувствуют жизнь, цену здоровья, потому что часто видят человеческое горе, трагедии.

Я расскажу об одном человеке из плеяды таких людей - о Кулшакире Сейсембековне Шалабековой.

В сельской врачебной амбулатории села Ивановка она работает с восьмидесяти шестого года. А общий трудовой стаж Кулшакиры - двадцать четыре года. В семьдесят восьмом она окончила факультет: «Лечебное дело» Целиноградского мединститута по специальности «Терапевт». Сама Кулшакира с Шымкентской области, но вышла замуж за захаровского парня Толегена Шалабекова и осталась у нас в Нурынском районе. С семьдесят девятого года работала в совхозе «Щербаковский» главврачом участковой больницы. С восьмидесяти шестого вот уже семнадцатый год по направлению райздравики работает в Ивановке. В настоящее время возглавляет небольшой коллектив медпункта.

При СВА функционируют детский кабинет, смотровой и кабинет врача. Вместе с Кулшакирой Сейсембековной трудятся Катира Даирова и Балан Татьяна. Объем работы большой - это и профилактические мероприятия, и наблюдение за мамами и их малышами, а также за будущими мамами, посещение старых и тяжелобольных на дому. Но помимо лечебной практики на Кулшакире Сейсембековне, как на заведующей СВА, лежат и организационно-хозяйственные вопросы, которые в наше непростое время решать не так то просто, а она с этим справляется неплохо. Помещение отремонтировано и содержится в чистоте и порядке, по-новому переделана система отопления, печь-котел вынесена за пределы основного помещения. Финансирования на все это по линии райздравики никакого. «Сельский акимат тоже оказать финансовую поддержку не может, хотя лично аким села Ж. К. Ашимов всегда интересуется нашими заботами и оказывает мне моральную поддержку. А это иногда очень нужно, поскольку люди есть люди, да и люди бывают

разные, - говорит Кулшакира, - и случись какое-нибудь ЧП, то кое-кто из них, как говорится, готов всех собак на нас повесить. Сейчас все материальные вопросы решаются за счет спонсорства. Неплохо помогает СВА хозяйствующий на территории нашего акимата хозяйствующий субъект «Квант», который возглавляет Н. Д. Базяк. Например, углем обеспечивает не первую зиму, а угля на сезон надо немного-немало двадцать тонн».

О качествах Кулшакиры Сейсембековны, как врача и человека, я лично убедился, когда болела моя мама. По первому телефонному звонку она всегда приходила к нам, приходила, будь то поздний вечер или воскресный день, приходила и в дождь, и в снег, приходила даже тогда, когда и мы, и она уже знали, что помочь старому, больному человеку практически невозможно. Но само присутствие врача на какое-то время стимулировало жизненные силы мамы. Хочется сказать о Кулшакире и как о хорошей жене и матери. Она с мужем Толегеном Аманкеновичем вырастила и воспитала троих детей. Старший сын Алмас - юрист, в данное время работает в Астане, в Министерстве юстиции, главным специалистом. Дочь Бибигуль учится на третьем курсе Евразийского университета, отличница, а младшая дочь Меруерт, тоже отличница, перешла в пятый класс Ивановской средней школы.

Вот таков жизненный пульс у сельского врача Кулшакиры Сейсембековны Шалабековой.

Разлюбила коммуниста - полюбила беляка...

Эти слова из пошленького шлягера мне пришли на память в зале РДК во время торжественного собрания, посвященного Дню пожилых людей. Пришли именно в тот момент, когда уже «под занавес» глава поселковой администрации Б. М. Тайбеков, пользуясь, так скажем, моментом, сообщил в порядке информации о том, что в ближайшее время будут переименованы некоторые улицы поселка Киевки. Были названы также «претенденты»: Масалина, Тусупов, Мынбаев, Смагулов, Скалозубов. Б. М. Тайбеков просил пожилых людей, сидящих в зале, подумать, обсудить этот вопрос. Что ж, это хорошо - демократично. Так вот, если мы потеряли за это десятилетие перестройки и реформ все материальные и духовные ценности, которыми жили всю свою жизнь, но действительно приобрели демократию и все, связанное с ней: и плюрализм мнений, и свободу слова и печати, то тогда давайте действительно обсудим этот вопрос с переименованием «от души».

Невооруженным, так сказать, глазом видно, что идет кампания по стиранию нашей семидесятилетней истории периода Советской власти, значит, и всех собственных имен, связанных с этим. Слово «большевик» стало ругательным, на слуху: вместо Ленин, Маркс - Керенский, Колчак. А тут еще - независимость и суверенитет. От кого? Разве от своей только совести и памяти? Частенько сейчас одергивают друг друга фразами: «Не стать Манкуртами, не уподобиться Иванам, не помнящим родства», а самим-то и невдомек, что и становятся, и уподобляются и Манкуртам, и Иванам, пытаясь выправить память о величайшем событии двадцатого столетия - рождении социалистического государства. Это, так сказать, общее введение к этому вопросу, а теперь возьмем конкретно нашу Киевку.

По официальным документам Киевка основана в конце прошлого столетия переселенцами из Украины, о чем неоднократно писала районная газета (в частности, об этом свидетельствуют материалы краеведа Ю. Попова). Испытывая ностальгию по оставленной родине, они и здесь, в казахской степи, старались сохранить память о ней, давая названия сел и улиц. Например, в поселке были улицы Киевская, Полтавская, Житомирская, а ведь эти названия не случайны и они о многом говорили. Где сегодня имена этих улиц? Мало того, сама Киевка кое для кого уже не Киевка, а Каратал. Нет, урочище Каратал - само собой (оно восточнее), а Киевка есть Киевка. Я знаю о том, что в

соседней Осакаровке из 50 улиц за эти годы ни одной не переименовано. Не решаются они на это. Наверное, правильно.

Согласен, что абсурд: Индустриальная, Шахтерская, но куда больший абсурд переименовывать без конца и давать улицам имена номенклатурных царьков местного масштаба, чтобы его имя было увековечено? Неблаговидно поспешно переименовывать улицы и города именами простых смертных, а еще неблагоприятней потом их отнимать.

Улица Плешакова, улица Резника. Молодые и смелые наши земляки, волею судьбы ставшие героями. А я не верю, что улицы, названные в их честь, компенсируют матерям сыновей. Не знаю, учитывалось ли их согласие при присвоении улицам имен их детей, но я ставлю себя на их место и мне тяжело. Зачем это кровоточащее напоминание, зачем постоянное склонение? На мой взгляд, уж пусть будут улицы Садовые, Вишневые, Ямские, Тверские, чем Иванова или Петрова, потому что мы, люди, до того непостоянны, что порой действительно Павку Корчагина запросто меняем на корнета Оболенского.

Что же касается предложенных кандидатур: М. Н. Масалиной - известного врача, С. Тусупова - ветерана войны, бывшего председателя Нуринаского райисполкома, К. Мынбаева - ученого, доктора биологических наук, И. Смагулова - известного хлебороба, Героя соцтруда, Н. Л. Скалозубова - ученого, который знакомил русский народ с казахскими обычаями и традициями, то почему бы и нет? Поселок строился и будет строиться. Почему бы не присвоить безымянному жилкому массиву имя той же М. Н. Масалиной, которая столько сделала для жизни и здоровья людей нашего района? Но только не за счет, скажем, имени Ленина, ведь это кощунство. Пускай рождаются новые улицы, но память остается памятью.

Женское счастье

Долг! Призвание! Смысл жизни! Счастье! Женщины, о которых я хочу рассказать, наверное, никогда не произносили этих слов применительно к своей жизни. Но вот именно эти понятия «просто» вытекали из прожитых ими дней, месяцев, лет. Говорят: счастье, а еще говорят: женское счастье, а в чем же оно? В какой-то степени на этот вечный вопрос дают ответ своими жизненными судьбами вот эти три женщины из села Ивановки.

Мать пятерых матерей

Любовь Афанасьевна Голошук - Чернышова родилась в 1927 году здесь же, в селе Ивановке. Семья у Афанасия Кондратьевича Голошук была большая: кроме Любы было еще восемь детей - Ульяна, Игнат, Степан, Петр, Василий, Зинаида, Полина, Николай. Подростком она уже работала в колхозе «Трудовик», как и все ее сверстники военной и послевоенной поры, а в такое время работать плохо и не могли, и не умели. Сначала работала поваром в первой тракторно-полеводческой бригаде на «Аркалыке», а, окрепнув физически, стала дояркой, проработав на ферме четыре года - до замужества. В ноябре 48-го вышла замуж. Ее избранником стал Савелий Степанович Чернышов. Он участник войны с японскими милитаристами, и к тому времени прошло полтора года, как демобилизовался. Семья Савелия жила на Красном берегу, где стояла животноводческая ферма колхоза «Трудовик». Учились в Ивановской школе, только в разных классах. Савелий был отличником, и, когда было решено иметь на Красном берегу своего преподавателя, то учителя Ивановской школы «на складчину», поскольку время было тяжелое, послевоенное, послали Савелия на учительские курсы, и было это уже после его женитьбы, в пятидесятом году. И в этом же году родился их первенец - дочь Лиля. Нетрудно понять, какие заботы легли на плечи Любы - жены, матери, хозяйки. Савелий начал учительствовать, его частенько переводили: Красный берег, колхоз имени Кирова, второе отделение совхоза "Маржанкульский", и каждый раз Любе приходилось налаживать быт на новом месте, а это очень непросто. Одним словом, где бы ни приходилось им жить, мужу, детям: Лиле, Вале, Гали, Зине и Шуре было хорошо и уютно. И только мать в полной мере может понять и оценить те усилия, что приложила Любовь Афанасьевна, чтобы воспитать и отправить в самостоятельную жизнь пятерых дочерей. Нет

возможности в этом коротеньком рассказе привести примеры, жизненные ситуации, чтобы раскрыть материнский подвиг, а они были. Скажу только, что сейчас в Ивановке живут четыре семьи, хозяйками которых являются дочери Любви Афанасьевны: Терновская Лилия, Алекса Галина, Бородина Зинаида, Шляк Александра, а в Киевке - Шевченко Валентина. Понятно, что у каждой из дочерей свои дети и есть уже внуки. Опять же нет возможности всех перечислить, да и не это главное. Главное, что, как жена и как мать, Любовь Афанасьевна свой долг исполнила хорошо. Это и есть женское счастье. Когда же дети поднялись, и появилась возможность работать, Любовь Афанасьевна стала работать поваром в школьном интернате, а затем в столовой совхоза «Трудовик». В минувшем году она понесла невосполнимую потерю: ушел из жизни ее муж. «Года, как вода... Мне уже 76, а я все считаю: мои девчата еще дети. Из нас, девятерых, остались только я и Зина (Коваленко). - итожит нашу беседу Любовь Афанасьевна. Что может утешить Любовь Афанасьевну... Ее дети и дети ее детей!

Тамара Павловна

Если в разговоре односельчан вы услышите: «Тамара Павловна... », знайте, речь идет именно о Тамаре Павловне Кошевец. Ее с полным правом можно причислить к отряду первоцелинников, ибо в августе пятьдесят третьего года, как раз к началу нового учебного года, она прибыла в наш район, в село Ивановку. «Предлагали Сахалин или Казахстан, выбрала Казахстан... », - вспоминает Тамара Павловна.

А родилась Дудина Тамара в Костромской области Салигаличского района в деревне Васильево в декабре 1934-го. В этом году она отмечает свое 70-летие. Из них сорок семь лет отданы школе, любимому делу - преподаванию русского языка и литературы. Она не только хороший преподаватель, но и учитель-организатор, воспитатель. Много лет являлась завучем школы, руководила школьной учебно-производственной бригадой, и по итогам 1980-го года ее учебно-производственная бригада заняла I место в области, за что Тамара Павловна была награждена Почетной грамотой облОНО. Не буду перечислять все дипломы и почетные грамоты, их у нее целая папка. Как человека, как учителя и наставника, Тамару Павловну может характеризовать и вот такой факт: сейчас в Ивановской средней школе преподают ее племянницы - родные сестры: Марина Викторовна Сурина, Елена Викторовна Скиба и Олеся Викторовна Кошевец. А ведь это не случайно! Три поколения ивановцев сидели за партами и

внимали ее урокам. Приведу только один пример: у нее учились Владимир Григорьевич Балан, его дочь Вера Владимировна Кротович и уже дети Веры. И таких семей в Ивановке много.

Замуж Тамара Павловна вышла в 1956 году, в 1957 родила дочь Ирину, а в 1959 - сына Владимира. Сейчас Тамара Павловна живет одна, муж Григорий Филиппович умер в 1984 году. Она живет той же жизнью, что и ее односельчанки: семья, хозяйство, огород. Дочь Ирина Вишницкая с семьей живет в Киевке, а сын Владимир с семьей - здесь, в Ивановке. Но вот на Новый год, Рождество, Пасху и семейные юбилеи все вместе они собираются у Тамары Павловны, и тогда ей хорошо и спокойно. Говоря о своих детях и внуках, Тамара Павловна вдохновляется, преобразается: «... Иринины Света и Гриша и Вовины Сережа с Витей учатся в КарГУ... ». Это ли не смысл жизни женщины-матери!

Кланя - Клаша

Именно так чаще всего зовут и лучше знают эту женщину - Клавдию Максимовну Иванишину и у нас, в Ивановке, да и не только в ней. Родилась она в 1937 году в большой семье Максима Денисовича и Федоры Петровны Коливошко. У нее пять сестер: Анна, Нина, Мария, Валя, Люба и брат Николай. Детство Клавы выпало на военные годы. Отца призвали на фронт в 41-ом, когда Клаве не исполнилось пяти лет. То поколение взрослело быстро. В 51-ом, в четырнадцать лет, Клава уже работала поваром на полевом стане тракторно-полеводческой бригады колхоза «Трудовику». А затем 15 лет трудилась дояркой на молочно-товарной ферме этого же колхоза. В 1955 году ее в числе лучших доярок района и области послали в Москву на ВДНХ. Незабываемые впечатления от этой поездки остались у нее на всю жизнь: посещение мавзолея В. И. Ленина, метро, музеи и т. д.

В 1957 Клава вышла замуж за своего земляка Ивана Моисеевича Иванишина. В 59-ом они построили себе дом, в котором живут и по сей день. У них родились две дочери: Таня и Ира. Понятно, что дочери уже давно живут своими семьями, а Клавдия не только бабушка, но и прабабушка. Татьяна живет в селе Тассуат, а Ирина на севере, в Тюмени.

Рассказ мой о Клавдии Максимовне будет неполным, если я не расскажу о тех памятных годах и для нее самой, и для молодежи села того времени, когда Клавдия Максимовна заведовала сельским клубом. Это были 60-70 годы. Какие фильмы, какой кинопрокат, а какие эстрадные песни - танцы под радиолю после киносеанса! И в гуще

этого она - Клавдия Максимовна, в общем-то еще молодая, энергичная женщина - наша завклубом. В этот старенький клуб приходили семьями: и дети, и родители. Телевидение в то время еще не заполонило село. Детские сеансы шли в 5 часов, взрослые - в 10 (с поправкой на время года) ежедневно кроме понедельника. И в клубе всегда был аншлаг! Несли из дома скамейки и табуретки, стояли в проходе. Конечно же, быть хозяйкой в таком «доме» было непросто: молодежь есть молодежь, и бывало всякое: и хулиганство, и драки, но Клавдия Максимовна со всем этим справлялась отлично. А ведь сельский клуб - это не только кинопрокат, а и многое другое: художественная самодеятельность, проезд областной филармонии, гастроли театральных коллективов и кукольных театров, встречи с литераторами, лекции, чего, к сожалению, сейчас нет на селе. А раньше все это было, и сельчане жили тогда духовно выше, чем теперь, и во всем этом был и труд заведующей сельским клубом Клавдии Максимовны Иванишиной. Рассказывая об этом периоде своей жизни, Клавдия Максимовна молодеет. «Это плохо, что на селе «умер» клуб, нет кинопроката, - сокрушается Клавдия Максимовна. - Ну, куда сейчас идти сельской молодежи, где общаться? На телеэкранах одни «звезды» и «супер», - сетует бывший культработник.

Я поведал о трех женщинах села, чьи судьбы и разные, и схожие, схожие главным: материнством, а значит, женским счастьем!

У русской печи

Обычная русская печь. Хотя, наверное, надо сказать: необычная, поскольку теперь она редко у кого стоит в доме или в летней кухне. Русская печь стала жертвой, так сказать, цивилизации: современные хозяйки взяли на вооружение чудо-печки, всевозможные электродуховки и микроволновки. А вот Галина Викторовна Бетько хлеб по-прежнему выпекает в русской печке. К тому же хлеб у нее отменный, и печет его она не только для себя, т. е. своей семьи, но и, говоря современным языком, делает бизнес. (Ох, уж эти иноземные слова с русским приложением! Но это так, к слову).

Жарко пылает печь, ноздри щекочет древесный легкий дымок. Открытый огонь, живое тепло - и как-то волнующе хорошо на душе, наверное, оттого, что все мы - от костра, открытого очага, все мы «слезли» с русской печки. Пока печь доходит до нужной кондиции, я беседую с хозяйкой:

- Пятнадцать лет проработала почтальоном. Потом нам, почтальонам, работы не стало, и почти не платили. Пришлось увольняться. К тому времени централизованная поставка хлеба в село с районного хлебозавода давно прекратилась, хозяйки бедствовали. Особенно проблема с хлебом была у пожилых людей, одиноких и «неприкаянных». Хлеб выпекали кто как мог и на чем мог. В 97-м при ПХТ «Трудовик» начала работать мини-пекарня, туда и устроилась. Сначала ученицей, а потом стала заведующей...

Галина Викторовна уходит «посмотреть тесто», а я вспоминаю то время: постоянные многочасовые отключения электроэнергии, и, чтобы купить булку хлеба, приходилось дежурить в очереди или по три-четыре раза ходить в магазин. Много было конфликтов и нареканий: хлеб то невыпеченный, то кислый, но это была вина не работников пекарни, технологией приготовления теста и выпечки Галина владела в совершенстве, а вот условия труда были тяжелые, и все из-за перебоев с электроснабжением. Ну, а затем - банкротство ПХТ и т. д. В результате хлеба в Ивановке негде было купить, картина, конечно, типичная для многих сел района. Надо сказать, со временем многие хозяйки приспособились, а тем, у кого еще остались русские печи, вообще повезло. А вот те сельчане, кто по той или иной причине сам не печет, покупает хлеб у Гали. А хлеб у Галины Викторовны отличный, замечательный: пышный, румяный, духмяный, такой хлеб может выпекаться только от живого огня русской печи, и свидетельством качества хлеба Галины Викторовны Бетько может

служить такой факт: нередко городские родственники сельчан, уезжая к себе в город, везут туда хлеб Галины, чтобы попробовали его жена, дети, соседи...

Отряхивая передник и руки, к печи возвращается хозяйка, и еще несколько вопросов, характеризующих ее предприятие, ибо она несомненно предприниматель в отличие от тех многих, кого народ зовет «купи-продай».

- У меня шесть-семь постоянных клиентов, которые берут у меня хлеб и летом, и зимой. За один прием выпекаю двадцать две булки, за день делаю две выпечки, а если есть специальный заказ, то и больше. Хлеб заказывают на похороны, поминальные обеды, свадьбы. Летом, конечно, клиентов больше, поскольку печки в домах не топят. Вы спрашиваете, трудно ли управляться одной? Конечно, трудно, ведь все - ручная работа. Дрова для печи рубит муж, иногда сама.

Я задаю, может быть, некорректный вопрос о чистой прибыли, на который Галя отвечает так:

- Какая там выручка! Считайте сами: дрожжи, масло, соль покупаю, дрова тоже сейчас покупаю. Из мешка выпекаю восемьдесят булок. Булка - 30 тенге. Вот и перемножьте. К тому же с мукой иногда «пролетаю», а продавать людям неудачный хлеб я не могу, приходится «списывать». И это не считая труда.

- Да, труд пекаря не из легких, особенно зимой.

- Все собираюсь оставить это дело и не могу, не могу сидеть без дела. Жить на что-то надо, мужу, Виктору, он механизатор, сейчас начисляют пять тысяч, но живых денег он не получает, все натуроплата.

Я задал Гале последний вопрос: об отношении властей, налоговиков к ее делу и получил следующий ответ.

- Вначале сельская администрация, т. е. акимат, брал какой-то налог, а в последнее время не берут. Боюсь, вот напишите Вы обо мне, и снова начнут изымать налог.

А мне подумалось: «За что же изымать? Если вот только, как при Петре I, за дым из трубы, ведь она же делает нужное, важное дело - снабжает хлебом тех, кто сам не в состоянии его выпечь».

Хочется закончить рассказ о деле Галины Викторовны Бетько пожеланием хорошей тяги ее русской печи!

Победители

Помнится мне то время, когда в мое сознание вошло слово «ветеран», которых у нас в Ивановке называли «хронтовики». Их, «хронтовиков», тогда в нашем селе было больше, чем тех, кто не воевал. Теперь, когда я смотрю на праздничную трибуну в День Победы, где стоят мои «хронтовики», старенькие, угасающие и дорогие мне люди, чувство любви переполняет мое сердце. Я помню фронтовиков моего детства, рассказы которых я слушал на колхозном дворе зимними вечерами, на сельских гулянках. Дымящие махоркой, острые на язык, задиристые порой, умеющие и прихвастнуть, и приврать для полноты рассказа, а также выпить и покуражиться - и опять же для полноты чувств, и еще...

Как жаль, что многих уже нет, а те, кто еще с нами, уже не те, образ которых я помню. Начитавшись книг о войне, посмотревшись фильмов, я сопоставлял все это с рассказами наших фронтовиков и разочаровывался в своих земляках, которые говорили о войне совсем не то. Слышал, как говорили о том, что три дня лежали в снегу, а мороз за тридцать... «Целый месяц не разувался, а везде сырость, снял обмотки, а на ногах вместо кожи - мясо»... Или «Идешь и спишь, в спину впереди идущего ударишься и проснешься, тронулись и опять спишь». Я спрашивал у отца: «Па, ты сколько фашистов убил?». «Не знаю, не видел», - отвечал он. «Я минометчик, - говорил отец, - плитку на спине таскал», но мне это было не интересно. Имена моих земляков, не вернувшихся с войны, на обелиске Славы у сельского Дома культуры, они внесены в Книгу Памяти, а те, кто пришел с войны, многие не дожили до этого дня. Имена живых я помню и хочу о них рассказать.

Он сделал все, что мог

Не умеет складно рассказывать аксакал о своей фронтовой судьбе. Не может оперировать номерами частей и соединений, вспомнить все географические названия сел и городов. Многие ушло из памяти, многое просто не знал, не до этого было в то горячее время.

Исабеку Жумадильдину 85 лет. Остались в памяти города: Куйбышев, Орел, Брянск, Смоленск и минометы пехотного сопровождения. В Ивановку, вернее, в аул Кзыл-Дихан (в полутора-двух километрах к северу от села Ивановки), Исабек приехал в 1922 году из Жана-Аркинского района после смерти родителей. Приехал к

дяде Абылгазы Бейсову, а было Исабеку в то время 12 лет. Рано познал труд, работал в ТОЗе, а затем в колхозе «Трудовик». Был мобилизован на работу в Карагандинский угольный бассейн. Работал отбойщиком на шахте «Кировская», перед войной снова вернулся в колхоз «Трудовик». А в 1942 году был мобилизован на фронт, попал вначале на сборный пункт Акмолинска, а затем в прифронтовой город Куйбышев. Здесь комплектовались части для пополнения Донского и Брянского фронтов. Исабека определили заряжающим миномета. Участвовал в боях под Орлом, Брянском, Смоленском. Дважды ранен. Осенью 1943 года после второго ранения был комиссован домой, получил вторую группу инвалидности.

Наша молодость - Северо-Западный фронт

«И пушки молчат дальнобойные, залпы давно не слышны, что ж мне ночами бессонными сняться тревожные сны... », - так поется в известной песне. А вот Григорию Владимировичу Соболе неспокойные сны снятся и по сей день. Он иногда слышит во сне и залпы орудий, но чаще рокот трактора, на котором проработал всю свою жизнь.

На действительную службу Григорий Соболя был призван в октябре сорокового года. Пришлось служить на Дальнем Востоке в строительных войсках. Непокойно было в то время в тех местах, японские войска после поражения на Халкин-Голе и у озера Хасан не могли никак успокоиться. Строил дороги, укреплял мосты и так до марта 41-го. А затем эшелонам через всю страну и на Кольский полуостров.

Выгрузились на станции Мурмаши недалеко от Мурманска, и началось строительство укреплений. Финская кампания была завершена, но запах войны стоял в Европе. 22 июня 1941 года, несмотря на выходной, был ранний подъем, затем поступила команда прятать в лесу ящики с боеприпасами из склада. А к полудню уже немецкие бомбардировщики со свастикой бомбили станцию и ГЭС на реке Кола. Вот так началась война для Григория Соболя. О том, что защитники Кольского полуострова стояли насмерть и фашисты практически за время войны так и не овладели полуостровом, написано немало книг. Воевал Григорий Соболя в разведке, не раз приходилось смотреть смерти в глаза. В 1944 году после снятия блокады Ленинграда и выхода Финляндии из войны войска с Кольского полуострова были переброшены под Будапешт. В боях у озера Балатон Григорий Владимирович получили осколочное ранение, последний

осколок был извлечен в Киевской районной больнице в 1986 году. Там, в госпитале в Югославии, он встретил Победу - 9 мая.

Награжден Григорий Владимирович орденом Красной Звезды. Но и после Победы Григорий Собора домой не попал. Отправлял домой «старичков» уже из Румынии и только осенью 1946 года он оказался дома, в родной Ивановке.

Вернулся домой - и на трактор, и так до самой пенсии. «Может, со слухом у меня от трактора теперь», - задумчиво сказал мне Григорий Владимирович Собора.

В жизни всему уделяется место

Как-то мой отец привел в дом, а это было в марте 1961 года, двоих мужчин. Один был высокий, стройный, другой - маленький. В руке у одного был топорик, а у другого - ножовка. Слушая их, я впервые услышал белорусскую речь. Это были наши ветераны войны Емельян Дмитриевич Войтко и Иван Михайлович Гривицкий.

К сожалению, у Ивана Михайловича Гривицкого в этот день, когда я хотел побеседовать с ним, заболела жена. А Емельян Дмитриевич Войтко рассказал о том, что с Гривицким они погодки, вместе в 1961 году на целину приехали. Говорить с Емельяном Дмитриевичем было одно удовольствие: живой, веселый, обладающий чувством юмора.

Воевал Емельян Дмитриевич в партизанах, совершая рейды по вражеским тылам. Партизаном он стал в начале 1943 года, сначала был связным отряда Шпаковича, а затем находился в боевом составе партизан.

Родились Войтко и Гривицкий в Гродненской области, в деревне Ласовичи. По определению самого Емельяна Дмитриевича, «родились, крестились, учились и жили под поляками. В 1939 году Красная Армия присоединила наши земли к советской державе».

В первые дни войны они вновь оказались в немецкой оккупации. «В 1944 году при освобождении нашей местности от фашистов наше партизанское соединение влилось в ряды Красной Армии. Меня, как местного жителя, прикомандировали служить при сельском Совете по мобилизации и призыву мужчин на фронт. Вот тогда-то я и привез своего друга Гривицкого и других хлопцев в военкомат, а там и на фронт. И не посрамили мы своего запоздалого прихода в ряды Красной Армии».

Вернулся Емельян Дмитриевич Войтко в родные края в 1946 году. А затем вместе с Иваном Михайловичем Гривицким в 1961 году они, два ветерана войны, оказались в селе Ивановка.

На сопках Манчжурии

На левом берегу Нуры, около центральной усадьбы совхоза «Индустриальный», стояло когда-то несколько землянок. Называлось это поселение фермой колхоза «Трудовик» или Красный берег. Там и жила семья Степана Чернышова. Весть о начале войны 22 июня 1941 года дошла до этих мест, когда его сыну, Савелию Чернышову, было всего 15 лет от роду. «Все для фронта, все для Победы», - под таким лозунгом трудились колхозники во время войны.

В январе 1943 года к призыву шли юноши 1925 года рождения, с ними ушел и 17-летний Савелий Чернышов. Находясь на сборном пункте в Акмолинске, у всех на устах было одно: как там, под Сталинградом? Но эшелоны «телячьих» вагонов повезли новобранцев не на запад, а на восток. Служить выпало Савелию Чернышову в 383-м армейском инженерном батальоне в городах: Чита, Иркутск, Хабаровск. Строили железные дороги, переправы, мосты, доты и дзоты. И так до 9 августа 1945 года. Практически более 4 лет стояли против самураев на Дальнем Востоке строители, сооружали, короче, готовились к войне с японцами. Но эта война была позиционная, и она нужна была нам это война, но после Победы над фашистской Германией.

В беседе Савелий Степанович не раз подчеркивал, что в боях тяжелых не участвовал, а войну всю пережил в душе. 9 августа советские войска, сломав неприступную оборонительную линию японцев на реке Аргунь, пошли в наступление, а 3 сентября 1945 года полуторамиллионная Квантунская армия капитулировала.

Десятки, сотни, тысячи мин было обезврежено саперами, среди которых воевал и Савелий Степанович Чернышов. Работы было столько, что Савелий Степанович демобилизовался только 13 июня 1947 года. Так что только ровно через четыре долгих и трудных года Савелий Степанович увидел снова свой Красный берег.

Так бывало на «Веселом»

Сергей Мареевич Туляков, вспоминая о своей родине, так и не мог сказать, что «Веселое» - это село или хутор из десяти-двенадцати дворов. Русские бревенчатые избы на пригорке, внизу тихая и светлая красавица река Десна, а вокруг дремучий Брянский лес.

В августе 1941 года и к «Веселому» неумолимо приближалась линия фронта. Сергей со своими сверстниками, такими же 18-летними

парнями, работали по 14 часов на демонтаже и погрузке станков и оборудования на железнодорожные платформы по эвакуации вглубь страны завода. Спорили о том, что будет дальше, а на душе было тревожно.

В сентябре гитлеровцы выбросили крупный десант, и местность оказалась на линии фронта. Сергей и его товарищи искали выход из создавшегося положения, решив идти на восток к своим. Краткосрочные курсы минометчиков, сержантская школа в Омске и фронт. Первое боевое крещение Сергей Мареевич Туляков получил 2-го мая 1942 года под Старой Руссой, как говорится, попал к началу летнего наступления немцев на Москву. Военные историки говорят о том, что исход войны был решен под Москвой, под Сталинградом и на Курской дуге. Но отец говорил, что если бы не выстояли тогда, весной 1942 года, в болотах под Старой Руссой, Ржевом, было бы очень трудно. Тогда-то впервые был издан приказ Главнокомандующего: «Ни шагу назад!». Бомбардировки, артобстрел из всех видов орудий по нашим позициям шел не часами, а днями и неделями. «Сколько крови, сколько изувеченных жизней пришлось увидеть в тех болотах», - говорил отец.

Когда я был маленьким, ставил под сомнения подвиги своего отца и вообще его знание войны. Главным моим аргументом был: «Ты воевал-то всего три месяца и не увидел по-настоящему войны...». 9 августа Сергей Туляков получил тяжелое ранение и попал в медсанбат, а потом и в госпиталь. Лечился в Вышнем Волочке, Борисоглебске, Алма-Ате и Караганде. На шахте работать здоровье не позволяло, так и попал Сергей Туляков в село Ивановку.

В 1946 году пытался выехать в родные места. Поехал с женой и дочерью. Подошел к знакомому пригорку, а там нет того «Веселого» поселка, где родился, учился и откуда ушел на войну. Вместо родных домов - пепелище. Многих односельчан расстреляли фашисты за связь с партизанами, а оставшиеся земляки живут в землянках. И только знакомый ручей напомнил об ушедших годах. В 1947 году Сергей Мареевич Туляков вернулся в Ивановку, где так и живет по сей день.

Из песни слов не выкинешь

Бергена Бейсекеевича Бейсекеева знают все в Ивановке, да и в районе он человек известный. О нем писала и районная газета «Нура».

Работал, воевал, да причем воевал в составе Донского фронта в то жаркое лето под Сталинградом. Не по своей вине не дотянул до полной

капитуляции армии фельдмаршала Паулоса, так как был ранен и находился в госпитале в городе Камышине.

Домой вернулся в 1943 году, вот тогда-то сержанту войны Бергену Бейсекееву предложили работать в комендатуре села Казгородок. Приказ есть приказ, и его не обсуждают. Главное, везде и всегда он, как сын казахского народа, был честен перед людьми и совестью.

Вот и познакомились мы с ветеранами войны села Ивановки. Конечно, в своем повествовании я рассказал не обо всех, написал лишь о тех, кого знаю и помню.

Победители - так озаглавил я этот материал в самом широком смысле этого слова. Низкий поклон вам, дорогие наши ветераны, за ваш подвиг!

И в дни войны, и в мирные годы

«Вот уж окна зажглись,
Я шагаю с работы устало,
Я люблю тебя жизнь
И хочу, чтобы лучше ты стала...»
Из песни советских лет.

Когда мне приходится беседовать с людьми старшего поколения, и я прошу их рассказать о себе, о прожитой жизни, то чаще всего слышу в ответ: «Да что рассказывать? Жили, работали, трудились». Кому-то, возможно, такой ответ покажется бедностью мироощущения. Но тот, кто так считает, глубоко ошибается: как раз наоборот - у этих людей очень богато чувство мироощущения, через труд они познали, нашли смысл своего бытия, обрели нравственное здоровье и физическое тоже. В последние годы кое-кто пытается смутить старшее поколение, посеять в их душах сомнения в правильности их жизненных ориентиров. Вот, дескать, вкалывали за «палочки» и т. п. Большинство облагороженных трудом людей в глубине души не согласны с этими «доброжелателями» в главном. Они обезоруживают этих «ревизоров» истории одной лишь фразой: «Надо было, вот и работали». А ведь, действительно, что же они должны были предъявлять своей стране - свои счета и трудиться только за «баксы»? А для них важнее было не за что, а для чего!

Прошу извинения у читателя за это вступление, но без него рассказ о людях, отстоявших страну в годы войны, а потом и восстановивших ее порушенное войной народное хозяйство, был бы неполным. И эта прелембуда в полной мере относится к женщине - труженице тыла, о которой я и хочу рассказать.

7 октября текущего года Матрене Федоровне Дымнич исполнилось 90 лет. Признаюсь, идя на встречу-беседу с Матреной Федоровной, я опасался, что беседа может не состояться или пройти не так, как бы я хотел: 90 есть 90, и это не просто цифра, а годы, да и какие годы. Но мои опасения оказались напрасными: Матрена Федоровна, как говорят, сохранила ясную голову, все помнит, хорошо ориентируется во времени, и нам даже не пришлось прибегнуть к помощи Надежды Андреевны - дочери Матрены Федоровны, с которой она теперь живет.

«Отец мой - Лысенко Федор Игнатьевич, маму звали Харитина Григорьевна. Они умерли рано, царствие им небесное: мама - в 26-ом, а отец - в 30-м. Когда умерла мама, мне тогда не было еще и 12-ти...»

Матрена Федоровна, сидя на диване и обхватив колени руками, плавно покачивается в такт словам, повествуя о далеком, но таком близком ее сердцу времени.

Да, ее родители умерли рано, оставив восьмерых детей: семь дочерей и сына. Брата Матрены звали Прокопом, он был с 1907 года рождения, а сама она была предпоследней. Прокоп-то и возглавил осиротевшую семью. Жили тогда еще одиночно, ведя свое хозяйство. Вот с той поры и надо исчислять трудовой стаж Матрены Федоровны, т. е. с 12 лет. Что делала, чем занималась? Да всем, чем жили и занимались взрослые женщины-односельчанки, ведущие свое хозяйство, и перечислять те заботы нет надобности, да всего и не припомнишь. В начале 31-го и в Ивановке тоже было проведено обобщение личных подворий, т. е. прошла коллективизация, и тогда уже Матрена стала молодой колхозной дояркой.

В 1936 году Матрена вышла замуж. Ее супругом стал Андрей Степанович Дымнич. Он - земляк Матрены, т. е. тоже ивановский, но работал агрономом в совхозе Кызыл-Казахский. Это северо-западнее Ивановки, на левом берегу Нуры в районе озера Жаманколь. Совхоз был основан спецпереселенцами, но вскоре расформирован (вроде бы из-за отсутствия пресной воды). Вот там-то на некоторое время и поселилась молодая семья Дымнич. А перед самой войной их семья уже состояла из 5-ти человек: первый сын Николай был с 37-го года, второй сын Петр - с 38-го и дочь Надя - с 40-го года.

Муж Матрены Федоровны ушел на фронт в первый год войны, а 5 декабря 42-го в самый разгар Сталинградской битвы пал смертью храбрых за этот город. Теперь его имя вписано в Книгу Памяти.

Как жилось Матрене Федоровне с тремя малолетними детьми в эти военные и послевоенные годы, об этом много и сказано, и написано: она стойко разделила судьбу десятков, сотен тысяч женщин страны с такой вот вдовой долей - тружениц тыла, и только самоотверженный труд во имя Победы снимал тот нагар с их сердец. Может быть, вот это единение судеб и помогло Матрене Федоровне преодолеть все невзгоды. Работа, работа до изнеможения - все для фронта, все для Победы! В уборочную страду на токах по 12-14 часов вручную вращала веялки и молотилки, таскала на плечах 70-килограммовые мешки с зерном. Да, да вот за эти «палочки», о которых теперь так любит кое-кто поговорить. Но как бы теперь не судили-рядили, но вот эти трудодни не дали умереть с голоду и приближали День Победы.

И он пришел этот День Победы! И тридцатилетняя вдова Матрена Дымнич вышла на улицу родного села к людям и плакала, обнимая

своих детей. А на следующий день опять работа, работа, работа, но уже по восстановлению народного хозяйства.

В октябре 46-го Матрену Федоровну наградили медалью «За доблестный труд в 1941-1945 годы», а через 10 лет медалью «За освоение целинных земель». Последняя ее награда - памятный Знак «Ветеран войны». Конечно, это не ордена первых степеней: скромненько, но вот такие скромные люди и делали большую историю страны.

Многие годы Матрена Федоровна работала на колхозном, потом совхозном огороде. А овощи, например, капусту, колхоза «Трудовик» знали не только в районе, но и в бурно растущей шахтерской Караганде, и в неделимой той массе колхоза-миллионера «Трудовик» была значительная доля труда этой женщины-труженицы.

В 1969 году Матрена Федоровна вышла на пенсию. К этому времени она уже жила одна: сыновья поженились, дочь вышла замуж. Николай жил в Шахане, Петр - в Экибастузе, а дочь Надя с семьей жила в Ивановке. В 72-ом Петр увез мать к себе, в Экибастуз. 18 лет прожила Матрена Федоровна в этом городе. Но в 89-ом случилось несчастье: трагически погиб сын и, прожив в городе без сына чуть более года, Матрена Федоровна вернулась на родину - в Ивановку. Жить стала с дочерью. Тут, наверное, уместно будет отметить, что за день до трагической смерти брата Надежда Герзиковна похоронила своего мужа Леонида. Да, бывают в жизни и такие стечения обстоятельств. А старший сын в настоящее время живет за границей - в России, в городе Санкт-Петербурге. Но вот уже три года подряд находит возможность приехать на родину - в Ивановку, навестить мать.

У бабушки Матрены шесть внуков, одиннадцать правнуков.

Беседа наша подходила к концу, на часах было около 12 пополудни, и тут я заметил какое-то напряженное ожидание на лицах матери и дочери. Надежда Андреевна несколько раз подходила к окну, смотрела на часы и говорила матери: «По времени уже должен пройти, наверное, что-то помешало сегодня...». Я догадался: речь идет об автобусе Караганда-Киевка, который идет через Интумак. Он в Ивановке обычно и бывает около 12-ти. Но кого ждут мать и дочь? И тут мое невысказанное любопытство было удовлетворено: Надежда Андреевна проговорила: «Николай уже тут, в Караганде. К сыну заехал. Звонил. Собирался сегодня приехать к нам». А сегодня - 4 октября, и к 90-летию мамы сын Николай обязательно подъедет.

Матрена Федоровна, счастливой встречи с сыном. Будьте здоровы! Живите долго! Я хочу через 10 лет опять прийти к вам в гости.

... и жизнь продолжается!

Жизнь прекрасна в любом возрасте. Вот только очень важно взять нужную тональность - ноту, созвучную твоему возрасту - и тебе будет хорошо, ты будешь, как говорится, в ладах сам с собою, будешь востребован жизнью, людьми. Вот об этом невольно подумалось мне, когда я пришел в дом Кобека Ахметжановича Интыкаева, и мы втроем, я, хозяин и его жена, Ания Акимбековна, беседовали за их гостеприимным дастарханом.

- Моя, так сказать, настоящая должность - председатель Совета старейшин поселка Киевка. В какой-то степени мы - советники акима района, - повествует Кобек Ахметжанович, нарезая тонкими ломтиками хлеб и масло. - Пропало сорок голов частных лошадей. Был у начальника РОВД по этому поводу, собирал деньги у пострадавших на оплату автомашины, ездили по селам, табунам, искали.

Пастьба скота, благоустройство поселка, воспитание молодежи и так далее - вот чем занят теперь Кобек Ахметжанович. Да, это теперь в свои семьдесят четыре года. А было время, когда спектр деятельности этого в общем-то еще энергичного человека был куда шире и значительно напряженней.

Родился Кобек Интыкаев в 1930-м году в местечке Кызыл-Дихан - это в полутора-двух километрах севернее села Ивановки. И хотя в семье Ахметжана Интыкаева было всего двое детей: сестра с 28-го года и он, Кобек, жили бедно. Но, несмотря на трудное время, Кобек окончил среднюю школу: учился в Киевке, а затем в Казгородке. Еще учась, твердо решил: буду учителем. Окончив школу, поступил в Карагандинский двухгодичный учительский институт на исторический факультет. С 50-го года начал свою преподавательскую деятельность в Киевской средней школе. В 52-м Кобек женился, взяв в спутницы жизни Анию Акимбекову. Она - тоже преподаватель, казахского языка и литературы. Окончила Алма-Атинский государственный женский педагогический институт. Было в то время такое заведение, где учились девушки-казашки.

К беседе подключается Ания Акимбековна, открывая краник самовара, чтобы наполнить очередную чашку чая.

- Родила девятерых детей. Четверо умерли в младенчестве. Сейчас у нас с Кобеком - четыре дочери и сын.

Да, супруги Интыкаевы воспитали пятерых детей, дав всем им высшее образование и путевку в жизнь: две дочери пошли по стопам родителей, окончив педагогический институт, две - экономический, а

сын - инженерно-строительный. Старшая дочь, Жаннет, филолог, но в настоящее время не работает, находится на инвалидности. Вторая дочь, Ляззат, экономист, работает в районном архиве. Третья дочь, Лейла, биолог, сейчас работает в Сбербанке. Сын, Турар, трудится в Астане на одной из турецких строительных фирм. Автор здесь уделил внимание детям Кобека Ахметжановича лишь для того, чтобы сказать: к жизни Кобека Ахметжановича всегда относился серьезно, целенаправленно, ответственно.

В 54-м молодого, энергичного преподавателя истории, кстати, уже члена КПСС, заметили в райкоме партии и предложили поработать инструктором отдела агитации и пропаганды, и Кобек дал свое согласие, а через некоторое время ему предложили возглавить этот отдел, где он работал с 54-го до 58-го.

- 1 марта 54-го мне предложили поработать в райкоме, и в этот же день вышло Постановление Пленума ЦК КПСС об освоении целинных и залежных земель. Вот такое совпадение, - говорит Кобек Ахметжанович.

Да, время было бурное, интересное и судьбоносное для миллионов граждан СССР и для Кобека Интыкаева тоже. Работа в отделе агитации и пропаганды была многоплановая и интересная: бывал в целинных совхозах, на полевых станах и прямо в загонке, встречался, беседовал с первоцелинниками. Лекции и доклады, «Молнии» и концерты художественной самодеятельности - все было в сфере деятельности Кобека Интыкаева, и все это было важно и нужно. Говоря о том времени, вспоминая о целинной эпопее, Кобек Ахметжанович вдохновляется:

- Нет, чтобы сейчас не говорили, не писали о том времени, о целине, коммунистах, идеологии, мы делали важное, нужное, хорошее дело.

А в 61-м райком КП рекомендует кандидатуру Интыкаева на должность заведующего райОНО, и его утверждают. На этом важном посту Кобек плодотворно трудился почти 10 лет - до 70-го года. Это было время укрепления материальной базы школ района, укомплектования преподавательского состава педагогами с высшим образованием. И Кобек Ахметжанович был деятельным, требовательным, принципиальным и справедливым. Просто нет возможности привести факты, рассказать о конфликтных ситуациях. В его жизни был случай, когда он освобождался от работы, но, проявляя твердость характера, был восстановлен в прежней должности, отстоял своего коллегу - преподавателя и свою репутацию. Это говорит о том, что он мог быть и твердым, и принципиальным, чего многим руководителям недостает.

Все же вскоре, на очередной конференции учителей района, Интыкаев был переизбран и снова вернулся в школу преподавать свой предмет - историю. Как педагога его может характеризовать такой факт. На педагогических чтениях 73-го года его работа на тему: «Совместная работа школы, семьи и общественности по атеистическому воспитанию учащихся» заняла первое место в районе, затем и в области. Кобек Ахметжанович был направлен в Алма-Ату на республиканские педагогические чтения, где ему были вручены диплом и денежная премия. Был он участником и всесоюзных чтений, которые на этот раз проходили в городе Минске. А это - прецедент, потому что до него никто из преподавателей из сельских районов не участвовал в чтениях такого ранга.

В 76-м первый секретарь райкома партии Н. Е. Задорожный предлагает кандидатуру Интыкаева на пост председателя исполкома Киевского поссовета, и очередная сессия депутатов поссовета поддержала его кандидатуру. Кобек Ахметжанович возглавлял исполком поссовета с 76-го по 85-й год. Численность жителей поселка Киевка в то время доходила до 10 тысяч, поселок строился, были возведены и сданы в эксплуатацию здания двух школ, второй и третьей. По улице Советской построен учительский дом на 16 квартир, в районе ДСРа - детский сад, жилые двухэтажки по улице Паркоммуны - Кунаева, заасфальтированы улицы Мира, Степная, 40 лет Победы.

Вводилась жилплощадь, шло распределение новых квартир, а это, как знаете, дело непростое. Тут надо быть и принципиальным, и справедливым. На территории поссовета дислоцировались такие крупные предприятия, как АТП, ДСР, ДСУ, сельхозтехника, пивзавод, молзавод, хлебзавод, комхоз, и они в значительной мере влияли на жизнь поселка. Такие руководители этих производств, как Петриченко - АТП, Абдулов - комхоз, Чечко - ДСР, Оноприенко - ДЭУ, Даутов - молзавод, Плитич - пивзавод, являясь депутатами поссовета, вносили большой вклад в дело благоустройства и озеленения поселка и конечно же, все это направлял и корректировал председатель поссовета Кобек Ахметжанович Интыкаев. Были высажены тысячи деревьев и кустарников, проложены сотни метров тротуаров, и в смотре сельских райцентров по благоустройству поселок городского типа Киевка неоднократно занимал I место в области.

А потом снова родная стихия - школа, преподавание истории. И так до выхода на пенсию. Но, и выйдя на пенсию, Кобек Ахметжанович не отошел от общественной деятельности: семь лет возглавлял профком учителей района. Это было время тотального безденежья, когда по

полгода и более не выплачивалась зарплата. И он, как мог, защищал интересы своих коллег.

Кобек Ахметжанович - заслуженный работник просвещения республики. По данным отдела внутренней политики при акиме района, у него высокая степень влияния на общественное мнение, он всегда в гуще общественной жизни поселка, района, выступает перед молодежью на различных форумах. Одним словом, жизнь продолжается!

За строкой трудовой книжки

Трудиться подросток Володя Балан начал задолго до появления первой записи в трудовой книжке. Отец ушел на фронт в первый год войны, ушел, чтобы не вернуться уже никогда. У матери, Федоры Федоровны, их - детей осталось двое: он, Володя, и младший брат Коля, 1940-го года рождения. Еще учась в школе, Володя в летние каникулы уже работал в колхозе: в сенокос - на конных граблях, на скирдовании, одним словом, куда поставят председатель колхоза или бригадир.

Из рассказа Владимира Григорьевича о том времени: «Одно время меня определили на должность доставщика. Дали мне лошадь с повозкой, и я должен был утром объезжать дворы, где хозяйки, как сейчас бы сказали, вручали мне «тормозки», чтобы я доставил харчи их мужьям, сыновьям - косарям, работающим на дальних угодьях колхоза. Аул Кзыл-Дихан (его сейчас нет) входил в наш колхоз, там тоже жили косари, и мне надо было и им собрать «тормозки». Однажды одна хозяйка вынесла и положила на повозку большой бурдюк с кислым молоком на ведра три-четыре. А я не привязал его, он разбултыхался дорогой на кочках и - под колесо. Раздался взрыв, и меня всего обдало кислым молоком...». Это сейчас ситуация кажется смешной, а тогда Володе Балану было не до смеха.

Владимир вырослел, и его уже назначили прицепщиком. Плуги тогда были без гидравлики, их лемеха углублялись или поднимались вручную специальным механизмом. Вот это и вверялось прицепщику в обязанность. Частенько Владимир садился и за фракционный трактор, подменяя тракториста. Видя и зная, что Володя хорошо освоил трактор, бригадир Вилли Карлович Подлих, когда возникла надобность, определил его трактористом. Пахотой молодого тракториста были довольны и агроном Иван Хасуев (а может, и не Иван, но именно так все звали этого человека, чеченца по национальности), и учетчик Эмануил Гольштейн, поскольку норму Владимир перекрывал ежедневно. Кстати, в то время и в бригаде, и в колхозе было много депортированных немцев и чеченцев, которые работали наравне с местными жителями. Трудно было всем - время было нелегкое.

В апреле 1954 в селе появились приезжие - первоцелинники. В дом Федоры Федоровны правление колхоза тоже определило постояльцев. Угодья колхоза «Трудовик» на левом берегу Нуры потеснил целинный совхоз «Индустриальный». Осенью 55-го молодой тракторист

Владимир Балан на своем «ДТ-54» тоже пахал целину в местечке Ушак за озером Жаманколь, припахивая клин к посевной площади колхоза (сейчас это земля ТОО «Киевский»). И в армию он ушел, так сказать, прямо из борозды. Хорошо помнит, как подъехал бригадир, остановил трактор и говорит: «Езжай домой, собирайся! Завтра с вещами в военкомат». «Что собираться, мать и не готовилась к моим проводам...». Пригласили соседей, распили бутылку. Почему такая спешка? Возможно, этому способствовали надвигающиеся события 56-го года в Венгрии и Чехословакии. Службу проходил на юге Украины, в Николаеве, в танковых частях. Дослужить срок не пришлось: в одном из ночных учений танк старшего сержанта Владимира Балана влетел в заброшенную силосную яму, и Владимир получил серьезную травму: перелом тазовой кости. Что же, на службе случается и такое. Был госпиталь, а затем комиссовали. Вернулся домой, в колхоз, и - на трактор, о чем и свидетельствует первая запись в его трудовой книжке.

Сев однажды за фракционный трактор, Владимир Григорьевич никуда и никогда не увольнялся и не переходил. Разве что с одной бригады в другую: с левого берега Нуры на правый. А то, что в трудовой книжке есть записи: «Киевская МТС», «Совхоз «Индустриальный», «Трудовик» - так это следствие реорганизации: укрупнения и разукрупнения хозяйств. Всю жизнь Владимир Григорьевич был верен своей Ивановке, своей земле, своему полю. Двенадцать лет он руководил одной - первой бригадой. И за все это время бригада всегда была первой и по совхозу «Индустриальный», а затем и совхозу «Трудовик», будь то сев или уборка. И теперь у него целая коллекция грамот и дипломов, и личных, и бригадных.

А бригадиром он стал почти случайно. «Ивановка тогда считалась вторым отделением совхоза «Индустриальный». Нашу бригаду возглавлял Василий Крецу, а жил он на центральной усадьбе. И то ли это было Крецу несподручно, то ли еще что-то, но директор совхоза В. Ф. Вольф стал подбирать кандидатуру. Советовался с управляющим К. Ашимовым, заведующим РММ Я. Реннером, и они предложили меня, мол, Балан потянет. Я решил попробовать».

Справлялся со своими обязанностями Владимир Григорьевич хорошо. В бригаде были дисциплина и порядок, люди понимали его, а он их, ведь он же сам из трактористов и местный. И если надо было отстаивать своего члена бригады, будь то конфликт с дирекцией из-за норм выработки, расценок или в вопросе распределения поступающей новой техники, он мог постоять за товарища.

Небывалым был урожай 72-го и по щедрости, урожайности и по сложности уборки. Август был дождливым, пшеница запаздывала с

созреванием, пришлось убирать отдельно, а это дополнительные затраты и времени, и ГСМ. А осень властно вступала в свои права: дожди и первый снегопад прижали валки к земле, пшеница начала прорастать, и подборщики на комбайнах подбирали колос с земли, чтобы наполнить молотильные агрегаты. Пришлось на подъем валков мобилизовать все село, от школьников до пенсионеров, которые поднимали их вручную вилами. За уборку этого урожая Владимир Григорьевич наряду с другими хлеборобами района Указом от 13 декабря 1972 года был удостоен высокой награды Президиума Верховного Совета СССР - ордена Трудового Красного Знамени. Район же в тот год засыпал в закрома Родины 13 миллионов пудов хлеба. Сейчас эта награда лежит рядом со знаком «Победитель трудовой вахты в честь XX съезда ВЛКСМ», медалью «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», Благодарственным письмом за уборку юбилейного 10-го целинного урожая и почти двумя десятками других грамот и дипломов. К этим наградам в этом году прибавилась и юбилейная медаль «Тыңға 50 жыл».

Сейчас Владимир Григорьевич на пенсии. Вдвоем с женой Евдокией Васильевной они вырастили троих детей, все живут в Ивановке. Деда с бабушкой часто навещают семеро внуков. Жизнь продолжается.

На долю Владимира Григорьевича выпало хоть и трудное, но славное время, и он честно и хорошо потрудился на благо своей страны.

Глядя на этих парней...

Этот фотоснимок сделан в городе Тимишоары (Румыния) второго марта 46-го года. Позади у этих молодых, бравых ребят страшная война с ее сутолокой, грязью, слезами проклятий дорог отступлений, кровью яростных бросков вперед, на запад, с ужасом рукопашных схваток во вражеских траншеях, где уже автомат «работал» плохо и в ход шли лопаты, ломы, руки и ноги. Но сейчас с фотографии на нас смотрят чистые, задорные, веселые и добрые лица, без злобы или высокомерного чванства «победителя» в глазах. Когда я впервые увидел этот снимок, мне почему-то вспомнилось: дав «добро» на атомную бомбардировку Хиросимы и Нагасаки и упиваясь произведенным эффектом, президент США Гарри Трумэн облегченно заявил: «Я нашел дубинку на этих парней...». Он имел в виду, конечно, нашего солдата - победителя, а значит, и этих парней, в частности.

Да, боялся тогда наш лицемерный союзник этих парней. Тесна тогда была старушка Европа для нашего солдата-освободителя. «Последний раз я был ранен в Венгрии, а залечивал эту рану в Югославии», - так рассказывал мне о себе в девяносто пятом один из этих парней. Вот так широко и щедро тогда они жили: пролил кровь за Балатон, а переливание делали уже на Балканах. Это сейчас мы посыпаем головы пеплом: каемся - расканиваемся, крестимся - отрециваемся и вообще, как говорится, умны стали задним числом, а им не в чем и некогда было расканиваться, они просто любили свою Родину, служили ей и вершили историю.

Так кто же они - эти молодые люди, смотрящие на нас с фото того, уже далекого 46-го? Я знаю одного из них, стоящего слева, это мой земляк Григорий Владимирович Собора. Постоянные читатели «Нуры», возможно, помнят статью «Победители», в которой я в канун празднования 50-летия Победы рассказал обо всех шести ветеранах Великой Отечественной, живших в Ивановке, в том числе коротко поведал о Г. В. Соборе. Но многое из сведений о нем осталось тогда за строкой, не был опубликован и снимок. Сейчас из тех шестерых в живых осталось трое. А Григорий Владимирович Собора ушел от нас буквально через несколько дней после той нашей беседы в мае 95-го, отпраздновав 50-летие Победы.

Я мысленно часто возвращался к этому фотоснимку и к записям, что оставались в моем блокноте, которые не вошли в рассказ о земляке-ветеране. Так пусть это произойдет теперь, да и долг свой перед ветераном и его семьей будет мною исполнен.

«Пушки молчат дальнббойные, залпы давно не слышны. Что ж мне ночами бессонными снятся тревожные сны...». Это из песни, помните? А вот это уже из реальной жизни ветерана: и ночи бессонные, и тревожные сны. А что касается фразы: «залпы давно не слышны», то тут у Григория Владимировича немного иначе: иногда ему так явственно слышны и артиллерийские залпы, и рокот трактора, и вообще такой шум в ушах стоит, что даже уже и слуховой аппарат не помогает ему расслышать человеческую речь и прочие звуки нашего с вами бытия. «Я и не знаю даже, как Вы с ним побеседуете», - посетовала жена Григория Владимировича, узнав о цели моего визита.

Бравый тракторист из колхоза «Трудовик» Собора Гриша был призван на действительную службу в Красную Армию в октябре 40-го года. Служить ему довелось на Дальнем Востоке недалеко от Благовещенска, в строительных войсках. Непокойно было на Востоке даже после наших побед под Халкин-Голом и на озере Хасан. Японцы явно «мудрили», и приходилось в спешном порядке строить дороги, мосты, укрепления, т. е. быть начеку. Так проходила его служба до марта 41-го. А затем - в эшелоны и через всю страну на Кольский полуостров. Выгрузили на станции Мурмаши, что в двадцати километрах от Мурманска. И опять строительство, несмотря на то, что финская кампания уже была завершена и подписан мирный договор.

Строили вплоть до 22 июня. Был день, как день, и только удивило Григория и его сослуживцев лишь то, что несмотря на выходной, подъем был объявлен рано, без обычных зарядки и завтрака, и была дана странная команда: разносить по лесу и прилегающей местности ящики с боеприпасами. Ну, а к обеду налетели бомбардировщики со свастикой. Бомбили станцию и ГЭС на реке Кола, стратегически важную для всего Кольского полуострова. А о войне еще не было сказано ни слова.

Вот таким было начало войны для Григория Соборы. Надо сказать: защитники на Кольском стояли насмерть, фронт за все время войны существенно не менялся, шли тяжелые, изнурительные позиционные бои с яростными контрактами с обеих сторон. В таких ситуациях существенную роль играет разведка, предопределяя успех ударов. А Григорий был в полковой разведке и не раз с товарищами волок «языков» к себе «домой» через «ничью». В 44-ом, уже после снятия блокады Ленинграда и выхода Финляндии из войны войска с Кольского полуострова были переброшены под Будапешт, который к тому времени был окружен, но еще не взят.

За взятие Будапешта Григорий Собора был награжден орденом Красной Звезды. Освобождал и город Секешфехешвар. А вот в боях

под озером Балатон 19 марта 1945-го получил осколочное ранение, последствия которого ощущал до последнего дня. После этого ранения и лежал в госпитале в Югославии. Там и отпраздновал Победу. Поправился и опять в свою часть. Вскоре началась работа по демобилизации. В первую очередь отправляли «старичков». Григорий, сопровождая их, и сам получил месячный отпуск на родину. Но демобилизовался только осенью сорок шестого - шесть лет было отдано ратной службе. Вернулся домой и снова на трактор - до самой пенсии. «Может быть, и со слухом у меня теперь так от этого трактора», - задумчиво подытожил тогда свой рассказ Григорий Владимирович Собора.

А война пришла домой

9 мая 2000 года, отмечая 55 годовщину Победы, в Ивановке, как и повсеместно, тоже будут чествовать своих ветеранов войны. Как уж повелось, к 11 часам у обелиска Памяти соберутся празднично одетые односельчане, а на праздничную трибуну пригласят их - ветеранов. Я не стал употреблять высоких слов: «наши герои» и т. д., ибо считаю, что это уже стало штампом и не возвеличивает людей, прикоснувшихся к войне. Человек, прошедший через войну - разве этого мало для того, чтобы молодое поколение отличало, любило, восхищалось этими людьми? Вот только боюсь, что из трех оставшихся в селе ветеранов, вероятно, только один сможет подняться на трибуну.

А лет 30-40 назад их взойшло бы до полуроты земляков-фронтовиков, неугомонных, задиристых, острых на язык и мастеров подколоть друг друга, прихвастнуть, но в те времена их особо не «праздновали» - фронтовик - в порядке вещей! И сегодня мне хочется вспомнить их, тех, кого знал, и называю их без какой-либо субординации или хронологического порядка, а так, как приходит на память: Василий Евдокимович Горный, Николай Прокопьевич Никаноров, Игнат Фомич Горный, Дмитрий Родионович Батраков, Дмитрий Полешук, Прокоп Лысенко, Иван Савельевич Старчевой, Иван Колосовский, Максим Денисович Коливошко, Умербай Жуматаев, Роман Иванович Кекух, Григорий Владимирович Собора, Петр Ушаков, Николай Белан, Емельян Дмитриевич Войтко, Петр Скорый, Михаил Никитич Алекса. Конечно, мною названы не все, а те из них, кого вспомнил.

Вот чем мне хотелось предвосхитить свой дальнейший рассказ о человеке, которого, как принято говорить, не провожали на фронт, на войну, а война сама пришла к нему, и фронт прошел и через его родной двор. Теперешний его адрес: село Ивановка, а еще точнее: Белорусский вокзал - район Ивановки, такой, какие, наверное, есть в каждом селе - Белорусский поселок, Камчатка, Черемушки и т. д.

Впервые увидел его я, а точнее - их, у нас дома в марте 1961 года. Вечером с работы пришел отец и с ним двое незнакомцев: один - высокий и стройный, другой - маленький. Оба в вытертых и засаленных полушубках и серых закатанных и сбитых набок валенках. Помнится, в руках одного был топорик, а у другого - ножовка. Я сидел на теплой лежанке и зачарованно слушал их непривычно певучий говор: тогда я, наверное, впервые услышал живую белорусскую речь. Когда они ушли, мать, убирая со стола, спросила отца: «А что это за

Тарапунька со Штепселем? Отец с подъемом ответил: «У нас в плотницкой работают. Белорусы. Мировые мужики! ». «Тебе все мировые, кто в стакан заглядывает. Ну и надымили, хоть топор вешай», - укоризненно сказала мать. Это и были наши ветераны: Иван Михайлович Гривицкий и Емельян Дмитриевич Войтко. К большому сожалению, одного из них, Емельяна Дмитриевича, уже нет среди нас. В дни празднования 50-летия Победы я встретился с ним, писал о нем, а вот с Иваном Михайловичем мне в то время встретиться не пришлось. Тогда, рассказывая о себе, Емельян Дмитриевич не мог не говорить о земляке, погодке и куме - Иване Михайловиче Гривицком. Мне, в частности, запомнилась такая его фраза: «Да я ж яго як облупленнаго знаю. И на фронт я его сам на брычке отвозив». А смысл этого высказывания станет ясен чуть позже.

И вот я на Белорусском в гостях у Ивана Михайловича. Он по-прежнему высок и строен, и говор тот же, что и 40 лет назад. Но годы неумолимо делают свое дело: «Дальше своего двора теперь уже никуда и пойти не могу», - говорит Иван Михайлович, раскуривая самокрутку. 14 апреля он отметил свое 78-летие.

Родился Иван Михайлович в 1922 году, в Молодеченской, а теперь Гродненской области, Сморгоньского района в деревне Ласовичи. По образному выражению самого Ивана Михайловича, «родился, крестился, учился под поляками... ». Ходил в польскую школу, окончил 4 класса. «Я и зараз по-польски разумею», - говорит Иван Михайлович и продолжает: «А вот як уже в 45-ом по Польше шли, мне пригодилась их мова. С харчами иногда у нас туговато было. Так старшина сам меня посылал в деревню, но чтобы тихо и по согласию. А я только заговорю по-ихнему, панночки сами тащат сало, молоко и прочее». Но это потом было. Чуть подрос - единолично хозяйствовал, порой поденно подрабатывал у панов. Потом пришла Красная Армия, и они стали социалистическими, советскими. Правда, вряд ли что-то успело по-настоящему прижиться, укорениться.

В первые же дни войны, несмотря на 10-летний договор с Германией о дружбе, западные области СССР оказались в оккупации. Часть молодежи угнали в Германию, кто прятался, уходил в леса, а были и такие, кто определился на службу к немцам. По выражению самого Ивана Михайловича, он «схитрил» - женился, а женатых в Германию не угоняли. Кое у кого твердо укоренилось в сознании, что в условиях оккупации могут быть или партизаны, или полиция, но это далеко не так. Люди находились, как говорится, между молотом и наковальней, им приходилось выживать в условиях оккупации. На этот счет Иван Михайлович сказал: «У нас, в деревне, одну неделю свои, т. е.

партизаны, другую - немцы. и тем. и другим многое надо от мужика. Конь у меня был добрый. Так вот хлопцы из леса просят, мол, отдай нам коня, а мы тебе взамен дадим другого, и называют хозяина его. А я хорошо знаю, что он в хороших отношениях с немцами, и прошу хлопцев: не трожьте моего коня, а я вас всегда в любое время куда надо возить буду. Правда, они меня послушались, и я всегда им помогал». Вот так и жил Иван Михайлович в оккупации, помогая партизанам, чем мог. А в 1944-ом пришла Красная Армия.

Тут я пересказал слова покойного Емельяна Дмитриевича относительно того, как тот отвозил его, Иван Михайловича, на бричка на фронт. Иван Михайлович смеется: «Чудил кум, всегда чудил, жаль, нет его теперь». И по этому случаю рассказал следующее: «Емельян партизанил, а с приходом в наши края Советской Армии стал работать в сельском Совете и военкомате по призыву и мобилизации, ведь война продолжалась. Вот тогда-то и повез он меня в числе других молодых хлопцев из деревни в военкомат».

Ну, а как же складывалась фронтовая судьба Ивана Гривицкого?

В числе сотен новобранцев из освобожденных районов Белоруссии он влился в регулярные части I Белорусского фронта, которым командовал маршал Г. К. Жуков. Вскоре в боях в совершенстве овладел ручным пулеметом Дягтерева, с которым прошел Польшу, и вошел на территорию Германии в районе Померании с частями I Белорусского, которые шли на Берлин с севера. 49 километров не дошел Иван Гривицкий до Берлина. В одном из боев за какой-то заштатный городишко он был тяжело ранен, контужен. «Веришь, я этого «фаусника» видел, вот как тебя сейчас, - говорил Иван Михайлович, - наводит на меня фауспатрон, как на танк. Представляешь, что бы от меня осталось, если бы он не промахнулся». Да, фауспатрон насквозь прошивает танковую броню, и Ивану Гривицкому повезло: заряд прошел над плечом, у шеи, ожег его со страшной силой, отбросил, ударив о кирпичную кладку. И для него на много дней наступил мрак и нескончаемый грохот в ушах. Поправился, когда уже над Рейхстагом полоскалось Красное Знамя. Но еще полтора года после Победы служил Иван Гривицкий в Западной Украине.

«Ну, а к нам как же, расскажите», - прошу я. «Случайно, - смеется Иван Михайлович. - Как-то были с кумом на базаре, а там как раз вербовщики - «покупатели». Карта у них большая, разукрашенная. Подходят к нам и говорят: «Хотите порыбачить? Вот Нура, и пальцем ведут. Я тогда по-прежнему жил одиночно, в колхоз не вступал, и как-то муторно на душе было. Подумали-подумали мы с Емелей и записались. А через две недели получили по 200 рублей на члена семьи

подъемных (тогда это были деньги!) и в марте уже были на станции Осакаровка. А тут уже - «покупатель» из колхоза «Трудовик». Вот так! Как сказал поэт А. Твардовский, «Тут не убавить, не прибавить. Так это было на Земле». Вскоре получили ссуды, отстронлись, и не случайно этот район села издавна зовется «Белорусский вокзал». Многие, конечно, уехали обратно на родину, а вот Иван Михайлович Гривицкий прижился: «Куда уже теперь, мне 79-й пошел. Основной кусок жизни здесь прошел, жену тут похоронил, - задумчиво говорит ветеран, - вот внуки во дворе», - кивает на окно Иван Михайлович. Ну, что же, все правильно, все правильно! И пусть продолжается жизнь!

Так мы жили

Заросли густого тальника вперемежку с шиповником и зеленая полынь в поле (эту полынь у нас называли «веники», потому что ею тогда подметали земляные полы) повсеместно царят на этом некогда ухоженном, красивом и оживленном месте. И еще кучи мусора: битый кирпич, шифер, ржавый железный лом, одним словом, свалка! Спотыкаясь, раздирая одежду и кожу, пробираюсь к тому месту, где осталась частичка моего босоногого детства, моей души. «Ну, где же, где же он?». Хорошим ориентиром в определении места мог бы послужить тополь, посаженный моим дедом над колодцем-копанкой, как на ивановском наречии такие колодцы назывались. Но тот тополь давно погиб от сбросовой воды с совхозного огорода: корни от воды вымокли, и он засох, колодец тоже занесло песком и илом. Вот чуть приметная бровка от той глубокой и таинственной канавы, поросшей крапивой, репейником и лопухами. О боже! С какой поспешностью мы, босяки, старались перепрыгнуть ее, спеша на полив. Считалось, что в этой канаве обитали ящерицы, ужи, лягушки, хомяки и.. нечистая сила! Плетней тоже давно нет. На их месте кое-где торчат трубы, угольники и прочее ржавое железо. Боже мой! Как стучит и замирает мое сердце: кажется, вот здесь он и был, наш огород, «горочик» на нашем местном наречии.

Вспоминаю, где и как устраивались эти «горочки» и «капустники» у нас, в Ивановке: если кто и имел огород непосредственно возле дома, то все равно основной огород разбивал вот в таких местах: на западной окраине села, в низине, по старому руслу Нуры. Ведь для огорода вода - это главное, а здесь - вот она, черпай ведром и - прямо на грядку. Да и почва благодатней. Правда, в летний зной кое у кого вода уходила с огорода, вот тогда и копали эти колодцы-копанки. Благо, вода рядом - тридцать-сорок сантиметров. Сруб для колодца, как правило, сплетали из тала - и колодец готов, поливай, не ленись! А вот в селе в то время колодец был не в каждом дворе, а один на два-три, а то и больше дворов, не говоря уже о колонках и насосах, так что ведром не натаскаешься на большой огород. А тут выкорчевывай заросли тальника и шиповника, ограждай от бродячего скота участок любого размера, какой по силе твоей семье, плетнем или просто канавой и выращивай весь ассортимент овощных и бахчевых. А вот что у кого росло на огородах - это уже, как говорится, на вкус и цвет... хозяйки. Но вот картофель здесь редко кто сажал. А особенно хорошо «родилась» здесь капуста. Возле дома, у пышущих зноем стен и

заборов. такую капусту вы никогда не вырастите, сколько не лейте воды, ведь здесь, у стариц, свой микроклимат.

Объединялись по пять, семь, двенадцать дворов, в зависимости от размера старицы и балки, а вот по какому принципу - сказать затрудняюсь, скажу только одно: ни сельсовет, ни председатель колхоза, ни райком здесь власти не имели, а властвовало, так сказать, местное самоуправление, причем на высшем уровне. Конфликтные ситуации, если они возникали, решались быстро и справедливо. Зачастую плетнями ограждались «горочки» только по периметру внешней стороны, а наделы ограничивались просто межей. Впрочем, наделы - не то слово: никто и никого не наделял. Огороды были разных размеров, и зависело это только от старания и трудолюбия семьи: ведь все работы производились вручную.

Особенно оживленно и весело бывало здесь на утренней и вечерней зорьках: обычно в это время люди сходились поливать огороды. В каждом огороде - мы, босоногая «цыпочная» детвора, звенят ведра, плещется вода, смех, визг, а у плетней беседуют с соседями наши мамы и бабушки. Да, жизнь здесь когда-то была ключом, склоны ухоженной балки цвели ситцем и шелком косынок и платяев, оглашались жизнеутверждающим смехом. Красивое было место, место, очищающее душу. Для нас, пацанов, «горочки» были хорошей школой осознанного труда. Здесь наши мамы и бабушки старались насадить для нас всего понемножку, я даже не берусь сейчас перечислить весь ассортимент овощей. Это сейчас возле домов, будь то шесть соток или гектар, все заполонил картофель.

Идя на Нуру удить рыбу, мы, пацаны, как правило, червями запасались вот на этих «горочках». Если на огороде черви не водились или исчезли, то мы запросто заходили в любой огород, и ничего зазорного и предосудительного в этом не было, нас ругали только тогда, когда, спеша, мы забывали закрыть калитку и в огород забирались коровы. Здесь мы запасались не только червями для пескарей, но и провизией для себя на целый день. Но вот овощи брали только на своих огородах и вовсе не потому, что боялись наказания, а были какие-то духовные тормоза, и хотя в бога особенно не верили, но вот что такое грех - понимали. А ведь бывало и так, что на соседнем огороде, скажем, помидоры созревали раньше, чем у тебя, и соблазн был, но чужое - это было свято. Даже тогда, когда ползучие арбузные плети переползали через межу, и соседский спелый арбуз оказывался на твоём огороде, его бережно перекладывали на место. Правды ради скажу, что были и такие ребята, которые могли «пошастать» по чужим огородам, но их знало все село. А каким ЧП считался помидор.

сорванный в чужом огороде, и сколько потом было слез и раскаянья! А мать нашавшего год не могла смотреть людям в глаза, так село, общество неприемлемо относилось к таким «героям». Злостных хулиганств, как сейчас, когда вместе с плодами уничтожают все с корнем, тогда не было. И крупных хищений тоже не было, а ведь капуста оставалась на огороде до первого снега за селом и без сторожа. Очевидно, людьми тогда руководил не только страх перед наказанием, но что-то еще, имеющее отношение к морали, нравственности. И многие наши сегодняшние проблемы - результат падения нравов, отчего, как известно, в историческом прошлом погибла не одна цивилизация.

На мосту

Где-то в последних числах августа минувшего лета, гонимый тяжелыми, тревожными мыслями, я бродил знакомыми с детства и близкими до слез окрестностями моей Ивановки, чтобы как-то разрядиться, уйти от сегодняшней замордованной действительности, и произвольно оказался здесь. Сейчас я даже и не решаюсь назвать мостом вот этот теперешний серо-бурый скелет из остатков рыхлого бетона и ржавого железа. Наверное, лет десять или даже семь назад, увидев это, я по своей селькоровской привычке написал бы в районную газету заметку: «Бесхозный мост» или «Переправа для каскадеров» и, возможно, отреагировали бы, зашевелились, а что «попишешь» в наше время! Сейчас такую заметку если и напечатают, то или просто не заметят, или откровенно рассмеются: «Да, бесхозный, ну и что? Не то брошено. Приватизируй этот мост, если он тебе так нужен, так дорог!».

А, действительно, исходя из нынешней узкорыночной оценки ценностей, надо ли тратиться производственному кооперативу «Трудовик» на содержание этого объекта в рабочем состоянии? Вроде бы нет. А ближайшим соседям - ПК «Индустриальный», «Киевский» - тем более и даже более того. Так, по распоряжению бывшего директора, теперь уже и бывшего совхоза «Индустриальный», Н. А. Полеводина, левобережная насыпь к полотну моста в последние годы каждую осень обрезалась ножом бульдозера, тросами растаскивались по сторонам водопропускные трубы, и транспортное сообщение между соседями прерывалось. Мотивировка: ивановцы воруют с угодий и полей левобережного соседа сено и солому. Вот так, не больше и не меньше! Ивановка, которая в пятидесятых годах являлась своего рода плацдармом для рождающегося целинного совхоза «Индустриальный», которая поставляла «младенцу» и материальные, и людские ресурсы, обвиняется в воровстве. А ведь совсем еще недавно было иначе: помогали, делились и - запросто, безвозмездно. Предвижу, что кое-кто из читателей, прочтя эти строки, возможно, скажет: «Вот, чудак, высосал из пальца трагедию: прерывается сообщение между Иваном и Петром» или «Снявши голову, по кудрям не плачут, не то прямо по живому отрезали, а у него, видите ли, ностальгия по дружбе совхозов».

Да, земельных угодий у ПК «Трудовик» на левом берегу Нуры теперь нет, а в свое время колхоз «Трудовик» базировал на левобережье две свои тракторно-полеводческие бригады. И вот в такую августовскую пору мост трудился как никогда. Шли машины с золотым зерном, «газончики», в открытых кузовах которых сидели и стояли, полоша на

ветру чубы и косынки, поющие и хохочущие парни и девчата. Туда и обратно шли подводы, пронеслись мотоциклы, на которых спешили на смену и со смены. Одним словом, тот мост, мост моего детства, как говорят, был при деле. Он был необходим людям, как вот эта вода Нуры. Конечно, не совсем эта, а вот та, вода Нуры пятидесятых, шестидесятых, которую мы с моим дедом Романом - бригадным водовозом - черпали ведром из холодно-хрустальной, стремительной реки. Эту воду пили, из нее варили супы, борщи, уху.

А вот сейчас в такую же горячую пору, стою здесь, на мосту, уже два часа и... ни души. Тишина и покой! Лишь изредка застрекочут, передавая эстафету друг другу, сороки по уже облитым багрянцем прибрежным зарослям тальника, да донесется с уже остывающих небес приглушенное шелестом камыша тревожное курлыканье журавлей. А Нура катит и катит из-под вот этого «ненужного» моста свои остывающие воды: бурлят и пенятся они, спотыкаясь о камни и бетонные кубы.

Я стою и смотрю в темную воду и мысленно вижу не этот мост, а мост моего детства и юности. Тот мост, под деревянными сваями которого удили рыбу и ныряли, доставая с чистого, песчаного дна ракушки. Мост был местом летнего отдыха, споров, фантазий, всевозможных игр и баталий. Он был полностью деревянным, и его почти каждое весеннее половодье срывало с опор и уносило по течению. Когда вода спадала, его искали. Он где-то заходил в заводь или садился на мель, и его, как блудного сына, притаскивали и водружали на сваи. Но бывало и так, что мост уплывал навсегда, и тогда колхозные плотники срочно возводили новый.

Да, колхозу «Трудовик» мост был необходим: на левом глинистом берегу был основной посевной клин колхоза. Тут и урожайность всегда была выше. Мост, скрипя, трудился с ранней весны и до поздней осени. Сколько людей с разными судьбами, сколько счастливых встреч видел он, свидетелем каких трагедий был. Тысячи тонн горючего и стройматериалов перенес он для целинных совхозов «Индустриальный», «Киевский», «Щербаковский». Пульс полнокровной жизни он особо четко передавал в страдную уборочную пору.

Да, время, время даже русла рек меняет. Тот деревянный мост, мост моего детства, стоял чуть правее этого скелета, на котором я теперь стою. Правда, в данном случае не одна природа потрудилась над тем, чтобы река в этом месте ушла влево сразу метров на двадцать - двадцать пять, но и человек. Этот мост был построен в начале или середине семидесятых годов. В его необходимости тогда не

сомневались, но, как это у нас бывает, было много проволочек, и даже такой скромный объект стал «долгостроем». Опорные «быки» долго стояли на песчаном берегу, чуть левее русла реки, и многие удивлялись, почему мост строят не через Нуру, а рядом с ней. Возведение этого моста даже стало отдельным наказом избирателей села Ивановки своему кандидату в депутаты Верховного Совета Досмагамбетову, который стоял вот на этом самом месте, когда самосвалы и бульдозеры засыпали стремнину, хороня щебнем и песком деревянные опоры моста, моста моего детства. Нура билась в дамбу, как бьется в стекло окна залетевшая в комнату ласточка, металась от берега к берегу, пенясь и размывая песок, а потом, переполняясь, хлынула влево, под бетонные «быки» нового моста. И как долго еще Нура помнила свое старое русло, пытаясь вернуться туда, особенно вешней порой.

Но это уже, как говорится, из области лирики, а вот проза жизни: хозяин у этого моста обязательно должен быть, ибо мост людям все же нужен. Несмотря ни на что, люди вручную из камня, железа и подручных материалов сооружают въезд на мост и переправляются, рискуя транспортом, здоровьем, а порой и самой жизнью, и делают это отнюдь не воры. В конце концов, мост - стратегический объект и нужен Ивановке, Тассуату, Заречному и по противопожарным соображениям, и по гражданской обороне, да и не скажешь сразу, на что и когда остро понадобится вот этот скромненький мост. К тому лее, по правобережью - автотрассы на Караганду, Акмолу. И хотя полотно моста в аварийном состоянии: зияет проломами, но сами опоры и несущие продольные балки - надежны и могут служить еще много лет. А вот в нынешнем состоянии мост опасен и, мне кажется, дорожники и гаишники просто обязаны по этому поводу сказать свое веское слово.

Стою, слушаю несмолкаемый ни на секунду, ни днем, ни ночью, ни летом, ни зимой, шум воды под мостом, и мозг гложет мысль: что-то у нас в обществе не так, как должно быть. Может, не надо было этих заячьих скачков в сторону от соседа и брата к богатому дяде? Ведь то, что у дяди хорошо, у нас может и не прижиться. А потом, как говорится в народе, и выходит боком.

Надо наводить мосты с соседями.

Им было в войну по 12-15

Они вместе с матерями провожали на фронт своих отцов и старших братьев. Многие из них плакали вместе с матерями и сестрами, получив похоронки. Они вместе и наравне со взрослыми самоотверженно работали на фронт, на победу. Рано повзрослевшие подростки военной поры, они есть в каждом селе нашего района, как и повсеместно на просторах СНГ - бывшей страны СССР, победившей во Второй мировой войне.

И сегодня я познакомлю читателей с некоторыми из них, живущими в Ивановке, которые расскажут о себе, о времени, о войне.

Конечно же, в период 1941-1945 годов работали подростки и других возрастов, чуть старше и чуть моложе, но сегодня мы выбрали их - золотую середину - 1928-1931 годы. В Ивановке их насчитывается 24 человека. С 1928 года рождения Мария Марковна Базяк, Айткеш Бейсекеев, Прасковья Андреевна Базяк, Клавдия Ивановна Чеснокова, Надежда Васильевна Собора, Бахтияр Азимбеков, Ульяна Васильевна Куценко, с 1929 - Мухабилля Ханнанова, Мадкен Карисов, с 1930 - Бану Биакхметова, Ефросинья Кирилловна Белан, Евдокия Михайловна Даирбекова, Райнгольд Теофильевич Шляк, Нина Максимовна Шляк, Николай Васильевич Космачев, Алтын Бейсекеева, Берден Шахметов, Ольга Прокоповна Суховарова, Виктор Федорович Вольман, Мария Андреевна Дегелевич, с 1931 - Анна Прохоровна Дымнич, Александра Павловна Мойса, Николай Павлович Балан, Петр Васильевич Сычев.

Прасковья Андреевна Базяк

Уже до войны семья Андрея Матвеевича Малуши состояла из семи человек: сам хозяин с женой Ульяной и пятеро детей: старший сын Петр, 1926 года, дочь Прасковья, 1928, сын Николай, 1934, сын Владимир, 1938 года, и Леонид, 1940 года рождения.

- Отца взяли на фронт в первый месяц войны, - рассказывает Прасковья Андреевна, а брата Петра позже, уже в конце 1943 года. На обоих мы с матерью получили похоронки.

Слушая рассказ Прасковьи Андреевны, еще раз убеждаешься вот в таком высказывании: война - она многолика.

- Отец после ранения вернулся домой, рана еще была открыта. Некоторое время работал в колхозе «Трудовик» бригадиром колхозного огорода. Но вскоре у него с председателем колхоза Покашевским произошел конфликт из-за корзины красных помидоров, которые должен был нарвать и отправить куда-то отец. После чего

председатель колхоза в ответ бросил: «Тогда готовь сумку - и на фронт!» Так и вышло.

Но сейчас это уже ни опровергнуть, ни подтвердить невозможно. И Андрей ушел на фронт, чтобы уже никогда не вернуться.

- А брат погиб на глазах у земляка Ивана Прокофьевича Бардакова (ныне уже покойного), с кем призывался и воевал. Иван, вернувшись живым, рассказал примерно следующее: «Попали в трудное положение. Третий день ничего не ели. Петр все порывался пойти за харчами. Мы его удерживали, поскольку местность простреливалась. Но он все-таки выскочил, и тут же был убит».

Как было в подробностях на самом деле, узнать теперь уже не у кого. Что ж, на войне люди гибли и вот так: обиденно. Война - это не только стратегия и тактика, а охота на людей, как на диких уток, волков.

Девчонка-подросток Прасковья в военную пору работала десятницей-рассыльной, поваром, а окрепнув, в основном дояркой и телятницей. На начало войны ей было неполных 13 лет. Не будем говорить о самоотверженности и трудовых подвигах. Сама жизнь в это время была подвигом. Прасковья Андреевна одна из тех, чье детство выпало на военное лихолетье.

Айткеш Бейсекеев

Он, как и Прасковья Андреевна, с 1928 года рождения. Отец у него умер в 1932 году. И хотя Айткешу было всего четыре годика, смерть отца он помнит. У матери их тогда было трое сыновей: Берген, 1922 года, он, Айткеш, и младший брат Еркеш. К сожалению, на этот раз придется опустить подробный, содержательный рассказ о жизненном пути Айткеша и ограничиться военной порой. Известие о начале войны застало Айткеша на дальнем сенокосном угодье колхоза «Трудовик» в урочище Кара-Сор. Это чуть южнее озера Кун-Коль.

- Я работал погонщиком на сенокосилке, машинистом которой был Петр Драчев, а позже - Исабек Жумадильдинов (оба ветераны войны. Исабек уже ныне покойный, а Петр Драчев живет в селе Заречное). А вот когда их призывали на фронт, я уже сам стал машинистом, - рассказывает Айткеш. - В обеденный перерыв прискакал нарочный и кричит: «Война!» Нашего бригадира Ефима Александровича Голощука призывали в первую неделю войны...

Из семьи Айткеша на фронт был призван и воевал под Сталинградом старший брат Берген. Айткеш работал в колхозе, потом был направлен в ФЗО, откуда бежал. Но это уже другой рассказ. А сейчас речь ведется о том, что Айткеш Бейсекеев тоже трудился под лозунгом: «Все для фронта, все для Победы!»

Николай Павлович Балан

5-го мая 1941 года Николаю исполнилось 10 лет, а через месяц и 17 дней началась война. У отца Павла Прохоровича и матери Ольги Миновны уже было четверо детей: дочь Полина, 1928 года рождения, сын Николай, 1931 года, дочь Клавдия, 1937 года, и дочь Нина. Павел Прохорович ушел на фронт в 1942 году, а в сентябре 1943 погиб под городом Ржевом. И Николай остался единственным мужчиной в семье, как говорят, опора и поддержка.

- Тяжело вспоминать свое военное детство. - вздыхает Николай Павлович. - Я и сейчас не богатырь, а тогда был от вершка два горшка. Еле-еле поднимал ярмо, запрягая быков для пахоты: бык как поведет голову в сторону, и я падаю вместе с ярмом.

Подросток Коля Балан работал на всех сезонных работах, какие есть на селе, весной пахал, сеял, летом косил, возил, скирдовал сено, осенью пахал зябь, а зимой ухаживал за скотом на колхозной ферме. Окончил всего 3 класса. В 1946 году его 15-летнего направили на учебу в город Караганду, в ремесленное училище, где он проучился два года и стал слесарем шахтного оборудования. Но работать не пришлось. Вскоре по семейным обстоятельствам вернулся домой, в Ивановку.

- Нам, кто с 1928-1931, еще ничего было. - задумчиво говорит Николай Павлович, а ведь рядом с нами работали совсем пацаны 1933-1936 годов.

И тут Николай Павлович с болью и обидой высказывает то, над чем, наверное, не раз задумывался: «Вот детям репрессированных были льготы, доплаты, а вот нам что легче было?».

Клавдия Ивановна Чеснокова

Эти два дня, две исторические вехи - начало и конец войны в сознании Клавдии Ивановны отпечатались прочно и теперь ассоциируются с двумя днями ее детства и юности.

- Я окончила 6 классов, перешла в 7-ой. В июне мы, школьники, работали на прополке пшеничных полей в колхозе. В воскресенье отдыхали, а в понедельник, как обычно, вышли в поле. Для нас 22 июня еще был мирным днем, а в понедельник, когда я вернулась с поля домой, увидела отца и соседа, сидящих прямо на земле. По их виду я поняла: что-то случилось. Мой отец в то время возил почту, а сосед-старик Родион Батраков был заядлым «газетчиком». И хотя я часто слышала их споры о войне: «Будет-не будет», когда услышала от отца: «Дочка, война началась!», на моей голове вроде бы зашевелились

волосы. А ведь мне 18 января 41-го исполнилось только 13 лет, казалось бы, чтобы я могла понимать.

Да, тогда никто не знал и не мог предположить, какая она будет - война, война почти на четыре года. Занятия в старших классах начались лишь с ноября, а сентябрь и октябрь Клава вместе со сверстниками работала на уборке урожая, отбрасывала солому от молотилки, очищала зерно на току. В 1942 окончила Ивановскую семилетку. И с той поры началась настоящая трудовая жизнь - трудовая жизнь военной поры.

- Мой отец был с 1907 года рождения, но на фронт его не взяли. Заряжая в детстве патрон, он повредил себе руку и глаз. Его призвали на трудфронт. Работал в Балхаше на Коунрадском руднике. Нас, детей, у родителей было семеро: Иван, я, Нина, Рая, Коля - довоенные и Люся с Надей - послевоенной поры, - знакомит с семьей Клавдия Ивановна.

- Из родных у нас на фронте было четверо дядей по материнской линии - Михайлюки...

Всю войну подросток Клава работала в полеводческих бригадах, а потом дояркой на молочно-товарной ферме. В общем, у нее богатая трудовая биография.

А вот при каких обстоятельствах она встретила весть о Победе.

- В этот день я пахала на быках пары. Посевную к этому времени бригада закончила. Веду гон с запада, к селу, и вижу: бегут двое - мужчина и женщина. В руках что-то красное и кричат. Мужчину не помню сейчас, а вот женщина - Катя Казаченко. В руках у нее Красное Знамя. Она потом у нас завклубом работала. Обнимают, кричат: «Победа! Выпрягайте быков и в село, на митинг».

Вот так: обыденное и великое, святое - рядом. И его замкнули собою люди старшего поколения.

Виктор Федорович Вольман и Райнгольд Теофильевич Шляк

В их судьбах много общего: оба с 30-го года, только день рождения Виктора Федоровича 25 сентября, а Райнгольда Теофильевича - 8 августа. Оба, став зрелыми мужчинами, стали классными механизаторами-хлеборобами колхоза, а затем и совхоза «Трудовику». Для их детей и внуков Ивановка стала малой Родиной, а вот сами они родились в разных географических точках России.

Виктор Федорович родился в Саратовской области, в селе Новая Скатовка Визовского района. На начало войны его семья состояла из шести человек: отец Федор Васильевич, мать Екатерина Васильевна, брат Герман, 15-го года рождения, сестра Миля, 21-го, брат Иван, 26-го, и он, Виктор.

Райнгольд Теофильевич Шляк родился в Тульской области, в деревне Анютино Алексинского района. И до войны состав его семьи был таков: отец Теофиль Вильгельмович, мать Ольга Августовна. Он был старшим из детей. Леонид, 1932 года рождения, сестра Талита, 1936 года, и брат Юрий, 1940-го года. А вот уже здесь, в Ивановке, семья Шляк увеличилась еще на две дочери: Татьяна с 47-го года рождения и Лидия с 50-го года. А свела этих двух людей вместе, а вернее, их семьи, война, а еще точнее, один эшелон, идущий с репрессированными немцами в Казахстан. Правда, их семьи ехали в разных вагонах. Состав был составлен из вагонов, в которых перевозили уголь. Вот некоторые выдержки из беседы, наглядно рисующие это «путешествие» 11-летних подростков.

Виктор Федорович:

- Нас погрузили в эшелон 25 сентября и только в 20 числах октября мы прибыли в Акмолинск. Из дома с собой взяли только то, что могли с собой унести. Вагоны были без крыш, только боковые борта. Когда погрузились в вагон, старший брат Герман занял уголок и говорит: «Здесь будем мы». Над нашими головами были какие-то угольники, так что брат сумел соорудить брезентовый навес над нами. Сестра Миля ехала с 2-годовалым сыном Мишей Рыбаковым (он сейчас живет в Ивановке, уже пенсионер). Муж сестры Николай остался в Туле. Из вагонов нас не выпускали. Кормились тем, что захватили из дома. Дорогой многие умирали, особенно дети и старики. Трупы сбрасывали на ходу, когда дорога проходила лесом.

Райнгольд Теофильевич:

- Наш состав стоял сутками в тупиках, пропуская идущие на запад эшелоны с войсками и техникой, но даже и тогда на станциях нас не выпускали из вагонов, а наоборот, двери вагонов прочно запирали. Выпускали по одному для того, чтобы принести воды. Когда приехали в Акмолинск, наш эшелон выгрузился вдоль железнодорожного полотна прямо на землю возле моста через Ишим. И вот так в ожидании мы просидели почти неделю пока нас не распределили на прибывший из колхозов транспорт. В села и аулы везли нас на лошадях, быках и даже верблюдах...

Виктор Федорович:

- В Ивановке нашу семью поселили в одном из классов школы. Затем мы переселились на Красный берег, где стояла ферма колхоза «Трудовик». Вот там-то я и начал работать. Летом пас телят, а зимой ухаживал за ними, поил, кормил. Бураны были страшные, дуло по неделе. Базу задувало до крыши: не занести корма, не напоить. А поили их в проруби на Нуре. Мы, пацаны, сделали следующее:

разобрали угол базы и в эту дыру руками выталкивали по одному теленку и гнали к проруби. А телят было 150 голов. С нами жили семьи Гольштейн, Шнайдер, Витт, Ланге и другие.

Райнгольд Теофильевич:

- В Ивановку наша семья приехала с семьями Герзикорн, Фольверк, Фафенрот. Потом отца забрали в Алгабас. Он был хорошим кузнецом. А в Алгабасе весь колхозный инвентарь был разбит и требовал ремонта. Отца перевели туда через комендатуру. Через два года мы снова вернулись в Ивановку. В начале мая 1945 года я сеял на левом берегу Нуры. Река еще “шла”, и мост еще был под водой. И вот к вечеру с правого берега нам кричат: “Победа!”

Рассказы этих двух людей перекликаются и дополняют друг друга. Ими рассказано много тяжелых и страшных в своей простоте и откровенности картин военной поры, поры их детства и юности.

Воспоминаниями о своем детстве военного времени поделились сегодня лишь шестеро пожилых людей. Эти люди уже переосмыслили этот период своей жизни, поняв, что тяжелый труд, лишения были не просто чьей-то прихотью. Их рассказы порою страшны, потому что страшна война. Она ожесточает людей. И эти люди тоже хорошо поняли это. Вот и в рассказах двух репрессированных людей немецкой национальности нет неприязни к русским. И еще: эти люди не пытаются переписывать историю. Нет в их повествованиях и претензий к Советской власти, к большевизму, к Сталину. Отцы и старшие братья воевали, а они работали, помогая им победить в войне. В этом и есть их правда.

Их судьбы вершила война и Победа
(Долг дочери)

Твоя мама - самая добрая и красивая, твой отец - самый сильный и храбрый! Вот такие мы. И это, наверное, правильно и хорошо.

«Кого винить, страна родная, каких и скольких сыновей не досчиталась ты, рыдая, под гром победных батарей», - сказал однажды А. Твардовский. И один из тех, кого не досчиталась страна, Афанасий Васильевич Гребенюк. Он скончался от тяжелых ран 28 января 1945 года в палате госпитального городка Ризенбург, что в Восточной Пруссии. Так гласила похоронка.

Зная, о том, что я пишу в районную газету, ко мне пришла пожилая женщина Валентина Афанасьевна Нестеренко - дочь погибшего воина, сержанта Афанасия Васильевича Гребенюка. Ей уже 67 лет, юбилею Великой Победы совсем скоро 60. Арифметика проста: Валентина Афанасьевна - дитя войны. Она принесла большое письмо и сказала, что хочет облегчить душу. Письмо было искренним и немного наивным, а рассказ взволнованным и эмоциональным. О чем же пишет и говорит Валентина Афанасьевна? Нет возможности привести здесь ее письмо, но и в письме, и в устной речи обида, жалоба, просьба. За что обида, на кого жалоба и в чем ее просьба?! На судьбу, да и на нас, людей, и последнее небесспорно. И вот почему: было время, когда слово-понятие ветеран не было применительно к участникам войны, их чаще именовали: «фронтовики». Их было много, и их так не чествовали, как теперь, да и вдов тоже было много. Муж Марфы Федоровны, отец Валентины Афанасьевны, погиб, не дожив до дня Победы чуть более трех месяцев, и у вдовы осталось на руках пятеро детей. Старшая она, Валентина, 1937-го года рождения, Петр, 1939-го, вот они и выжили, а трое: Витя, Леня и Толя умерли в младенчестве. Брат Петр умер в 1989-ом в возрасте 50 лет. Вот и пишет Валентина Афанасьевна в письме, что ее мать почему-то никогда и нигде не упоминали как вдову погибшего воина, их семье не оказывали материальной помощи, как другим, в виде обуви, одежды, школьных учебников детям. Их мать сама, как могла, растила их, и они нуждались в самом необходимом. Да, теперь трудно установить по каким критериям определялась тогда степень нуждаемости семей вдов. Вот выдержка из ее письма: «Вскоре после окончания войны к нам в дом пришел человек в военной форме и говорит маме: «Я из военкомата». Взял у мамы похоронку, треугольники писем отца с фронта, другие документы и сказал: «Это нужно для оказания помощи

вашей семье». Помощи никакой не последовало, а письма, похоронку и документы маме не вернули. Мы с мамой очень жалели о письмах отца, ведь мы часто-часто их перечитывали». Вот так теперь уже покойную вдову (Марфа Федоровна умерла в 1985-ом) и дочь кто-то лишил единственной нити, связывающей их с мужем и отцом - его писем с фронта, писем, написанных его рукой. Где теперь эти письма, в каком архиве? Жалуются Валентина Афанасьевна и на то, что и теперь ей живется трудно: пенсия у нее всего 7300 тенге, хотя она работала с малолетства и в основном в животноводстве. В беседе она сказала: «Я знаю, я не одна такая и не требую какой-то награды. Все ушло, но я хочу высказаться, облегчить душу. Мне обидно и за отца, и за маму, и за себя». Да, она права. И как сказал поэт: «Что судить! С войны не взыщешь ни в каком суде... ». С войны не взыщешь, а вот с нас, живых, кое-что спросить можно и нужно. Например, почему мы по юбилеям порой муссируем одни и те же имена одних и тех же участников войны? Почему у нас на слуху чаще те, кому посчастливилось дойти до Победы, вернуться домой, в семью, и поработать, «показать» себя и особенно на руководящих должностях? Да и пишем мы охотнее о тех, у кого «богатая» биография, награды участников боев на Малой земле, под Сталинградом, на Курской дуге и т. д. А ведь ни известные сражения, ни даже награды не могут в полной мере свидетельствовать о доблести и храбрости солдата. Помните, как в «Книге про бойца» А. Твардовский с горькой иронией писал: «Города сдают солдаты - генералы их берут... ». И говорю я все это лишь потому, что не всегда, рассказывая о войне, надо основываться на наградах. Повествуя сегодня о погибшем воине, я не имею возможности оперировать к датам, номерам частей, наградам. Как знать, может быть, вклад в Победу обойденных наградами погибших куда весомее, чем выживших и награжденных. Да простят меня здравствующие ветераны! Так давайте же вспомним о погибших и в первый, и в последний день войны. Кто же он был, Афанасий Васильевич Гребенюк?

Родился в селе Новокарповка Нуринаского района Карагандинской области. Год рождения - 1909-й. Отец: Василий Фотеевич Гребенюк, мать: Ефросинья Гордеевна Гребенюк. Так гласит свидетельство о рождении № 4911534. А сверху написано «от руки»: «Возраст восстановлен». Это свидетельство да еще две фотокарточки - вот и весь архив Валентины Афанасьевны, а все остальное - ее память.

Отец с матерью умерли рано и оставили сиротами четырех сыновей: Афанасия, Андрея, Михаила, Ивана. Дети в детстве батрачили, чтобы не умереть с голоду, и воспитывались в какой-то богатой казахской

семье. Все четверо добровольно ушли служить в РККА, участвовали в боевых действиях. Теперь только можно догадываться: это могли быть и борьба с басмачеством на южных рубежах СССР, и Халкин Гол, и бои у озера Хасан, и финская кампания, поскольку возраст братьев позволяет делать такие предположения. В Великой Отечественной войне братья тоже участвовали: Иван погиб, а Андрей вернулся с фронта без ноги, проживал в Атбасаре. Михаил тоже вернулся раненый, жил в Вишневке Целиноградской области. Вот такая, к сожалению, скудная информация об этой семье, семье защитников Родины. Нет документальных сведений, как и нет уже живых свидетелей, но в семье и мать, и бабушка Елена часто вспоминали мужа и зятя, поэтому дочь кое-что помнит. В памяти Валентины отец навсегда остался высоким, статным, сильным, добрым и красивым. И теперь дочь на память приводит строчки из писем отца с фронта, которые они с матерью когда-то перечитывали помногу раз: «Маня, береги детей... Елена Харитоновна, помогайте моей жене... Я скоро вернусь... Дочке Вале привезу красивый германский платочек, а сыночку Пете - губную гармошку... ». Получив последний треугольник, Марфа Федоровна разволновалась. Оно было написано не рукой мужа: «Пишет вам со слов Афанасия товарищ по палате». Письмо было бодрым: «Фашистов скоро добьем, за меня не беспокойся. Я сыт и пьян, и нос в табаке... ». Но внизу письма, наверное, посчитав своим долгом, товарищ приписал от себя: «Афанасий тяжело ранен. Безнадежен». Вот таким было последнее письмо. А через некоторое время пришла и похоронка на желтом бланке.

Автор этих строк не имеет документальных сведений, но я пишу о своем земляке. И, естественно, не раз слышал воспоминания об Афанасии Васильевиче от людей старшего поколения и уже ушедших от нас, и от моей покойной матери. Она много лет работала в колхозе вместе с Марфой Федоровной, дружили, хотя мама была на 10 лет моложе ее. И даже некоторое время моя мама работала в кузнице вместе с Афанасием Васильевичем. Это было время, когда молодых мужчин села призвали на фронт Великой Отечественной, а Афанасий Васильевич, только недавно раненый, вернулся с финской и еще болел. С ними еще работал и Нурмагамбет Скаков, у которого была броня. Так вот мама говорила, что Афанасий Васильевич был человеком честным и твердым. Вскоре его тоже призвали на фронт.

На одной из фотографий Афанасий Васильевич и его жена Марфа Федоровна. Это был тот период времени, когда он вернулся с финской и работал кузнецом. «А мама была в положении», - так

прокомментировала этот фотоснимок Валентина Афанасьевна. Да, супруги Гребенюк ждали прибавления семейства. На фронт ушел зрелый мужчина и уже воин, а такие солдаты воевали на фронтах продуктивно. Они не чета молоденьким лейтенантам, только что окончившим училище, которые с наганом в поднятой вверх руке выскакивали на бруствер окопа с криком: «За Родину! За Сталина! Вперед!» и тут же падали сраженные. Я не принижаю их подвиги, а лишь говорю о том, что люди типа Афанасия Гребенюка работали на Победу продуктивней. С фотографии смотрит на мир защитник семьи, Родины, прах которого покоится где-то в земле Восточной Пруссии.

А вот в чем состоит просьба дочери погибшего воина: «Мой старший сын Тимофей и сын брата Петра Иван теперь с семьями живут в Германии. Ищут место захоронения своего деда и не найдут. Может быть, через газету, через военкомат легче будет найти...». Просьба трогательная, искренняя и... наивная: городок Ризенбург, конечно, можно найти, даже если он теперь переименован или далее снесен, но вот с местом захоронения - сложнее. Где и как хоронили умерших от ран: отдельно или в братских могилах? А, молеет быть, в архиве райвоенкомата и есть какие-нибудь сведения об Афанасии Васильевиче Гребенюке. Возможно, сохранились письма, изъятые в свое время у вдовы Марфы Федоровны работником военкомата.

Вот таким было письмо дочери воина, вот таким получился у меня рассказ об одном из тех многих и многих, кого не досчиталась наша страна - Союз Советских Социалистических Республик.

У книжной полки

Помногу раз произношу это слово - Пушкин! Пушкин, Пу-ш-кин, и вдруг мне подумалось: что эта фамилия могла бы просто говорить о том, что оно есть производное от пушки - боевого арсенала, вот и все. Но есть еще словосочетание: Александр Сергеевич Пушкин, и вот это у большинства людей во всем мире ассоциируется именно с великим русским поэтом А. С. Пушкиным. И когда звучат эти три магических слова, то перед нами - целый мир, жизнь во всем ее многообразии характеров, образов, чувств.

Подхожу к книжному шкафу, провожу рукой по тугим корешкам спрессованных мыслей, чувств, судеб, образов. На моей книжной полке непорядок: никакого строя и субординации - Виктор Гюго, Михаил Дудин, Антон Павлович Чехов, Сергей Есенин, Федор Михайлович Достоевский, Михаил Светлов, Максим Горький и т. д. А где же он? Да вот он в темно-коричневом переплете и соседствует с Новиковым-Прибоем (надо переставить хотя бы к Лескову). Наугад открываю первый том. Страница 318-я:

Фонтан любви, фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.
Люблю немолчный говор твой
И поэтические слезы...

Это - Пушкин - гармония, чувственность. А вот страница 578-я: это уже Пушкин - гражданин:

В академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь.
Почему он заседает?
Потому что есть чем сесть...

Как актуально и в наше время! Листаю книгу снова. Страница 653-я - это уже светлое, сказочное, беззаботное детство:

У Лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том.
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом...

Как хорошо, что мое детство и детство моих сверстников прошло со сказками Пушкина. И мне жаль сегодняшних детей, сидящих у экранов телевизоров и «балдеющих» от дебильных, кровожадных американских мультиков. Иногда нам задают вот такой вопрос: кто

ваш любимый писатель, поэт? Вопрос не такой уж простой и ответ тоже. Да, я люблю Блока и его «Незнакомку», люблю Есенина и «Персидские мотивы», люблю Светлова и его «Итальянца», но эта любовь не затмит моего преклонения перед Пушкиным. Пушкин выше, объемнее. Да простят мне и поэты, и читатели вот за такую образность: они как матрешки вышли из самой крупной, именно она, т. е. он - Пушкин, определяет и лицо, и форму. Хорошая проза и поэзия были и до Пушкина, есть и будут после него, но при упоминании имени Александра Сергеевича Пушкина перед нами открываются ворота в царство Духовности.

С какого возраста мы осознаем, помним себя? В два, в два с половиной, в три года или позже... Конечно, это очень субъективно, индивидуально: кто-то из нас - чуть раньше, а кто-то чуть позже. И воспоминания наши как бы на грани бытия и небытия - на грани яви и сна. Вот в таком возрасте, наверное, я впервые и услышал это магическое слово - Пушкин! Мои старшие сестры, уже школьницы, делая друг другу взаимные упреки, частенько говорили так: «А посуду кто мыть будет, Пушкин? Пол подметать кто должен, Пушкин? ». На этого загадочного и таинственного для меня Пушкина ссылались во всем не только мои сестры, поэтому в детстве я боялся Бога, домового, лешего и... Пушкина. Я частенько мысленно создавал их образы. Ночью, укрывшись одеялом с головой, я представлял их себе. Мама мне говорила, что укрываться с головой вредно, а я ей отвечал, что боюсь Пушкина. А сестры умирали от смеха и частенько шантажировали меня Пушкиным.

Я любил рассматривать в книгах сестер картинки. И вот однажды я листал книжку (как потом я уже узнал, это была «Родная речь»), а сестра Валя комментировала. «Это кто? ». Сестра отвечала: «Толстой», но дядька этот был вовсе не толстый, а весь заросший бородой. «А это кто? » - «Горький». А я думал, откуда она знает, что горький, лизала его что ли? Я дальше листал книгу. На этот раз мужик был похож на нашего соседа татарина Гафура. Сестра, заглянув в книгу через мое плечо, смеясь, сказала: «А это твой Пушкин!». «Опять смеетесь!» - закричал я и бросил книгу под стол. Но это был действительно Пушкин. Наверное, с того дня я уже не боялся его.

Сестра с подружкой зубрили «Зимнее утро», проверяя друг друга по книжке, и часто запинались, а я сидел на теплой лежанке и подсказывал им: «Навстречу северной Авроре... ». Они удивленно переглядывались. У меня была хорошая память, и я выучивал их задания быстрее. Еще не умея читать, я наизусть знал многие стихотворения Пушкина. Потом были школьные годы, и был Пушкин,

которого я уже любил. Был «Дубровский», была «Капитанская дочь». Я не просто читал, проходил их - я жил ими, жил тем временем, теми чувствами. Я был то Владимиром Дубровским, то Петром Гриневым. И надо признаться, был влюблен то в Машу Троекурову, то в Машу Мионову. А вот Евгением Онегиным мне быть не хотелось. И в том заслуга Пушкина.

Сергей Есенин в свои последние дни писал: «В этой жизни умереть не ново, но и жить, конечно, не новей» и повесился. Пушкин ни в каком бы возрасте не повесился. Он жизнелюб, и многие поколения научил любить и ценить жизнь во всех ее проявлениях. Он мне всегда помогал выходить из кризиса. Вот и сейчас, как говорят, в зрелом возрасте, я стою у книжной полки с томиком Пушкина. Переверну еще раз страницы, что выпадет на этот раз? Итак, страница 291:

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.
Я стал доступен утешенью;
За что на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать.

Нура, что с тобой случилось!

В один из погожих дней начала октября потянуло меня на природу: хотелось развеяться, найти душевный покой. Естественно, пошел на Нуру. Захотелось вновь побывать на ее берегах, в тех памятных местах, где в детстве купался, загорал, удил рыбу.

Шел с детства знакомой дорогой, погруженный в воспоминания, и особенно не следил за правильностью пути. Вдруг я очнулся. Я не узнавал места, не знал, где нахожусь. Мне казалось, что я заблудился: это что и есть та лощинка, где после весеннего половодья Нуры вода оставалась весь июнь? В прогретой жарким солнцем воде росли «колокольчики», и мы, мальчишки, закатав по колено штанины, бродили по этой чистой, парной воде, собирая букеты из этих оранжевых «колокольчиков», а мягкая зеленая трава ласкала наши ноги. Сейчас же это место завалено кучами навоза, шлака, битым стеклом, пластиковыми бутылками и прочим хламом. Этот выгруженный из тракторных тележек навоз - дело рук «крестьян»: содержа в пределах села и своего двора по 20-30 голов КРС и свиней и имея в своем хозяйстве трактора, но, экономя соляру, они и везут все отходы вот сюда. Да, время породило новых «хозяев земли»!

Память подсказывает: дальше должна идти узкая, тенистая тропка. «Черное дерево» (черемуха) по обе стороны этой тропки смыкалось своими кронами, над головой висели черные бусинки «волчьих ягод». Место сырое даже в июле, таинственное и загадочное для нас, пацанов. Здесь нам по шею росли папоротники и конский шавель. Здесь перед Троицей мы, дети, ломали «клечень» и «холодок», убирая ими к празднику свои дома. Здесь, в этой низине, гнездились совы, и с наступлением сумерек они страшно ухали, и если нам приходилось запозднить на речке, то мы пролетали это место, затаив дыхание.

Но, увы, никакой таинственной тропки теперь и в помине нет, а я стою у обширнейшей гари. Вспомнились летние пожарища: последние годы пойма Нуры и ее тальники горят ежегодно и помногу раз. Если раньше пожар в «кустах» был ЧП и его тушили всем селом, задействовав совхозную технику, то теперь эти пожары никто не тушит: они бушуют помногу дней, густой смог застит солнце: оно становится как желтый апельсин. Выгорает все живое, и фауна, и флора: сгорают гнезда птиц и сами птенцы, выгорает трава со всеми ее обитателями, кусты тальника частично сгорают, а частично сохнут. Это как раз то, что и нужно поджигателям. Да, эти частые пожары последних лет не случайны, это не удар молнии и не просто

неосторожность, а это преднамеренные поджоги, чтобы потом на этих гарях без особых усилий, без топора и без риска быть оштрафованным за вырубку тальника собирать дрова на растопку. А кое-кто, не имея средств купить уголь, вообще всю зиму обогревается этими дровами с гарей, ведь сгорает не весь тальник, он обугливается и сохнет, и его можно просто собирать с земли или ломать стоящие сухие прутья и колья.

Стараясь выйти на берег Нуры, я без дороги и тропинки пробирался по этой гари метров 150-200 - жуткая картина: стоят недогоревшие черные скелеты кустов, под ногами сплошной настил из черных головешек и засохших прутьев. Да, дров здесь еще хватает: за час можно нагрузить тракторную тележку или кузов «ЗИЛа». В связи с этим тут надо сказать вот о чем: люди оставлены один на один с проблемой приобретения дров на растопку. Где их можно приобрести? Если раньше в каждом селе, совхозе, была стройчасть с пиломатерией, были отходы от распилки леса: горбыль и т. п., который легально, но через совхозную кассу реализовался населению, то теперь этого нет. К тому же когда-то частенько по селу ездили машины, предлагая дрова на растопку: отслужившую шахтную крепь, шпалы и т. п., то сейчас и этого нет, вот и вырубает теперь зеленые лесополосы или уничтожают методом таких гарей. А ведь, наверное, есть в районе какой-то природоохранный комитет или комиссия, почему они не реагируют на эти пожары и вырубки лесополос?

Впрочем, я отвлекся от нашей реки. Мы, нуринцы, помним, что живем на берегах Нуры, и при случае всегда это подчеркиваем. У нас в районе районная газета - «Нура», стадион - «Нура», кафе - «Нура», гостиничный комплекс - «Нура» и даже стоматология - «Нура». Местные поэты воспевают степную красавицу Нуру в своих стихах. Какая же она сейчас на самом деле наша Нура?

Испачканный сажей, исцарапанный торчащими пеньками, я, наконец, вышел на берег Нуры. Течет бурая жидкость, речной водой это назвать, как говорится, язык не поворачивается: только химик знает состав этой жидкости. А я мысленно вижу иное: было время, стоя на берегу Нуры, даже на глубине двух-трех метров можно было различить цвет камешков, лежащих на дне: красный, белый, голубой, а сейчас, войдя по колено в эту «воду», не видишь ступней своих ног. На дне по золотому песку сновали серые полчища пескарей. Боже! Сколько же их было в Нуре: они щекотали нам ноги, брали на голый крючок, без червя. Еще в начале шестидесятых годов мы, пацаны, наловив этих пескарей, варили на берегу уху, зачерпнув воды из Нуры. Мы пили эту воду, в ней размачивали засохшие горбушки хлеба и ели его. Попробуй

это сделать сейчас! Сейчас, идя на Нуру отдыхать, купаться или рыбачить, берут с собой воду из дому в канистрах, пластиковых бутылках. Вот так: у воды и... без воды. А в те памятные годы я подростком помогал своему деду Роману, бригадному водовозу, наполнять водой из Нуры большую деревянную водовозную бочку, лежавшую на бричке. Мы на паре лошадей возили воду из Нуры на бригадный полевой стан. Там из этой воды кипятили чай, варили борщи, супы и каши. Сейчас даже в летний зной не тянет искупаться вот в такой жиже. Наверное, навсегда исчез пескарь, а он чуткий индикатор и первый почувствовал беду на Нуре.

Я как-то прочитал статью в «Индустриальной Караганде» о том, что одна японская компания уже разработала проект по очистке нашей Нуры от ртути и вроде бы готова это осуществить на практике, и вопрос только в деньгах. Когда это осуществится и осуществится ли вообще: японцы - далеко, японцы живут на островах, у них горные ручьи с золотистой форелью, а у нас на Нуре даже пескаря нет! Нам самим надо думать и делать. И не надо в загрязнении Нуры винить только «Кармет» и другие промышленные предприятия: мы, сельчане, живущие на берегах Нуры, тоже приложили руки к тому, чтобы Нура стала такой, какой стала. Давайте прекратим выжигать ее берега, сбрасывать навоз и шлак, мыть машины, трактора и делать многое, многое то, что отравляет воды Нуры. Пусть районный природоохранный комитет примет соответствующее постановление, разработает план работы, направленный на оздоровление экологии на Нуре. Доведет все это до сельских акимов, обяжет их работать в этом направлении. Может быть, тогда пойма Нуры перестанет гореть неделями, а новые «хозяева» земли - крестьяне прекратят засорять пойму Нуры и близлежащие балки и овраги.

Вот такая у меня вышла прогулка на природу. Прогулка это отнюдь не улучшила мое душевное состояние, а ведь природа должна лечить душу человека.

Зарисовки

Сельские кузнецы

Древняя, как сама история человечества, профессия кузнеца привлекает к себе мужественной красотой, силой, неукротимой пляской огня в горне. Не каждому дано стать кузнецом, ибо не каждый может чувствовать металл, любить его, укрощать пламя.

За шестнадцать лет работы сельский кузнец Николай Васильев познал многие тонкости своей профессии, и нет, кажется, детали, которую не смогли бы сделать его умелые руки. Чаще всего ему приходится делать и ремонтировать детали для сельскохозяйственных машин.

Есть чему поучиться у опытного работника, и Васильев с охотой делится приобретенными знаниями, навыками с другом - кузнецом Леонидом Малушей, менее опытным, но также преданным своему делу.

В отличие от Николая Леонид, можно сказать, случайно стал кузнецом. В кузне срочно требовался второй кузнец. И он решил попробовать.

Не думал Леонид, что работа кузнеца несет столько трудностей, особенно в первое время. И только желание не показаться слабым, выйти победителем в этом ежедневном противоборстве с огнем и металлом вновь и вновь приводили его к наковальне, к мощному механическому молоту. Теперь Леонид с улыбкой вспоминает то время, когда хотелось бросить эту, ставшую любимой работу.

Августовское жаркое солнце раскалило все вокруг. А здесь, в кузне, жарче вдвойне. Ярко пылает горн, устало охает молот, ни на минуту не прекращается работа кузнецов.

В эти страдные дни заметно прибавилось работы у Леонида с Николаем, ведь и от них зависят сроки уборки хлебов. Сломалась деталь, а на складе такой нет, и на выручку придут кузнецы, чей труд не так заметен, но так необходим.

Удачи тебе, Сергей!

Мы познакомились с ним в клубе.

- Сергей, - сказал он и крепко стиснул мне ладонь. «Рука что надо», - подумал я. Он улыбнулся, читая мои мысли.

На нем была тельняшка, да и в разговоре проскальзывали флотские выражения. Решив, что он служил на флоте, я спросил, давно ли он уволен в запас.

- Я в отпуске...

На этом наш разговор прервался, начался кинофильм.

Потом я неожиданно встретился с ним у совхозной кассы во время получки. Он был в рабочей одежде, пропитанной пятнами машинного масла и запахами степных просторов.

- Я думал, что ты уже давно плаваешь.

- Нет. Вот пришел получать зарплату.

В его удостоверении личности я прочел: Другов Сергей Иванович - курсант Нахимовского училища в Ленинграде.

Мы разговорились. В училище он второй год. Прибыл домой в отпуск, к отцу, живущему в Темиртау. Отец - рабочий Карагандинского металлургического комбината, приехал в Ивановку на помощь сельчанам в проведении летних работ. И Сергей - вместе с ним.

- Захотелось поработать с отцом на комбайне, - признался он.

Сейчас они трудятся в первой тракторно-полеводческой бригаде совхоза «Трудовик». С отцом посменно водят комбайн по сенокосным угодьям, заготавливают корма для совхозного скота.

Я заметил:

- Скоро уедешь, сенокос кончается.

- Отпуск у меня до 30 августа. Думаю поработать и на хлебоуборке, - ответил он.

Да, пройдет немного времени - и начнется жатва. Степные корабли войдут в хлебное море и поплывут по золотистым волнам, наполняя добротным зерном бункер за бункером. И один из них поведет Сергей - курсант Нахимовского училища.

Семь футов под килем тебе, Сергей Другов!

Лицом к жизни

Понедельник. Пять часов вечера. Окончен рабочий день техника-нормировщика Елены Мубашаровой, но не окончилась забота комсомолки Лены. В семь часов пропагандист Е. Мубашарова начнет очередное занятие кружка комсомольской политучебы.

Просто и доходчиво объясняет она материал, приводит примеры из жизни совхоза. Чувствуется хорошая подготовленность пропагандиста к встрече со слушателями, а с комсомольцами совхоза она занимается второй год.

Закончено занятие, ребята шумной толпой выходят на вечернюю улицу. Лишь только Лена задерживается в парткабинете.

- Завтра надо докончить оформление вот этого стенда, скоро конкурсный смотр на лучший парткабинет. А меня ведь назначили заведующей парткабинетом, - говорит она.

Третий год работает в нашем совхозе Лена Мубашарова. За это время ее

узнали и полюбили многие жители совхоза «Трудовику». Веселая и общительная, она всегда в гуще жизни совхоза. Умело совмещает Лена работу с учебой. Мубашарова - студентка-заочница 4-го курса Карагандинского Государственного университета. В декабре 1976 года коммунисты оказали ей большое доверие, приняв кандидатом в члены КПСС.

Незаметно в беседе мы переходим к разговору о жизни, литературе.

Лена на

редкость интересный собеседник, любит литературу, следит за ее новинками, но привлекает ее работа экономиста.

- Экономика - основа развития общества, и ей, как науке, предстоит большое будущее. Поэтому я и выбрала факультет экономики, а литература всегда со мной. Она очень много помогает мне в жизни. Люблю классику: А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого. Сейчас в третий раз перечитываю «Анну Каренину» и опять открываю что-то новое для себя. Люблю стихи современных советских поэтов Ю. Друниной, Е. Евтушенко, Б. Ахмадуллиной.

А еще Лена любит петь. В этом году на творческом отчете жюри отметило ее выступление.

За окнами сгущаются сумерки. Мы выходим на улицу. Лена идет, улыбаясь, подставляя лицо свежему ветерку. Ее улыбка как бы говорит о том, что день для нее прошел хорошо.

За все в ответе

- Слово для доклада предоставляется Бардаковой Антонине Александровне. - объявляет ведущий торжественного вечера.

Под аплодисменты к трибуне идет женщина средних лет. Темно-русые волосы чуть тронуты сединой. Взгляд теплый и внимательный. Ее взволнованный голос, усиленный динамиками, заполняет зал. Люди притихли. Слушают. Доклад читает их односельчанка. Для многих - просто тетя Тоня.

С нескрываемой гордостью говорит она о роли женщины в нашей стране, о внимании советского государства и Коммунистической партии к труженицам, матерям. Знакомит с материалами XXVI съезда партии, в которых намечена большая программа дальнейшего улучшения условий труда и быта женщин нашей страны. Зал слушает. Зал аплодирует.

Все, о чем говорит с трибуны Дома культуры «Нива» Антонина Александровна Бардакова, непосредственно относится и к ней. Волнует и заботит как мать, как члена партийного бюро совхоза «Трудовик». И она сама многое делает для того, чтобы жизнь ее односельчан была интересней, а подрастающее поколение - здоровым. И физически, и духовно.

Антонина Александровна причастна к этому как медработник с 23-летним стажем, как депутат сельского Совета. Она - член женсовета, член родительского комитета. А в этом году еще и возглавляет группу народного контроля совхоза.

Некоторым может показаться, что слишком уж много обязанностей для одного человека. Да, общественная деятельность Антонины Александровны многогранна. Но дело не в количестве и не в названиях комитетов, в которые входит эта женщина, а в свойствах ее души.

Профессиональная работа и общественная деятельность человека порой так тесно переплетаются, что разграничить их «от» и «до» может только человек с черствым сердцем. А оно у Антонины Александровны еще не устало волноваться и откликаться. Разве мало может сделать для односельчан медработник, являясь членом женсовета? И разве мать троих детей не должна волновать воспитание, школьные дела лишь потому, что она уже возглавила народный контроль?

Нет, беспокойное сердце Антонины Александровны не в плену формализма. У этой женщины активная жизненная позиция. А это, конечно, и труд, и время, уплотненное до предела. По этой самой причине мне и не удалось долго встретиться с Антониной Александровной, чтобы ближе познакомиться, побеседовать и затем рассказать о ней людям. Но ни разу не пришла ко мне мысль, что эта женщина может отмахнуться, дескать, а ну вас, некогда! И не ошибся.

А встретился с Антониной Александровной опять же в Доме культуры, где

участники художественной самодеятельности репетировали накануне предстоящего концерта. Узнав о моем намерении, она сказала:

- Вы лучше о нашем детском садике напишите...

И потом, в беседе, все время старалась сама уйти в тень, оживленно рассказывая о делах в детсаде, где она сейчас работает медсестрой.

Жители села зовут ее просто Тоня или тетя Тоня. Но по-особенному - приветливо и тепло. Многих теперь уже взрослых людей она когда-то забавляла игрушками, даже своими очками, чтобы сделать нужные прививки. Чтобы дети не болели, чтобы росли на радость своим родителям. И вот теперь в прекрасном типовом здании детсада следит за здоровьем малышей тех, которые сами когда-то убежали из дому, заведя «тетю с уколом».

Слово за словом вспоминает Антонина Александровна, как 19-летней девушкой приехала в Ивановку, куда ее направили заведующей медпунктом. Ивановка - одно из старейших сел Нуринаского района. И в то время представляла собой селение исключительно из землянок. Вот в такой же землянке на самом краю села располагался и медпункт. Заведующая да пожилая тетя Соня, исполняющая обязанности технички и санитарки, а если была необходимость, то и многие другие обязанности, - вот и весь персонал медпункта.

- Трудно ли было? - переспрашивает Антонина Александровна. И мысленно

опять возвращается в свое прошлое. Воспоминания преображают весь ее облик. Лицо становится то грустным, то счастливым. Так люди с красивой душой вспоминают свою молодость.

- Я не делала в сложной обстановке сложные операции. Для меня трудность

была в другом. Кажется, не такая уж седая старина 1958 год, а сколько было еще пережитков, недоверия к медицине, пренебрежения самыми элементарными ее требованиями. Зайдешь в дом - полнейшая антисанитария. Женщина последние дни дохаживает, а о роддоме и слышать не хочет. Сложно было проводить профилактические

мероприятия, заставить родителей периодически приносить ребенка на осмотр. Были трудности и другого порядка: от недоверия до ожидания чуда. Это когда ко мне обращались за помощью уже, можно сказать, в последний час.

Антонина Александровна замолкает, а пальцы рук непроизвольно теребят листы журнала «Огонек», лежащего на столе.

- Помню мальчика, которого привезли ко мне уже задыхающимся. Это коварный дифтерит. Мать мальчика молила меня сделать что-нибудь. Но было слишком поздно. Ребенок угасал на глазах. По теперешним временам мальчик был бы спасен. На службе и связи, и транспорт. Да и возможности медицины сейчас не те. А ведь было это на втором году моей работы в Ивановке.

Да, это были еще трудные годы, но степь уже проснулась. Зашагали по ней телеграфные столбы. От целинных совхозов потянулись темными змейками ленты дорог. А здесь, в Ивановке, у Тони Шкуричевой-Бардаковой была своя целина. Она - единственный медработник на село из 200 дворов. А это не просто. Ведь ее пациенты - от грудного ребенка до пенсионера. Детсад, школа, производственные участки. Вызовы. Пешком по десятку раз в день из конца в конец села. И так много лет. Здесь, в Ивановке, она росла и как медработник, и как личность.

Последние четыре года Антонина Александровна работает в детском садике.

- Дети, дети! - говорит она. - Забот с ними много. Хороших забот - от них молодеешь. Слежу за гигиеной, питанием, режимом, закалкой.

Безусловно, женщина эта делает и здесь все, чтобы малыши росли развитыми, крепкими. Воспитателем после окончания педучилища станет и ее старшая дочь Галя. А младшие Алла и Женя еще школьники.

- Они у меня общественники, - с любовью произносит Антонина Александровна. - И я этому очень рада. Нельзя жить только для себя.

- Антонина Александровна! Тетя Тоня! Мы вас ждем! Все уже собрались, напомнили нам о репетиции, которая начиналась в Доме культуры. И, простившись, Антонина Александровна ушла, чтобы разделить с односельчанами еще одну радость. Радость песни.

Да будет свет!

В нашей повседневной жизни мы настолько привыкли к пользованию электроэнергией, что не мыслим сейчас иных условий нашего быта. И порой просто не задумываемся над тем, что это благодаря кому-то у нас в квартире горит свет, работает телевизор. И что кто-то неустанно, днем и ночью снабжает нас этой самой электроэнергией. И благодарны мы должны быть именно им, энергетикам. И я с удовольствием представляю одного из них - мастера участка «Казгородок» Нурина района электрических сетей Валерия Николаевича Никанорова.

- Я знаю, что ваш участок - один из лучших в районе. Неоднократно поощрялся областным предприятием Северных сетей. А ваша подстанция носит высокое звание подстанции коммунистического труда. Расскажите немного, что непосредственно входит в вашу обязанность?

- Наша основная задача - бесперебойно снабжать электроэнергией потребителей. Содержать в порядке все, что нам передали строители-электромонтажники - это подстанция, сотни километров линий электропередач, десятки трансформаторов и КТП различных мощностей. Мы снабжаем электроэнергией совхозы имени Чкалова, имени Куйбышева, «Индустриальный» и «Трудовик».

- В чем особенность вашей работы?

- Пожалуй, в том, что мы всегда должны быть, как говорится, на чеку. Мы

причастны к труду тысяч людей, работающих на разных участках производства. От нас в какой-то степени зависят их успехи. Электроэнергия нужна всем. И наш коллектив хорошо это понимает. Большой хлеб нынешнего года потребовал и от нас большой отдачи. Ни один мехток не простаивал за весь период по нашей вине. Перебой с энергией - настоящее бедствие сейчас для животноводов. Еще хочется добавить, что профессия энергетика требует от человека большой собранности, дисциплины, знаний. Ведь наша работа не только почетна, но и опасна.

- Расскажите о коллективе, в котором вы работаете.

- В нашем коллективе 16 человек. Это дежурные подстанции, ремонтники,

электрики по совхозам. В основном все молодые люди. Коллектив хороший. Наша профессия не любит слабых, нестойких. Ведь нам всегда приходится работать под высоким напряжением, в любую

погоду, в любое время суток. В коллективе немало мастеров своего дела. Особенно хочется отметить труд старейших наших работников В. А. Федько и М. Г. Руди. Василий Архипович Федько трудится в совхозе имени Куйбышева. Это технически грамотный и добросовестный работник. Мария Густавовна Руди - дежурная подстанции. В коллективе она с 1966 года и, уже будучи в пенсионном возрасте, продолжает трудиться. Слов похвалы заслуживают Владимир Меркель и Николай Коньков. В случае необходимости они всегда готовы явиться к месту аварии.

- Что делается на участке в техническом отношении?

- Недавно на нашей подстанции была проведена реконструкция.

Теперь мы

сможем отключать какой-то один определенный участок без ущерба для других. А до этого было так: если, скажем, авария в «Индустриальном», то без энергии остаются и некоторые другие совхозы. Начат монтаж новой подстанции в «Трудовике». В ближайшем будущем все подстанции будут закольцованы. Это повысит надежность снабжения совхозов электрической энергией.

Смысл моей работы

.. Лида, а такая, но только темного цвета есть?

- Тетя Лида, как Вы считаете, это платье мне идет?

- Ваш заказ пока не выполнили. Размер сапожек я записала, думаю, что на днях поступят.

Разговор такого рода часто можно слышать в магазине промышленных товаров села Ивановка, где продавцом работает Лидия Кошевец.

В торговле она человек не случайный. Сегодняшние ее успехи определяются не только процентным отношением выполнения плана, но и удовлетворением потребностей жителей села в хороших товарах.

Было время, когда Ивановский промтоварный магазин систематически не выполнял плана товарооборота, а на складе между тем имелся сверхплановый их запас. Когда же магазин приняла Л. Кошевец, положение изменилось к лучшему. Начинала она свою работу с изучения спроса покупателей на товары широкого потребления, которых, впрочем, оказалось немало и на складе магазина.

Сейчас Лидия Кошевец является одним из лучших работников прилавка Чкаловского рабкоопа. А это результат не только принятых мер, направленных на улучшение обслуживания жителей села. Нельзя сбрасывать со счетов и личное обаяние. Лидия Кошевец - вежливый, тактичный человек, она всегда поможет советом, постарается как можно лучше и в короткий срок выполнить данные ей заказы. Этому учит она и своих учеников, которых за время работы в магазине было немало.

Объясняя свои успехи в работе, Лидия говорит:

- Приятно видеть людей нашего села модно и хорошо одетыми, красивыми и жизнерадостными. Ощущение причастности к радости людей и дает новый прилив сил. В этом смысл моей работы.

Подруги

Зинаида Сычева и Роза Егорова привыкли вставать рано: работают они мастерами машинного доения. Вот и сегодня еще не погасли звезды, и не проснулось село, а они уже на ногах. За селом в снежном просторе степи светят многочисленными окнами корпуса фермы.

В 16 лет Зинаида Сычева пришла в животноводство. С тех пор прошло почти четверть века.

- Трудно было на первых порах, - вспоминает Зинаида Никифоровна.

- Тогда ведро, корзина, вилы были единственными помощниками в труде.

Вспоминает и вместе с Розой Егоровой - представительницей младшего поколения - радуется переменам, происшедшим на ферме.

Роза Егорова работает на ферме три года. Старательность и трудолюбие - присущие ей черты характера.

За 11 месяцев этого года они уже выполнили свои социалистические обязательства. При личном обязательстве от каждой фуражной коровы получить 2000 килограммов молока Зинаида Никифоровна надоила 2182 килограмма. До начала нового года этот показатель намного возрастет.

Воздух в помещении задрожал, разрезанный воем вакуумного насоса. Началась утренняя дойка. Зинаида и Роза принимаются за работу. Приятно наблюдать за их размеренными, быстрыми, но несуетливыми движениями, в них чувствуется то, что зовут мастерством. Начался новый рабочий день мастериц машинного доения.

Трудом воспитан человек

Всего лишь три класса средней образовательной школы удалось закончить Леониду. Продолжить учебу помешала война. С группой переселенцев отправили семью Буссов из родного дома, что находился в Тульской области, в далекий Казахстан. Остановились в Акмолинской области Кургальджинского района в одном из аулов под названием Жан Тике.

Часто теперь всплывает в воспоминаниях Леонида Людвиговича холодная и неудобная землянка, в которой прожил с матерью и сестренками лихие годы.

С малолетства исчисляется трудовой путь Л. Бусса. До пятнадцати лет был подпаском, закрепленным за быками. А затем стал пахать, сеять, косить наравне с взрослыми.

Шли годы. И вскоре пошел Леонид учиться на механизатора. Закончил Кургальджинские курсы при МТС. И эта профессия ему очень пригодилась: в начале пятидесятых годов по всей стране разнесся призыв партии о мобилизации молодежи на поднятие казахстанских степей. За всю свою жизнь ему работать пришлось на всех марках тракторов, начиная с самой первой.

В 1961 году судьба Леонида Людвиговича сложилась так, что решил он переехать в село Ивановку Карагандинской области. Причина тому нехитрая. Жила в этом селе его тульская землячка Татьяна Эбергарт. Долгое время переписывались. Несколько раз приезжал он к ней в село. И вскоре принял для себя твердое решение: остаться здесь на всю жизнь.

Более двадцати лет прошло с тех пор. За это время много изменений в лучшую сторону произошло у Л. Л. Бусса. Он стал отцом большого и дружного семейства. Эти годы помогли ему утвердить себя как опытного и знающего человека. Его труд по праву удостоен ордена «Знак Почета».

Но самой почетной наградой, которую он ценит больше всех остальных, является уважение людей. А уважают его все - и взрослые, и дети. И есть за что. Леонид Людвигович обладает очень добрым характером. Честен. В нем развито большое чувство коллективизма, наставничества. Из плеяды молодых не один десяток механизаторов может назвать Леонида Людвиговича своим наставником. Многим он смог привить истинную любовь к своему нелегкому делу.

Новые рубежи Тусупбека

Безбрежное снежное море. И, как корабль в море, в нем затерялись два жилых дома, две овчарни. В восьми километрах от центральной усадьбы совхоза «Балыктыкульский», в белом безмолвии сосредоточение жизни: запах дымка, яркий свет электролампочки, блеянье овец, живое тепло, пересвист радиоволн. Это хозяйство чабана, кавалера ордена «Знак Почета», Тусупбека Бегисова. Его место жительства и место работы - 46-я скважина.

С 1966 года он работает чабаном в совхозе «Балыктыкульский», а вообще на коне с отарой в степи с 1954 года. До переезда сюда работал в колхозе имени Калинина (ныне совхоз «Черниговский»). На вопросы, как проходит зимовка, Тусупбек ответил уверенно и однозначно: «Хорошо». Без оговорок о трудных особенностях нынешней зимы. Этот с обветренным, смуглым от зимнего загара лицом степняк понимает: зима есть зима и если в каждой из зим искать «особенности», то можно оправдать любую лень, нерасторопность, бесхозяйственность.

Перебоев с водой и кормами не бывает, а поэтому Тусупбек считает: дела его продвигаются нормально. В отаре у старшего чабана 643 головы. И все же нужно признать, есть трудности. За ночь, бывает, заметет ворота овчарен так, что приходится поработать лопатами всем семейством. Хорошо, что есть рация: связывается с центральной усадьбой, и на выручку приходит бульдозер. Тусупбек старается, чтобы его племенные овцематки «каркаралинки» не оставались длительное время без воды и корма, строго соблюдает график и рацион кормления, понимая, что успех репродуктивной кампании в апреле-мае в значительной мере зависит от упитанности овец.

В минувшем году Бегисов получил по 79 ягнят от 100 овцематок. На нынешний год - год празднования 70-летия Великого октября - он принял повышенные трудовые обязательства - получить от 100 маток не менее 100 ягнят и обеспечить стопроцентную сохранность поголовья. Сдать приплод в весе не менее 35 килограммов, настричь в среднем по 3 килограмма шерсти от каждой овцы.

Нынешняя, XII, пятилетка проходит под знаменем перестройки, а это значит, все должно идти от жизни, планы и реальные дела не должны расходиться.

Тусупбек уверен в своем успехе.

- Все, что намечено, будет выполнено, - говорит чабан.

И снова вместе

У них самая нужная, самая важная профессия на селе. Николай Ермоленко, Борис Бобенцов и Петр Ермоленко - механизаторы. В минувшую жатву они работали в одной загонке. Теперь степные корабли стоят в ожидании нового «плавания», а их капитаны вновь на трудовой вахте. И снова вместе. В настоящее время они работают в животноводстве, трудятся в одной базе. На их попечении - более двухсот телок прошлого года рождения. Животные упитаны, дают стабильные привесы. Помещение содержится в чистоте. На площадке, где разгружаются подвозимые корма, тоже всегда порядок. Скотники стараются, чтобы каждый клочок сена попал в кормушки.

Труженики совхоза «Трудовик», ознакомившись с проектом ЦК КПСС к XXV съезду «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976-1980 годы», горячо одобряют и поддерживают этот важнейший документ, стремятся работать еще лучше. Вместе со всеми ударно несут предсъездовскую вахту и механизаторы, временно работающие в животноводстве, там, где сейчас их рабочие руки тоже очень нужны.

Хозяин земли

- Зябь сейчас пашем: утром передал «К-700» своему сменщику. Юрию Перову. - Как работаете? - переспросил он. - По бригаде две клетки осталось, 200 га. По 18 га за смену даем.

Вот так началась наша беседа с одним из лучших механизаторов совхоза «Трудовик», признанным хлеборобом, дважды орденоносцем Сериком Орынбековым. Его имя хорошо известно в родном коллективе.

В дни, когда у нас в стране чествуют хлебороба, мозолистую руку Серика Орынбекова с чувством благодарности пожимают, поздравляя его с новыми трудовыми достижениями. А он, присутствуя на форумах, заседая в почетных президиумах, всегда помнит, знает и чувствует: его стихия, его нива деятельности - это поле, которому он отдал всю свою сознательную жизнь.

Родился Серик в 1936 году в ауле Кызыл-Шилик. Там его маленький, детский мир был переполнен извечными, родными красками, звуками, запахами - серебром ковыльной степи, ржанием жеребят, кизячным дымком родного очага. А когда Серику исполнилось пять лет, то и его отец ушел на войну и не вернулся.

Серик сполна познал военное детство со всеми его тяготами. В родном ауле окончил три класса, затем - школа-интернат в Киевке. Время диктовало свои планы. Киевская МТС направила паренька на годичные курсы трактористов в Караганду. Завершение учебы совпало с началом целинной эпопеи. А она серебрилась ковыльным морем за выгоном родного аула. И он поднимал ее, а она поднимала его. В год своего тридцатилетия стал членом КПСС - это уже было признанием.

Помнит Серик страду каждого года. Богатым был урожай 1973 года, но уборка была сложной: еще в октябре лежали придавленные к земле ненастьем тяжеловесные валки. Стар и млад выходили с вилами в поле, чтобы поднять их, просушить, дать возможность комбайну наполнить бункер. Серик тогда потерял чувство времени. Впоследствии был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В том же году получил бронзовую медаль ВДНХ СССР. Труд и призвание его, и вся жизнь С. Орынбекова. Он многократно избирался членом райкома партии, три раза его избирали членом обкома партии.

Был делегатом XIII съезда Компартии Казахстана, и верность полю оставалась неизменной. Осваивал все нововведения технологии, новую сельхозтехнику.

В конце 1974 года на административно-хозяйственной карте района появился новый совхоз «Трудовик», и поля, на которых трудился Серик, отошли в новое хозяйство. Перед Сериком был выбор: его просили остаться в «Черниговском», но он не изменил своему полю. С первых шагов «Трудовика» он стал в шеренгу правофланговых. Стал кавалером ордена Славы второй степени. Скромность и трудолюбие - эти две черты неотделимы друг от друга, в этом не раз убеждаешься, общаясь с Сериком Орынбековым.

Время неумолимо. Уже полвека прожито, а ему все кажется, что было это только вчера. И здоровье в последнее время начинает подводить. Надо бы в поликлинику сходить, взять справку, чтобы его перевели на легкий трактор. Но не такой он, Серик Орынбеков.

Где-то в глубине души надеется, что руководство почувствует это, предложит колесную машину. Не для того, конечно, чтобы отойти от трудных дел, а, наоборот, - отдать земле все то, что в его силах.

Подруги

В бухгалтерии совхоза «Трудовик» работают шесть девушек. Трудно найти единицу измерения их труда, хотя сами они привыкли иметь дело с цифрами и процентами. Однако, по единодушному мнению и главного бухгалтера совхоза М. С. Беляева, и старших коллег по работе, дела у девушек идут хорошо. Все они знают и любят свою профессию.

У каждой - свой участок работы. Кто занимается животноводством, кто по стройчасти ведет учет или учитывает объем работ ремонтной мастерской. Но в случае необходимости каждая может заменить подругу, прийти на помощь. Ведь их связывает не только общая работа, но и крепкая дружба. За исключением Надежды Кабылович все они - Елена Кидай, Вера Балан, Валентина Космачева и сестры Любовь и Валентина Герзиковы - росли и учились в Ивановке. Да и техникум каждая из них закончила один и тот же. Все это определило их общие интересы, увлечения.

Все шестеро - комсомолки. Всегда с желанием выполняют они общественные поручения, занимаются в кружке комсомольского политпросвещения, увлекаются художественной самодеятельностью. Всех их отличает общительность с людьми, интерес к художественной литературе, музыке.

Нередко в конце каждого отчетного периода на втором этаже конторы допоздна светятся окна. Это бухгалтерский аппарат, а в его числе и шесть подруг, о которых речь шла выше. сверяют, считают, учитывают труд сельчан. Трудна и очень нужна людям их профессия.

Когда труд в радость

Всегда добрым словом, с улыбкой встречает каждого посетителя магазина Валентина Тротно. В этом ее радушии как бы слышится: «Проходите, пожалуйста! Смелее, выбирайте, спрашивайте - я вам помогу».

Стаж ее работы за прилавком пока невелик.

- Сказать, что я сразу полюбила эту профессию, не могу, - рассказывает она о себе. - После окончания школы работала в совхозе. Затем окончила курсы продавцов при Головном райкоопе, встала за прилавок. Здесь-то и узнала, что профессия продавца очень интересная, но требует определенных знаний, поэтому пришлось окончить училище. И вот уже третий год я работаю в Ивановке, опять за прилавком, продавцом.

Хозяйственный магазин, где работает Валентина, разместился в приспособленном помещении. И ей надо обладать немалой фантазией, чтобы со вкусом и удобно расставить имеющийся товар.

Неотъемлемой чертой продавца является внимательное отношение к людям, доброта, отзывчивость. Вот почему первой заповедью для нее в работе является непременно выполнение всех заказов сельчан, которые отражают не только их возросшее благосостояние, но и высокий культурный уровень. И пользуется уважением у тружеников Валентина Тротно скорее не за постоянно высокие показатели, а больше за то, как, какими средствами эти показатели достигаются.

Работа - главное, но далеко не полное содержание ее жизни. Любит Валентина и книгу хорошую почитать, и музыку послушать, попеть, интересно провести свободное от работы время.

Если вы будете у нас в Ивановке и зайдете в хозяйственный магазин, вам непременно шагнет навстречу молодая приветливая женщина и скажет: «Здравствуйте!» И поверьте: сделает все, чтобы вы остались довольны покупкой.

Четверть века за рулем

В путевом листе водителя Райнгольда Самойловича Зоммера из совхоза «Трудовик» уже четыре года подряд конечный пункт назначения значится один и тот же - Киевский молзавод. В зависимости от времени года маршрут молоковоза, на котором он работает, меняется: зимой он начинается от молочно-товарной фермы на центральной усадьбе, летом - в степи, от летних лагерей молочного скота. Пыльные в зной, вязкие в непогоду степные дороги изъезжены им, как говорится, вдоль и поперек. И всегда в назначенный час опытный водитель на месте. Малейшее опоздание чревато последствиями: молоко - продукт скоропортящийся, того и гляди пропадет. А за этим молоком труд многих доярок, скотников, специалистов. И еще ни разу Райнгольд Самойлович не подвел своих товарищей, с которыми живет в одном селе, трудится рядом.

Машина вырывается на автотрассу, набирает скорость. Под колеса темной лентой стелится асфальт. Дорога живет своим рабочим ритмом: бегут по ней в оба конца юркие «Жигули» и «Москвичи», трудяги «ЗИЛы» и «КамАЗы». Райнгольд Самойлович и саму дорогу в Киевку и автомашины на ней помнит иными.

- В 1957 году из бывшего еще тогда колхоза «Трудовик» направили меня в Караганду на четырехмесячные курсы шоферов, - рассказывает Зоммер. - По окончании дали мне «ГАЗ-51» - одну из шести машин, которыми располагал колхоз. Не ахти, конечно, была машина, но по тем временам - техника. У нас сегодня, кстати, автопарк в десять раз вырос. Дорогу эту, Киевка-Интумак, только отсыпать начали. И мы все больше - степными. Вспоминать смешно - до Осакаровка, бывало, по несколько суток добирались, и это каких-то 115 километров! А ездили как? Сейчас далее на мопедах «повороты» есть, а тогда приходилось на каждом перекрестке распахивать дверцу кабины и выбрасывать руку. Особенно трудно зимой приходилось. Об отоплении кабины мы и понятия не имели, ветровое стекло изморозь покроеет, видимости никакой, то и дело приходилось протирать солью.

Возил Райнгольд Самойлович разные грузы, их с каждым годом требовалось все больше и больше. Строился, креп колхоз, рядом вставали на ноги целинные совхозы. Со временем в совхоз был реорганизован и его родной колхоз «Трудовик». Много было соблазнов поменять профессию на более легкую - технику-то он знает хорошо, в любой детали разбирается. Да только остался верен однажды избранной профессии, а если кому и помочь надо - не отказывается. За

однажды избранной профессии, а если кому и помочь надо - не отказывается. За трудолюбие, внимательность к товарищам уважают его в коллективе. Не раз отмечало Зоммера и руководство хозяйства - есть за что.

Предпоследнюю машину он получил прямо с завода и наездил на ней без капитального ремонта 180 тысяч километров. Уже на этой «ГАЗ-52», позади около 90 тысяч километров, а кроме как положенной резины еще ничего не менял. Бережно, по-хозяйски относится Райнгольд Самойлович к машине и потому уверен, что и после 100-тысячного пробега будет она в рабочем состоянии.

Рейс закончен. По графику доставлена ценная продукция к пункту назначения. Завтра повторится то же самое, та же дорога будет стелиться перед автомашиной и, кажется, не будет ей конца.

Призвание

Два десятка лет уже учат детей в школе супруги Круг. Схожи и их биографии. Оба когда-то воспитывались в детдоме. Закончили педучилище. Заботы, радости и волнения у них одни.

Елизавета Эдуардовна преподает в начальных классах. В последние годы она добилась стопроцентной успеваемости учащихся. Зарекомендовала себя хорошей воспитательницей малышей.

Роман Романович заочно закончил вуз. Ведет историю и другие предметы. Сейчас он - директор Индустриальной средней школы. В этой же школе работает и Елизавета Эдуардовна.

Супруги активно участвуют в общественной работе. Их призвание - нести людям свет знаний. Роман Романович выступает, например, с лекциями по полигэкономии.

Хочется пожелать им дальнейших успехов в их нелегком, но почетном и уважаемом труде и личного счастья.

О «Судьбе человека»

и... совести читателя

Она лежала на пыльной бетонной скамье автобусного павильона, что напротив районного узла связи. Под порывистым ветром шелестели ее страницы. Люди приходили и уходили. Особенно аккуратные садились на книгу, чтобы не запачкать брюки или платье.

Вечером, возвращаясь с работы домой, мне довелось опять быть на этой остановке. Книжка все так же сиротливо лежала здесь, ожидая своего хозяина. И я подумал: что это за человек? Случайно ли он обронил ее? Или вот также сидел на книге, чтобы не запачкаться самому, в ожидании автобуса?

Наклонившись над ней, прочитал: «Судьба человека», Михаил Шолохов. И в памяти моей всплыли кадры из фильма, поставленного по этому рассказу. Мы, мальчишки, ходили смотреть его по несколько раз. Женщины в зале плакали. А мы сжимали от ненависти к фашистам кулаки. После фильма долго не оставляло нас чувство гордости за нас, чувство гордости за простого русского человека, прошедшего через ад и муки и все же сохранившего в себе высокую человечность.

Книжка совсем еще новая. Судя по шрифту на обложке - Р2 Ш78, по данным на ее развороте - 10812- КСШ № 3 - принадлежит библиотеке. Будет ли мучить совесть ее владельца, когда он обнаружит потерю? Или он успокоит себя тем, что сможет взамен ее принести в библиотеку другую?

Цена книге - 10 копеек. Нерадивый читатель потерял только 10 копеек. Настоящий же почитатель художественной литературы - значительно больше.

Откровение

Не буду рисовать словесный портрет Валентины Игнатьевны: ее фотография была недавно помещена в газете. И вообще надо отметить: для Валентины сейчас - период... испытания славой. Чуть забегаю вперед, передам ее же сетования вот по этому поводу: «Я не люблю ничего этого! Не могу и не хочу ездить, говорить, выступать. Иногда даже думаю - надо хуже работать, чтобы ничего этого не было, но, понимаете, я работать хочу. Просто хорошо работать». Но это уже потом.

А сначала:

В моем рабочем блокноте - вопросы - банальные, стереотипные, шаблонные - иначе, кажется, и не спросишь. Валентина Игнатьевна покорно сидит за столом напротив и отвечает. И ее ответы тоже банальные, стереотипные, шаблонные. И тоже, кажется, иначе и не ответит. Мы часто и надолго умолкаем. Взаимная неловкость, натянутость. «Нет, так секретов мне не раскрыть». Она искренне хочет мне помочь, но... По всей видимости, она совсем недавно вернулась с фермы: печка только-только разгорается, а время идет. Ей, наверное, надо управляться по дому, готовить обед, а тут... Я вдруг честно признаюсь ей в своих трудностях. Она успокаивает: «Ничего, ничего, сидите» и тоже вдруг, не то спрашивая, не то сообщая: «Можно, я пока халат постираю». Мы оба смеемся. И только тут начинается настоящая непринужденная беседа. Отряхивая то и дело с рук мыльную пену, Валентина выдает свои «секреты». Вот они.

Она всегда боится «забюллетенить», потому что тогда ее группу берет подменная доярка, а это всегда потери удоев. Не в обиду будет сказано подруге, но это уже проверенный факт. Корм уже после кормораздатчика она сама разравнивает по кормушкам и распределяет, видя и зная аппетит каждой из своих буренок. Во время доения она на слух определяет исправность доильного аппарата: слабый вакуум - плохо, слишком сильный - тоже плохо. После механической дойки обязательно ручное додаивание, а это самое жирное молоко. В своем успехе, как и в успехе в отрасли в целом, Валентина Игнатьевна видит постоянную заботу и внимание лично директора совхоза Николая Андреевича Полеводина.

- Нет такого дня, чтобы он не был на ферме. Не поинтересовался нашим трудом. Не то, чтобы я его боялась, но мне просто стыдно и неловко, когда меня спрашивают, почему сегодня меньше надоила, чем вчера. Стоит упасть удою или проценту жира, как тут же он собирает зоотехников, доярок, и мы анализируем, ищем причины и находим

нужные решения: низка жирность - включаем в рацион люцерну. И хотя при этом удои падают, в целом за счет жирности мы выигрываем. Это очень важно, когда твой труд под пристальным вниманием первого руководителя, когда он оценивается по достоинству, - подводит итог Валентина Ивановна.

Еще характерная черта Комаровой - принимать новое. А это порой так не просто:

- Понимаете, при поточно-цеховой системе происходит, так сказать, обезличка: контингент коров в группе меняется, и уже нет твоих постоянных Зорьки, Майки, Ракеты, Ночки. Поначалу очень скучала, только по своей группе. - признается Валентина Игнатьевна, - а вот сейчас перешла на «елочку», набираю новую группу, группу категории высшего удоя.

Валентина Игнатьевна прошла в соседнюю комнату и, улыбаясь, вернулась

уже с дипломатом в руке. «Со съезда привезла. И это, и все, что сейчас увидите, - подарки нам, делегатам». И она стала выкладывать на стол: часы с именной надписью, папку, блокноты, набор ручек, открытки с видами Москвы и многое другое. Она уже сама, не ожидая моих вопросов, взволнованно и сбивчиво рассказывала о своих впечатлениях:

- Я - единственная от Нуринаского района. О впечатлениях не спрашивайте!

Понимаете, впервые в Москве! Поселили нас в гостинице «Россия». В кино, в театры, на концерты не ходила - посещала только исторические, памятные места. Ведь это же Москва. В первую очередь, конечно же, - мавзоль Ленина. О самом съезде? - переспросила Валентина Игнатьевна. - Речь М. С. Горбачева. Поистине «Кто ясно мыслит, ясно выражается». Знаете, теперь только - работать, работать, работать!

Ну, что ж, вывод Валентиной Игнатьевны Комаровой сделан правильный.

Успехов тебе, Тусупбек!

Автобус «Киевка - «Балыктыкульский», разрезая плотный, как студень, морозный воздух, уходил в белую, безмолвную пустыню. Пассажир, сидевший чуть впереди и по левую сторону от прохода, уже несколько раз оборачивался и улыбался мне, как старому знакомому. Это был коренастый, плотный человек лет за пятьдесят, со скуластым обветренным лицом типичного степняка и одетый типично постепному, основательно - овчинный полушубок, такие же рукавицы - только бы камчу в руку и на коня! Я стал в памяти перебирать своих земляков - ивановцев. А тем временем пассажир, садясь на свободное возле меня место, спросил: «Не узнаешь?» и, не дожидаясь ответа, поспешил на помощь моей памяти: «Я - Тусупбек Багисов».

Год назад я побывал у него на зимовке в совхозе «Балыктыкульский» на 46-й скважине. Тогда написал о нем зарисовку. Теперь я знал, что Тусупбек сдержал слово и выполнил свое социалистическое обязательство нынешнего года по всем показателям. Он получил по 107 ягнят от 100 овцематок, настриг по 3, 5 килограмма шерсти, реализовал на мясо животных в весе по 35 килограммов. Стал чемпионом района среди чабанов.

- А как идет нынешняя зимовка, какие планы, что нового?

Тусупбек твердо ответил:

- К зимовке подготовились хорошо - отремонтированы помещения, кормов в достатке, водопой налажен. А планы - хорошо работать, сработать не хуже, чем в минувший год. Дирекция и руководство хозяйства, как никогда раньше, заботятся о нас, чабанах. Например, раньше считалось, что чабан с голоду не пропадет - он постоянно возле мяса. И действительно, мы питались в основном мясом. А сейчас заботятся о нашем питании. На зиму на чабанские точки завезли картофель, капусту и морковь. Считаю, что это плоды перестройки, нового подхода к решению производственных планов.

За окном салона автобуса замелькали дома Ивановки. Мне пора было выходить.

Успехов тебе, чемпион Тусупбек!

В конечном счете - для людей

Пожалуй, самой заметной и характерной чертой нашего времени является торгующий человек, торгующий с покрывала, разостланного на земле, с раскладушки. Конечно, можно это одобрять, можно осуждать, но это реальность наших дней. Для кого-то это трагедия, для кого-то - звездный час, любим мы их вот таких горе-коммерсантов или нет, но сегодня, увы, мы в них нуждаемся, ведь потребсоюзы и рабкоопы, как говорится, приказали долго жить. Сейчас торгующих людей, так сказать, на душу населения очень много. Вот это нас и удивляет, и раздражает порой. А покупатель всегда прав - это старая истина. Но время и конкуренция все расставят по своим местам, все уравниют и на этом поле деятельности. Останутся те, для кого торговля стала призванием, останутся профессионалы, ведь уже и сейчас можно разглядеть, кто из торгующих работает и для себя, и для людей, а кто только для себя. И никуда не уйдешь от такого показателя, как товарооборот, в нем заключен труд, забота предпринимателя. А то ведь кое-кто из «коммерсантов», не утруждая себя, хочет озолотиться, заламывая тройную цену за пару кроссовок или трико. После вот такого предисловия мне хочется рассказать об одном магазине товаров первой необходимости.

Частный магазин Жидек Байболовны Уябековой дислоцируется в Ивановке с августа 1998 года, и за это время стал ведущей торговой точкой на селе. «Широкий ассортимент товаров, сносные цены», - так считают многие жители села, кто пользовался услугами этого магазина.

Если юридическим лицом, хозяйкой магазина является Жидек Байболовна, то хозяевами-исполнителями этой торговой точки являются ее сыновья-двойняшки: Аскар и Айдар. Они непосредственно реализуют товары, находясь в контакте с покупателями. И то, что дела магазина идут неплохо, в значительной мере их заслуга.

В магазине нигде не красуется памятный всем нам призыв: «Продавец и покупатель! Будьте взаимно вежливы!». Этот принцип осуществляется на деле изо дня в день. Эти молодые ребята, 1978 года рождения, Аскар и Айдар, тактичны и вежливы. Обслуживают грамотно и быстро. В помещении чисто, аккуратно расстелен товар на полках, всегда приглушенно звучит музыка и царит атмосфера доброжелательности.

Конечно, не остается в стороне от дела и глава семьи, бывший водитель АТП Жумабай Уябеков. Он с сыном Аскарком исполняет роль

поставщика товаров. Очень важно учитывать спрос и предложение, а именно по этой схеме работает магазин Жидек Байболовны.

Беседуя с Аскарком, я для того, чтобы собрать более полную информацию о магазине, спросил: «Каков товарооборот в денежном выражении? ». Аскар задумался, а потом, улыбаясь, сказал: «Если можно, пусть это останется коммерческой тайной». Ну, что же, мы, покупатели, не против коммерческих тайн, когда чувствуем, что предприниматель работает в конечном итоге не только для себя, но и для людей.

Минувший год Болата Тулеуова

В органах внутренних дел Болат Аманбаевич работает с 1990 года. В настоящее время он участковый инспектор села Ивановки.

Минувший год для него был плодотворным и принес моральное удовлетворение. Болат Аманбаевич хорошо знает людей вверенного ему участка. К своей службе он относится творчески и считает, что одних карательных мер в наведении правопорядка недостаточно. Поэтому ведет активную профилактическую работу, направленную на предупреждение правонарушений. Проводит персональные беседы с лицами, склонными к злоупотреблению спиртным. Вот его высказывание по этому поводу: «Пьющий человек тоже индивидуум. Поэтому с одним достаточно провести беседу, а другого этим не проймешь, приходится штрафовать, направлять на лечение». Несомненная заслуга участкового в том, что резко снизилось количество фактов скотокрадства, хулиганства в общественных местах, семейных дебошей.

Труд Болата Аманбаевича не остался незамеченным. За активное участие в общественно-политической жизни района и села, личный трудовой, творческий вклад в построение нового казахстанского общества в минувшем году Болат Аманбаевич был награжден Почетными грамотами акима района и акима села. А приказом областного департамента внутренних дел он был удостоен нагрудного знака “Үздік қызметі үшін”.

Поздравляем Болата Аманбаевича с достигнутыми успехами. Пусть в новом году он приумножит свои нужные и добрые дела!

Язык - ключ к душе народа

Сказать о том, что Мартай Мукужанович Каирбеков хорошо владеет русским языком - значит, ничего не сказать. Он в совершенстве познал то своеобразное наречие, на котором говорят коренные ивановцы, чьи отцы и деды переселились в дореволюционное время в Казахстан с Украины. В его речи не ощущается не только казахского акцента, а, наоборот, его живому языку присуща и та интонация, и тот особый колорит, что отличает речь ивановцев. В беседе он сыпет пословицами и поговорками типа: «Не мало баба хлопочив - та й купыла порося». Через общение с «хохлами» он познал их характер, менталитет. На мой вопрос о том, как он изучал язык, Мартай Мукужанович рассмеялся: «Та не як не изучав. Я ж с ними всю жизнь вмисти, то в школи, то в армии, то в бригади».

Мартай родился в 42-м и, не считая три года действительной службы в С А, всю свою сознательную жизнь прожил в Ивановке. Надо сказать, что семья ныне покойного Мукужана Каирбекова очень контактна. Хорошо говорят на русском и младшие братья Мартая: Аманкен и Амантай.

Свободно общается на казахском языке немец Райнгольд Теофилевич Шляк. Семью Теофила Шляк депортировали из Тульской области в 41-м. Райнгольду тогда было 11 лет. Вот с тех пор он и живет в Ивановке. В совершенстве постиг язык, обычаи и психологию казахов.

Еще один земляк, украинец по национальности, Николай Павлович Балан, не просто свободно общается на казахском, но хорошо знает казахское устное творчество: легенды, предания, обычаи. Знает, что казахи ценят и к чему равнодушны, знает и любит их национальную кухню.

Мы часто и много говорим о стабильности, о межнациональном согласии в Республике Казахстан, а ведь все это и складывается вот из таких составляющих, как знание языка твоего иноязычного соседа, друга, товарища, коллеги по работе. И вот среди людей, о которых я поведал: М. М. Каирбекове, Р. Т. Шляк, Н. П. Балан, просто не может быть несогласия - они всегда найдут общий ЯЗЫК.

Содержание

От автора... стр. 3
Капли человечности и добра... стр. 5
Главные герои - земляки... стр. 6
Стихи... стр. 7-53
Раздумье
Сергей Есенин
Раздумье под елкой
Новогоднее пожелание
Повесть о счастье
Раздумье (О, как мне хочется устать)
Почему?
На берегу Нуры
Ностальгическое
Наедине с собой
Лавочка
О женщине
О Времени и о Тебе
К Лиде
По следам
Лизе
Откровение
Индийский фильм
Особое звание
Учителям и педагогам
Сочинение на школьную тему
Рассказ старого шофера
У постели мамы
Параллельная жизнь
У окна
У обелиска
Обращение к потомкам
О главной награде
О дяде Коле
Война-судьба - судьба-война
Письмо, написанное химическим карандашом
Откровение ветерана
Реформы и рынок
У экрана телевизора
Встреча с земляком

Слово о Казахстане
Повесть о сопке
Смысл творчества

Рассказы... стр. 54-83
Последний бой Родиона Рощина
Родная улица
Льжкня
Своя орбита
Барабанщик
Храбрый Олег
Ленькины вопросы
Подарок Виктора Тростникова
Сережкин подарок
Женская сила

Юморески... стр. 84-110
Два берега у одной реки
Теория и практика
Дочитался...
«Обновление»
Давай, но только без политики!
Производственная травма
Оптимальный вариант или выстраданная практичность
Новогодняя сказка
Новогодний диалог
Почти по сценарию
И сказка на каждом шагу
«А там дают...»
Роковая ошибка непризнанного гения
Итоги года Ивана Невезухина

Фельетоны... стр. 111-120
Деньги - вода, или сказ о том, как уморили «королеву»
Размышления у парадного подъезда
В фонд фортуны
Последней парюю сапог
Не было бы счастья...

Очерки... стр. 121-251
У истока

Воспитание музыкой
Вехи большой жизни
Призвание его - дорога
Старожилы
Партизан Войтко
Живет по солнечным часам
Верность делу
По долгу и по совести
Формула жизни
Через Горькую Линию
У истока
Одержимость
Отзывается сердце
Цветы Ольги Гаун
Шел смертный бой
Труд - вся жизнь
По высоким принципам
На таких мир держится
Не лицемеря
Его считали хорошим хозяйственником
Урок в 34 года
День за днем
Когда приходит успех
На пульсе жизни
Разлюбила коммуниста - полюбила беляка...
Женское счастье
У русской печи
Победители
И в дни войны, и в мирные годы
... и жизнь продолжается!
За строкой трудовой книжки
Глядя на этих парней...
А война пришла домой
Так мы жили
На мосту
Им было в войну по 12-15
Их судьбы вершила война и Победа (Долг дочери)
У книжной полки
Нура, что с тобой случилось!

Зарисовки... стр. 252-279
Сельские кузнецы
Удачи тебе, Сергей!
Лицом к жизни
За все в ответе
Да будет свет!
Смысл моей работы
Подруги
Трудом воспитан человек
Новые рубежи Тусупбека
И снова вместе
Хозяин земли
Подруги
Когда труд в радость
Четверть века за рулем
Призвание
О «Судьбе человека» и... совести читателя
Откровение
Успехов тебе, Тусупбек!
В конечном счете - для людей
Минувший год Болата Тулеуова
Язык - ключ к душе народа

Отзывы, замечания и предложения, возникшие у читателей по данному сборнику, можно отсылать на адрес автора: село имени Мынбаева, Карагандинская область, Нуринский район, ул. Центральная, 5, кв. 2, телефон: (44)-2-66.

Формат 60 x 84 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Объем 17,75 п. л.
Заказ № 21. Тираж 500 экз.
Отпечатано в типографии ТОО «АРКО»,
г. Караганда, ул. Ленина, 2.